

Юрий Васильев

ТАЙНЫ «МОГИКАНА»

К 100-летию со дня рождения Ю.В. Андропова

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. А. Васильев

ТАЙНЫ «МОГИКАНА»

(К 100-летию со дня рождения Ю. В. Андропова)

Издательство Московского гуманитарного университета
2014

ББК 63.3(2)622
В19

Работа выполнена в рамках проекта «Демифологизация истории России», осуществляемого АНО «Центр образовательных технологий» при поддержке Общероссийской общественной организации «Общество «Знание» России».

Автор

Ю. А. Васильев, доктор исторических наук, профессор.

Рецензенты:

А. Я. Лившин, доктор исторических наук, профессор,
зам. декана по международным связям
факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова;
А. А. Замостьянов, кандидат филологических наук,
шеф-редактор исторического приложения
к «Литературной газете» «Настоящее прошлое».

В19 **Васильев, Ю. А.**

Тайны «Могикана» (К 100-летию со дня рождения Ю. В. Андропова) :
монография / Ю. А. Васильев. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та,
2014. — 200 с.

ISBN 978-5-98079-992-2

Книга посвящена наименее изученному периоду в политической биографии Ю. В. Андропова — деятельности в годы Великой Отечественной войны в качестве первого секретаря ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР. Автор опровергает многочисленные домыслы и недостоверные факты, связанные с работой Ю. В. Андропова в сложных условиях прифронтной республики, где ему приходилось заниматься организацией секретной подпольной деятельности в оккупированных районах и партизанского движения в Карелии. В книге представлено осмысление проблем, связанных с восприятием цены Победы, сохранением потенциала молодого поколения для будущего, роли идеологии в Великой Отечественной войне.

ББК 63.3(2)622

На 4-й полосе обложки — здание ЦК ЛКСМ в городе Беломорске, фронтальной столице Карело-Финской ССР. В этом доме на ул. Ивашкина работал Ю. В. Андропов в годы войны.

ISBN 978-5-98079-992-2

© Васильев Ю. А., 2014
© Московский гуманитарный университет, 2014

Оглавление

Введение.....	4
«Этот Андропов... опять лезет не в свои сани».....	10
Без права на ошибку: карельское подполье «Могикана».....	43
За чертой партизанского милосердия: «истребление оккупантов».....	77
Маленькие герои большой войны.....	108
«Дать стране человека, который бы все умел — и делать, и думать».....	161
Заключение.....	186
Список источников.....	197

Введение

15 июня 2014 г. — 100-летний юбилей Юрия Владимировича Андропова. Личность государственного деятеля, возглавлявшего в течение 15 лет КГБ СССР (с 18.05.1967 г. по 26.05.1982 г.) и 15 месяцев — СССР (с 12.11.1982 г. по 9.02.1984 г.), до сих пор окутана множеством загадок и домыслов. Андропов является объектом мифотворчества. И это несмотря на то, что о нем написано множество книг (об Андропове писали С. Семанов, И. Минутко, Л. Млечин, Р. Медведев, О. Хлобустов, С. Чертопруд и др.). Нередко авторы публикаций акцентировали внимание на поиске информации обличительного характера, использовали противоречивые сведения из недостоверных источников. Самый малоизученный период биографии Ю. В. Андропова — годы Великой Отечественной войны. В 1941–1944 гг. он являлся первым секретарем ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР. В военные годы Андропов получил позывной «Могикан», когда в качестве комсомольского работника организовывал подпольное и партизанское движение в оккупированной Карелии.

В современных публикациях часто встречаются сомнительные трактовки военных событий, в условиях которых пришлось действовать Ю. В. Андропову. Особенно это касается оккупированных территорий. В числе подобных изданий — книга Марка Солонина, в которой автор утверждает: «Объективное обсуждение финского оккупационного режима совершенно немыслимо без учета того главного фактора, который и вызвал такие противоправные и негуманные действия финских властей, как насильственное переселение и создание лагерей для перемещенных лиц. Речь идет, разумеется, о так называемых карельских партизанах, т. е. диверсионных отрядах НКВД, терроризировавших мирное население Финляндии и Карелии» (Солонин, 2008: 20). В данном положении

выражается не просто непонимание феномена партизанского движения на территории Карелии в годы Великой Отечественной войны — уничижительные определения по поводу «так называемых карельских партизан» и отождествление их с группами НКВД недопустимы и оскорбительны. Солонин фактически повторяет заключение одного из отчетов финской оккупационной администрации (Военного управления Восточной Карелии), в котором причиной принудительного переселения населения объявлялось «оживленное» партизанское движение, вследствие чего финские власти «приняли меры по эвакуации населения» (Веригин, 2013: 222). Но данное объяснение по поводу ответных действий карельских партизан имеет тактический характер. В стратегическом плане политика финской администрации на оккупированной территории была определена задолго до вторжения финских войск в Карело-Финскую ССР. Программа действий обуславливалась идеологией создания будущей «Великой Финляндии», включающей территории Карелии с этнически родственным финно-угорским населением.

Необоснованные и бездоказательные интерпретации, высказанные Солониным, созвучны аргументам, тиражируемым в средствах массовой информации Финляндии, которые в постсоветский период настойчиво поднимают так называемый партизанский вопрос: ряд общественных организаций и политических деятелей страны обвиняют бывших советских партизан в совершении военных преступлений на территории Финляндии и требуют выдачи их финскому правосудию как военных преступников. Так, общество «Суур Суоми» («Великая Финляндия») требует суда над бывшими советскими партизанами за жестокость по отношению к мирному населению Финляндии. Известно, что в прокуратуру Республики Карелия были присланы списки «преступников» (Карелия. 1999. 11 марта. № 13 (529) [Электронный ресурс]. URL:

http://www.gov.karelia.ru/Karelia/529/t/529_8.html (дата обращения: 15.01.2014). Был бы жив Ю. В. Андропов — наверняка бы оказался в первых строках подобного «санкционного» списка как один из главных организаторов партизанского движения в Карелии.

Как известно, решение о военных преступниках вынесено Нюрнбергским военным трибуналом: в качестве таковых объявлены нацистская Германия и ее союзники. Современные финские исследователи категорически отрицают причастность Финляндии к союзу с Германией. Но как тогда определить вторжение финских войск, на башнях танков которых красовалась фашистская свастика, и оккупацию части территории Советского Союза — двух третей Карело-Финской союзной республики? Их никто не приглашал на советскую землю — сами пришли. Количество жертв среди гражданского населения Финляндии, которое ставится в вину карельским партизанам (по разным данным, 147 человек, либо 176, либо около 200 человек), несоизмеримо с потерями среди мирного населения, включая детей, на оккупированной территории Советской Карелии, которые исчисляются многими тысячами жизней.

Для советского народа защита своего Отечества стала Великой Отечественной войной. Действия финской стороны были продиктованы реализацией идеи «Великой Финляндии». Данный тезис был детально подтвержден и обоснован в годы войны благодаря, в том числе, информации, добытой подпольем «Могикана» — Ю. В. Андропова. Как и то, что провалилась попытка создания «Великой Финляндии» за счет присоединения территории так называемой Восточной Карелии со всеми ее природными богатствами. «Родственное» финно-угорское население, которое вроде бы пришли освободить от большевизма финские войска, не восприняло новую власть и новую идеологию.

Материалы книги подготовлены в рамках проекта «Демифологизация истории России», осуществляемого АНО «Центр образовательных технологий» при поддержке Общероссийской общественной организации «Общество «Знание» России». Исследовательская работа по теме осуществлялась в парадигме локальной истории (прифронтовая Карело-Финская ССР) и повседневной истории. Изучение проблемы проводится в традиции русской исторической школы — во взаимосвязанном контексте двух методологических подходов: номологического и идиографического (феноменологического). В современном мифотворчестве преобладает увлечение поиском сенсаций и трагических картин, отягощенных политической и пропагандистской риторикой. Нередко авторы акцентируют внимание на отдельных фактах, которые будоражат сознание, вызывая эмоциональное восприятие, но не создают полной и объективной картины. Репрезентация исторических реалий Великой Отечественной войны в большей степени должна быть связана не только и не столько с описательной стороной отдельных событий — важнее выявить, какими причинами были вызваны происходившие процессы, исследовать их природу, тенденции и закономерности.

В связи с этим представляется удачной концепция вышедшей в июне 2014 г. книги известного российского журналиста и издателя Ю. В. Шлейкина «Андропов. Карелия. 1940–1951... биографическая хроника». Прекрасное оформление издания, насыщенного множеством документальных материалов, сочетается со значимым в научном плане методологическим подходом автора: в единую историческую схему он органично объединил «трех героев»: главный герой — Юрий Андропов; второй — его Карелия, которую он защищал в годы войны; третий герой — Время, годы, которые во многом его сформировали, дали уникальный опыт руководящей работы в годы военной жизни (Шлейкин, 2014: 6).

Эмпирическая база нашего исследования основана на значительном массиве оригинальных источников, в основном архивных. Изучено также значительное количество материалов периодической печати (газеты военного времени). В числе основных архивных материалов — коллекции документов фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Национального архива Республики Карелия (НА РК). Рассекреченные документы спецотдела ЦК ВЛКСМ (полное название — Отдел по работе с комсомольцами и молодежью на временно оккупированных территориях) позволяют восстановить неизвестную секретную деятельность первого секретаря ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР Ю. В. Андропова в 1942–1944 гг. Воспоминания участников событий помогают уточнить многие детали и сюжеты работы «невидимого фронта». По свидетельству ветеранов, по строжайшему указанию Андропова всю информацию надо было держать только в голове — никаких списков, документов.

Выражаем огромную благодарность заведующей читальным залом № 3 РГАСПИ *Галине Михайловне Токаревой* за большую помощь в работе с архивными документами и всемерную поддержку в процессе изучения темы. Уникальный жизненный опыт этого замечательного человека, высококвалифицированного и одновременно очень требовательного специалиста по работе с документами, соединил воедино военные годы выживания малолетней узницы фашистского концлагеря, в послевоенный период — ответственность первого секретаря Сахалинского обкома комсомола, руководителя секретного сектора ЦК ВЛКСМ, затем протокольного сектора, закалку сотрудника Комитета партийного контроля.

Историческая память связывает воедино знаковые исторические события, происходившие в родном городе автора — карельском городе Сегеже, прифронтовом в годы Великой Отечественной войны. Среди основных участников событий

военного лихолетья — Юрий Владимирович Андропов. Рабочий поселок Сегежа, в котором Андропову приходилось заниматься важными делами, являлся одним из основных партизанских центров — он находился недалеко от линии фронта, остававшейся почти неизменной до июня 1944 г. Поселок, расположенный на Кировской (ныне Октябрьской) железной дороге, был образован в 1938 г. для «эксплуатационных кадров» Сегежстроя: в составе Беломорско-Балтийского комбината (ББК) создавался сегежский лесобумхимкомбинат — крупнейший производитель мешочной бумаги не только в СССР, но и во всей Европе. Для большой стройки в октябре 1939 г. был организован Сегежлаг. В связи с началом войны 28 июня 1941 г. он был закрыт.

Город Беломорск, административная столица КФССР в годы войны, находился в 109 км от Сегежи. В Сегеже располагалась база партизанских отрядов. Для подготовки партизанских кадров в приграничном поселке была создана партизанская школа (учебный пункт), здесь проходили специальную подготовку партизаны и подпольщики. Из Сегежи многие партизанские отряды уходили в поход. Так, первая партизанская бригада в июне 1942 г. именно отсюда отправилась за линию фронта, сюда же вернулась в августе 1942 г. Сегежа стала госпитальной базой 32-й армии Карельского фронта, сюда также доставляли раненых партизан: в поселке размещались несколько стационарных и передвижных госпиталей. В декабре 1943 г. рабочий поселок Сегежа получил статус города (в послевоенный период советской истории, в 1960 г., Сегежа стала Всесоюзной ударной комсомольской стройкой).

«ЭТОТ АНДРОПОВ... ОПЯТЬ ЛЕЗЕТ НЕ В СВОИ САНИ»

Сегодня десятки сайтов в Интернете тиражируют одни и те же фразы в отношении Ю. В. Андропова, источником которых стала неопубликованная рукопись книги бывшего первого секретаря ЦК КП(б) КФССР, члена Военного совета Карельского фронта генерал-майора Г. Н. Куприянова под названием «Партизанская война на Севере». Текст объемной рукописи хранится в деле Куприянова в Национальном архиве Республики Карелия.

Ссылаясь на заведующего организационным отделом ЦК КП(б) И. В. Власова, партийный руководитель республики подчеркивал, что завоорг предложил ему послать на подпольную работу Ю. В. Андропова: «“Юрий молодой, здоровый парень, что ему околачиваться в тылах? В комсомоле республики остались одни девушки-подростки пионерского возраста. А в ЦК комсомола хватит работников и без Андропова — пусть повоюет. И будет очень хорошо, если комсомольский партизанский отряд возглавит секретарь ЦК комсомола”. Но Юрий Владимирович сам не просился послать его на войну, в подполье или партизаны, как настойчиво просились многие работники старше его по возрасту. Больше того, он часто жаловался на больные почки. И вообще на слабое здоровье. Был у него и еще один довод для отказа отправить его в подполье или в партизанский отряд: в Беломорске у него жила жена, она только что родила ребенка...» однако, по словам Куприянова, он не имел «морального права применить высшую силу, высшее право послать Ю. В. Андропова в партизаны, руководствуясь партийной дисциплиной. Как-то неудобно было сказать: «Не хочешь ли повоевать?» человек прячется за свою номенклатурную бронь, за свою болезнь, за жену и ребенка». Куприянов обвинял Андропова

«в карьеризме, клевете и шкурничестве», уклонении от отправки за линию фронта: «...Это было продиктовано исключительно большой хронической трусостью и удивительным даром приспособленчества, которыми обладает этот человек». (Куприянов свидетельствует: Электронный ресурс).

Конечно, в определенной мере за этими словами можно усмотреть жестокую обиду человека, репрессированного по «ленинградскому делу» и томившегося в тюрьмах и лагерях в 1950–1956 гг. Куприянов утверждал, что после его ареста «некоторые из подпольщиков были арестованы, некоторые сняты с работы по инициативе Ю. В. Андропова». Одновременно он резко оценивал позицию Г. М. Маленкова, который в 1944 г. отклонил представление карельского руководства к награде партизан и подпольщиков, после чего последовали обвинения в адрес Куприянова и Власова в связи с «политической близорукостью» в отношении деятельности подпольщиков в годы войны (там же).

Однако сохранились другие свидетельства и оценки Г. Н. Куприянова в отношении Ю. А. Андропова, причем противоположные изложенному. В неопубликованной книге Г. Н. Куприянова «Во имя Великой Победы» автор писал: «Я очень уважал Юрия Владимировича. С ним было легко работать, приятно беседовать. В любом большом и малом деле он находил что-то новое, всегда вносил живую струю в проведение любого мероприятия. Его любили не только комсомольцы, но и весь партийный актив. В июне 1943 г. секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов настоятельно просил меня отпустить Ю. В. Андропова — хотел рекомендовать его первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины. Я категорически возражал. Наш спор разбирался на заседании оргбюро ЦК ВКП(б). В резолюции записали: “Слушали просьбу т. Михайлова и письмо т. Куприянова о Ю. В. Андропове. Постановили: в просьбе т. Михайлова отказать, согласиться с мнением т. Куприянова и оставить

Ю. В. Андропова на работе в Карело-Финской ССР» (цит. по: Шлейкин, 2013: 40). Так когда же «мнение т. Куприянова» было искренним? Когда он обличал Андропова или когда он же его превозносил? Перевод Ю. В. Андропова на должность руководителя комсомола Украины, который, как свидетельствуют документы, планировался руководством ЦК ВЛКСМ, вполне объясним: успешный карельский опыт организации партизанской и подпольной работы предполагалось использовать на Украине, где деятельность на оккупированных советских территориях была намного масштабнее. Партийное руководство Карелии категорически этому воспротивилось¹. Конечно, не для того, чтобы отправить Андропова «повоевать» — «возглавить» комсомольский партизанский отряд.

Следует отметить, что именно секретарь ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянов 23 сентября 1944 г. подписал ходатайство о награждении Ю. В. Андропова орденом Красного Знамени². В данном представлении констатировалось, что «тов. Андропов Ю. В. во всех мероприятиях комсомольской организации проявляет личную инициативу и обладает большими организационными способностями» (Под псевдонимом «Могиқан»: Электронный ресурс). Отмечалось, что за период Великой Отечественной войны Андроповым проделана большая работа в деле развития партизанского движения и создания комсомольского подполья на временно оккупированной территории Карело-Финской республики. ЦК ЛКСМ КФССР при непосредственном участии Андропова подготовлено и направлено

¹ Категорически возражал Г. Н. Куприянов против перевода Ю. В. Андропова и в другом случае. 31 октября 1945 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов в записке на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова просил разрешить перевод Андропова в Москву — на должность заместителя главного редактора газеты «Комсомольская правда». В тот период Андропов являлся вторым секретарем Петрозаводского горкома партии. Просьбу руководителя ЦК ВЛКСМ, как и в 1943 г., не удовлетворили: Ю. В. Андропов играл значимую роль в восстановлении столицы КФССР.

² Представление Куприянова от 23 сентября 1944 г. было отклонено в Москве. Осенью 1944 г. Ю. В. Андропов был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КФССР.

в партизанские отряды республики более 400 комсомольцев и молодежи, кроме этого, около 50 ответственных комсомольских работников были посланы в тыл врага организаторами комсомольского подполья и агитаторами. ЦК ЛКСМ заброшено в оккупированные районы большое количество листовок, книг, брошюр, газет для населения. По инициативе Андропова было собрано значительное количество подарков для партизан. Особо звучала инициатива: в годы войны молодежь республики еженедельно работала два часа сверх рабочего времени в помощь фронту. В еженедельные «комсомольские вторники» было изготовлено для фронта и партизан свыше 50 тыс. пар лыжных колец, 4200 минных ящиков, выстирано и отремонтировано 20 тыс. кг белья, собрано и заготовлено 92 800 кг грибов, 82 215 кг ягод (там же). В послевоенный период в одной из своих книг Г. Н. Куприянов фактически повторил высокую оценку работы секретаря ЦК ЛКСМ Андропова, который «в тяжелые годы войны проявил незаурядные способности организатора» (цит. по: Шлейкин, 2014: 44).

Парадоксально, но некоторые из приведенных выше личных претензий и обид Г. Н. Куприянова к Ю. В. Андропову в отношении собственной фигуры обернулись для последнего другой стороной: 21 апреля 1950 г. Секретариат ЦК ВКП(б) рассматривал заявление в ЦК партии из Петрозаводска по поводу поведения Андропова. Некий Петров выдвинул против Андропова целый ряд обвинений. В их числе значилась постоянная поддержка Куприянова и подхалимство к нему со стороны Андропова в годы, когда Андропов был первым секретарем ЦК ЛКСМ республики. Проверка фактов специальной комиссией, назначенной секретарем ЦК ВКП(б) Г. М. Маленковым (во главе с зам. председателя Комитета партийного контроля М. Ф. Шкирятовым), пришла к заключению о необоснованности обвинений. К тому же данное заявление оказалось анонимным: как выяснилось, за фамилией вымышленного автора скрывались другие персонажи.

Гипотетически можно поразмышлять на тему: разумно ли было опытного организатора молодежи в лице первого секретаря ЦК ЛКСМ Ю. В. Андропова отправить командовать одним из партизанских отрядов — несомненно, с этой задачей лучше бы справился командир с военной закалкой. Андропов же еще до войны зарекомендовал себя умелым комсомольским руководителем: в 1938–1940 гг. он возглавлял областную комсомольскую организацию в Ярославле, количественно более крупную, чем карельская (в июле 1944 г. Андропов был награжден орденом Трудового Красного Знамени за мобилизацию молодежи на строительство Рыбинского и Угличского гидроузлов на Волге¹). С июня 1940 г. до 11 октября 1944 г. он работал первым секретарем ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР. Более трех тяжелых военных лет Андропов возглавлял республиканский комсомол. По свидетельству Федора Кузнецова (секретарь по школам ЦК ЛКСМ в 1942–1944 гг., затем второй секретарь. — Ю. В.), «ЦК ЛКСМ с первых дней войны был своего рода штабом, где оперативно решались различные вопросы, связанные с удовлетворением нужд фронта, где рождались и получали развитие различные патриотические начинания молодежи в прифронтовой обстановке» (цит. по: Шлейкин, 2014: 54).

Решение кадровых вопросов в общественной организации являлось компетенцией ее руководства: секретариата, первого секретаря Н. А. Михайлова. Во всяком случае, именно они были непосредственными руководителями первого секретаря ЦК ЛКСМ КФССР, а не партийный руководитель республики,

¹ Второй орден Трудового Красного Знамени Ю. В. Андропов получил после войны — в 1948 г., в год 25-летнего юбилея Карельской республики. В это время он занимал должность второго секретаря ЦК КП(б) КФССР. В период Великой Отечественной войны Андропов был награжден в 1943 г. Центральным штабом партизанского движения медалью «Партизану Отечественной войны» I степени (наградное представление подписано 23 мая 1943 г. секретарем ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепиным). Ходатайство ЦК ВЛКСМ, подписанное А. Н. Шелепиным 19 октября 1943 г., о представлении Андропова к награждению орденом Красного Знамени, поддержанное Центральным штабом партизанского движения, не было удовлетворено.

который мог руководствоваться «партийной дисциплиной» для выполнения своих пожеланий (было принято, что кадровые назначения комсомольских органов утверждались соответствующими партийными органами). По представлению ЦК ВЛКСМ вопросы персонального призыва в действующую армию решала Комиссия при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации¹ (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 2. Л. 122).

Оценки Г. Н. Куприянова вызывают немало сомнений и вопросов. Не возникало ли у партийного руководителя республики желания переложить вину за собственные просчеты и неудачи на плечи других? Опытный партийный руководитель, в 1938 г. являвшийся членом так называемой тройки в Карелии, утверждавшей расстрельные дела, Куприянов не мог не понимать степень возможной ответственности за негативные результаты в организации и управлении партизанской и подпольной работой в республике. По статистике, за три года войны каждый второй партизан погиб, умер от истощения или ран, пропал без вести в лесах и болотах, был отчислен по состоянию подорванного непосильными нагрузками здоровья (Гнетнев, 2011: 5).

Первый секретарь ЦК КП(б), член Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянов рассматривал партизанское движение прежде всего как объект партийного руководства и контроля. Стремление продемонстрировать успешную и активную деятельность в этой области заслоняло серьезные недостатки в организации партизанского движения. Особенно это касалось координации, управления и руководства боевыми действиями отрядов. Нельзя не согласиться

¹ В личном листке по учету кадров, заполненном Ю. В. Андроповым 18 октября 1950 г. (в должности второго секретаря ЦК КП(б) КФССР), в разделе воинского учета значится группа учета — в запасе. В разделе листка «Снят с воинского учета» — надпись «нет». В другом личном листке по учету кадров, заполненном 4 октября 1961 г. (в должности зав. отделом ЦК КПСС), зафиксировано воинское звание — рядовой запаса.

с мнением, что основная ответственность за неудачи и потери летнего похода в 1942 г. первой партизанской бригады И. А. Григорьева лежит как на штабе партизанского движения под руководством комбрига С. Я. Вершинина, так и на командовании Карельского фронта в лице члена Военного совета фронта Г. Н. Куприянова. Именно они поставили перед бригадой заведомо неосуществимые задачи, разработали план операции без учета конкретной обстановки и не смогли организовать обеспечение, прежде всего продовольственное, в ходе рейда бригады (см.: Веригин, 2009: 267). Отнюдь не Андропов повинен в том, что из 225 комсомольцев, участников героического, одновременно трагического и «голодного» (по определению партизан) похода бригады в июне — августе 1942 г. погибли 194 человека (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 10. Л. 48; Д. 188. Л. 4–6). Комсомольцы — участники похода получили достойные награды, многие посмертно: орденом Ленина были награждены 4 молодых партизана, орденом Красного Знамени — 6, орденом Красной Звезды — 27, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» — 24 (Чекисты Карелии, 1986: 47). История похода первой партизанской бригады правдиво описана в романе-хронике Д. Я. Гусарова «За чертой милосердия» (Гусаров, 1977).

Именно после этого драматического похода большого партизанского соединения выявился острый недостаток кадров в партизанском движении, особенно руководителей партизанских отрядов: многие погибли (включая командира бригады майора И. А. Григорьева), получили ранения, выбыли из строя по состоянию здоровья. Образовавшуюся брешь надо было срочно как-то закрывать. Может быть, здесь и возникла идея у партийных руководителей Г. Н. Куприянова и И. В. Власова отправить в прорыв комсомольского руководителя (фактически переложить ответственность)?

Много лет спустя, в 1970-е годы, Г. Н. Куприянов объяснял на встрече бывшим партизанам необходимость похода партизанской бригады стратегическим планом прорыва Ленинградской блокады, разработанным Верховным Главнокомандованием, чтобы оттянуть и связать крупные войсковые соединения финской армии, дезорганизовать тыл противника. Но в связи с обстановкой под Сталинградом планы изменились — в результате партизанской бригадой фактически пожертвовали. Один из участников того разговора — Иван Комиссаров¹ выразил свои впечатления от этой информации: «Получается, мы с ребятами оказались, будто червяки на крючке, — приманкой. Выходит так, что под неосуществившиеся планы командование положило целую бригаду? Я не великий стратег. Я знал только приказ. Но не потому ли... все мы в бригаде не знали, куда на самом деле должны идти?» (Гнетнев, 2011: 244).

Кто повинен в той несоразмерной цене, которая оплачена многими человеческими жизнями? Современные исследователи подвергают сомнению трактовку Куприянова: «Были ли у Верховного командования такие планы или их не было, и имеем ли мы дело с мифами, нам еще предстоит узнать. Может быть, ничего подобного в реальности и не существовало, а генералами в Беломорске (военной столице КФССР. — Ю. В.) двигало понятное и вполне земное желание попасть в сводку Совинформбюро, отметиться громкими боевыми делами перед Верховным Главнокомандующим. И недрогнувшей рукой они бросали на гибель сотни партизан» (Гнетнев, 2011: 218). До сих пор неясна изначальная цель: для чего в тыл противника было отправлено крупное соединение из 6 партизанских отрядов

¹ Иван Комиссаров с 16 лет работал на Сегежском целлюлозно-бумажном комбинате, секретарь комсомольской организации комбината, в 19 лет, в июле 1941 г., вступил в партизанский отряд «Боевые друзья», воевал бойцом разведзвезда до лета 1943 г., затем был утвержден помощником комиссара отряда по комсомолу. Награжден двумя орденами Красной Звезды.

(648 бойцов)? 1 сентября 1942 г. Советское информбюро сообщило сводку о героическом походе партизанской бригады в Карелии.

Просчеты партийного руководства республики в организации подпольной работы в оккупированных районах стоили жизни десяткам карельских подпольщиков и разведчиков. Перенесение в Карелию белорусского, украинского, брянского, орловского, смоленского опыта борьбы на оккупированных территориях являлось одной из роковых ошибок тогдашнего политического и военного руководства республики. Создание разветвленной и многочисленной сети подпольных организаций в оккупированных районах Карелии было объективно невозможно. В отличие от партийного руководства Карело-Финской республики Ю. В. Андропов достаточно быстро сделал соответствующие выводы и доложил в ЦК ВЛКСМ о необходимости внесения коррективов в организацию работы на оккупированных территориях. Удивительный факт: за годы войны зафиксирован лишь один факт предательства со стороны комсомольцев-подпольщиков. По оценке Н. Тихонова, инструктора военного отдела ЦК ЛКСМ республики, впоследствии ставшего крупным руководителем в Карелии, «потребность в исчерпывающем знании проблемы, подлежащей решению, деловитость и принципиальная настойчивость уже тогда были присущи Юрию Владимировичу в высшей мере. Действия его при всей основательности были стремительными, умение перестроиться в нужный момент — поразительным» (Чекисты Карелии, 1986: 62).

Две трети территории прифронтовой республики, включая столицу Петрозаводск, были оккупированы финскими войсками. В своих воспоминаниях Куприянов отметил: «Я много раз в дни войны бывал под артобстрелом, пулеметным огнем и бомбежкой. Там смерть тоже носилась рядом, и много раз в какие-то моменты невольно приходилось вспоминать о ней» (Куприянов, 1989: 171).

Действительно, прифронтовые районы жили напряженной жизнью. Нередко люди работали ночью, пользуясь отсутствием налетов вражеской авиации. В подобных же условиях находился и Андропов. В одном из писем Андропов описал эпизод, связанный со своим участием в формировании стрелкового полка: в июле 1941 г. полк был срочно переброшен закрывать брешь отступающего фронта. Так Андропов оказался в районе боев: «На днях был на самых передовых (район Суоярви)... Видал теперь, впервые в жизни, настоящую боевую жизнь. Довелось даже пострелять врага. Как я себя чувствовал? В основном неплохо, но, честно говоря, в себя пришел не сразу. Ну, теперь — “мы солдаты стреляные”» (цит. по: Шлейкин, 2014: 43). По свидетельству комиссара партизанского отряда «Комсомолец Карелии» Ивана Инниева, его первая встреча с Андроповым произошла недалеко от Калевалы, комсомольский руководитель часто бывал в отряде (там же: С. 97).

В своем письме первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову от 13 марта 1942 г. Андропов написал: «Тут и есть самый настоящий фронт» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 26). Комсомольский руководитель носил армейскую форму: шинель, гимнастерка, брюки, сапоги. Андропов лично сопровождал многие группы для отправки в тыл врага. Так, в июле 1943 г. большая группа разведчиков отправилась из Беломорска в расположение 7-й армии в Ленинградскую область — до станции Оять Кировской железной дороги, ближайшей к полемому аэродрому, с которого осуществлялась заброска разведчиков в глубокий тыл врага. В воинских частях они размещались в землянках, где ожидали вылета самолетов, часто под бомбежкой. Прямо на передовой состоялась встреча Андропова с Федором Вайгановым, бывшим инструктором ЦК ЛКСМ, политработником воинской части. В июне 1944 г., когда Андропов сопровождал группу на полевой аэродром в поселок Девятины Вологодской области для отправки

в Шелтозерский район, было получено сообщение о начале наступления морских пехотинцев Онежской военной флотилии на Петрозаводск (Чекисты Карелии, 1986: 56–58, 60). Он стал первым представителем руководства республики, кто прибыл в освобожденный Петрозаводск на военной катере Онежской флотилии.

В воспоминаниях Г. Н. Куприянова нередко выпячивается его собственная роль как руководителя партизанского движения в Карелии. В первом варианте рукописи книги «За линией Карельского фронта» Куприянов утверждал, что «в вещевом мешке каждого партизана, уходившего в тыл врага на задание, непременно был томик “Краткого курса истории ВКП(б)”... Большого труда партизанам стоило убедить автора в необходимости снять это нелепое утверждение» (цит. по: Гнетнев, 2011: 7). В изложении бывшего политрука, помощника комиссара по комсомолу партизанского отряда «Железняк» С. П. Татаурщикова этот эпизод представлен следующим образом: «Еле убедил. Говорю: “Ну не было такого, Геннадий Николаевич! Ведь каждая иголочка на счету. Я даже свой кольт в походы перестал носить, а вы с “историей партии”... А ведь генерал Куприянов в числе других руководил партизанским движением, считался авторитетом в истории войны на территории Карелии и лучше многих знал предмет, о котором писал...» (там же). Конечно, странный факт, когда читаешь и сопоставляешь с ним боевые донесения о походах партизанских отрядов в тыл врага. Например, в донесении отряда «Боевые друзья» о дальнем месячном походе, включая территорию Финляндии, отмечалось, что во время выхода партизан в этот рейд груз партизана достигал 50–55 кг (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 188). Несомненно, все это было известно генерал-майору Куприянову. Тогда где мотив подобного приукрашивания военной действительности? Может быть, партийному руководителю хотелось показать успешные

результаты работы спецшколы ЦК Компартии республики, готовившей кадры для отправки в тыл врага, в учебной программе которой изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» занимало почти вдвое больше времени, чем военная и специальная подготовка? (см.: Веригин, 2009: 258)

Бывший партизан, народный писатель Карелии Дмитрий Яковлевич Гусаров, автор ряда документально-художественных произведений о партизанской войне в Карелии, свидетельствовал: «...Вновь и вновь убеждаюсь, сколь поверхностно, легкомысленно и «по-вождистски» занимался партизанским движением член Военного совета фронта, первый секретарь ЦК республики Г. Н. Куприянов. Да, многое в партизанских делах делалось столь безответственно, диву даешься. Теперь это ясно. И как хорошо, что тогда, в годы войны, мы, рядовые партизаны, ничего этого не знали и свято верили, что все делается нашими руководителями самым лучшим, единственно возможным образом. Это помогало нам сохранить бодрость, веру, преданность, и это помогало одержать победу, хотя она в партизанской борьбе достигалась иногда слишком большой ценой» (Гусаров, 1996: 57). 18-летний Дмитрий Гусаров добровольцем прибыл в Карелию из Свердловской области и летом 1942 г. был зачислен бойцом в партизанский отряд «Боевые друзья», затем стал командиром отделения разведки. В 1944 г. был тяжело ранен в ногу. Невольно вспоминается образ этого человека, опиравшегося на трость, его неторопливый рассказ о готовящемся романе-хронике «За чертой милосердия», когда он приезжал в мою родную Сегежу в 1975 г. и выступал перед нами — школьниками, вспоминал сегежские места периода своей боевой молодости. Это был настоящий урок мужества, памяти. Такие ощущения живут во мне до сих пор. Оценки Д. Гусарова созвучны данным, приведенным в документальной повести О. Н. Тихонова (Тихонов, 1971). Тексты радиogramм, отправленных Г. Н. Куприяновым и И. В. Власовым

в адрес разведчиков, работавших в тылу противника, являются документальной иллюстрацией невысокой компетентности и оперативности партийных руководителей в организации подпольной работы в тылу противника, нередко занимавшихся не своими функциями. Последствием подобного руководства становились факты провалов целого ряда групп, а также предательства со стороны некоторых их членов.

Показать собственную главную роль — такое стремление политических руководителей часто бросается в глаза при изучении документов. Обратим внимание на следующий факт. В изложении подвига Героев Советского Союза Марии Мелентьевой и Анны Лисицыной в представлении к награждению, подписанном Г. Н. Куприяновым и Председателем Президиума Верховного Совета КФССР О. В. Куусиненом, карельские героини названы в качестве связных ЦК Коммунистической партии Карело-Финской ССР (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 2. Д. 834. Л. 1–3; Д. 754. Л. 7). На самом деле М. Мелентьева являлась инструктором ЦК ЛКСМ, А. Лисицына — связной ЦК ЛКСМ республики. Заслуга в привлечении их к подпольной работе принадлежит лично Ю. В. Андропову.

Непонятным образом ряд представителей карельского комсомольского подполья оказался в Перечне подпольных партийных организаций (Шлейкин, 2014: 64), действовавших на оккупированной территории в 1942–1944 гг. В их числе: М. Мелентьева (обозначена в списке как связная Шелтозерского райкома партии), А. Питкянен — руководитель подпольной партгруппы Петрозаводска (?!), Т. Щербакова — руководитель Шелтозерского райкома партии (?!), П. Маунумяки — связной Петрозаводского горкома партии (?!), Э. Аалто — руководитель боевой дружины Петрозаводского горкома партии (?!), М. Филатов — руководитель партийной подпольной группы района Калевалы (?!). То ли некомпетентность организаторов партийного карельского подполья подвела, то ли желание приукрасить собственную роль в отчете для Москвы.

Наконец, вызывает немало возражений роль Г. Н. Куприянова в освещении факта, связанного с попыткой ликвидации Карело-Финской союзной республики в 1944 г. по инициативе командования Карельского фронта. Возможно, учитывая тогдашнюю конъюнктуру (массовые депортации ряда народов), генералы Карельского фронта поставили этот вопрос в ЦК ВКП(б), основываясь на данных о сотрудничестве представителей финно-угорского населения с финскими оккупационными властями, на обосновании слабости партизанского и подпольного движения в Карелии. В этом случае Карелия утратила бы статус республики (не только союзной, но и автономной). Возможно, последствием этого решения могла быть дальнейшая депортация местного карело-финского населения в Сибирь. Представляется, что, защищая карело-финское население от надуманных обвинений в пособничестве финским оккупантам в период войны, Г. Н. Куприянов отстаивал не только интересы республики, но и собственное положение в номенклатурной иерархии. Не стоит преувеличивать значение записки Куприянова в адрес партийного руководства.

Предотвратить подобную акцию могла только позиция И. В. Сталина. Определенную роль играли Г. М. Маленков и другие руководители страны. Особое значение для Сталина имело мнение О. В. Куусинена, которому он, несомненно, лично доверял. Отто Вильгельмович Куусинен, авторитетный коминтерновец, занимал должности Председателя Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР, а также заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР¹.

Можно утверждать, что на протяжении всех военных лет И. В. Сталин получал оперативную и достоверную информацию о ситуации на оккупированной территории Карело-Финской ССР. Следует отметить в этом деле заслугу комсомольского

¹ Именно О. В. Куусинен, политический тяжеловес в советском руководстве страны, защитил Ю. В. Андропова в период послевоенных репрессий и оказал ему поддержку в последующем выдвижении.

руководителя республики Ю. В. Андропова. Материалы, основанные на докладных записках, статьях Андропова о героических делах и подвигах комсомольцев и молодежи Карело-Финской ССР, в том числе представителей карельского, финского, вепсского народов, поступали, как правило, от первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова в адрес партийного и государственного руководства СССР (И. В. Сталина, Г. М. Маленкова, А. С. Щербакова, А. А. Андреева, К. Е. Ворошилова, П. К. Пономаренко и др.), широко были представлены в газетах и журналах, в передачах и репортажах на Всесоюзном радио. Заведующий военным отделом ЦК ВЛКСМ Д. В. Постников, у которого с Андроповым сложились дружеские отношения, в своих письмах настойчиво требовал: «Давай материал» — для радио, «Комсомольской правды», в журнал «Смена». 19 января 1942 г. Постников написал Андропову: «Я ваш полпред и буду отстаивать интересы Карело-Финской республики. Меня и так прозвали — Верный сын карело-финского народа» (цит. по: Шлейкин, 2014: 67). По инициативе Постникова «Комсомолка» отправила в Карелию собкора.

В январе 1942 г. прозвучала молодежная передача Всесоюзного радио, посвященная комсомолу Карелии, в марте 1942 г. — новая радиопередача, регулярно передавались сообщения по радио. Радиосектор отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ постоянно получал информацию из Карелии. Материалы о молодежи Карелии, включая трофейные экспонаты, были широко представлены на постоянной Всесоюзной выставке «Комсомол и молодежь в Отечественной войне», которая открылась в Москве в 1943 г. Можно привести также пример, связанный с инициативой молодых карельских партизан: в октябре 1943 г. было принято решение о написании коллективного письма И. В. Сталину по поводу принятия боевых обязательств. В начале 1944 г. на имя Сталина отправлялись рапорты о ходе выполнения принятых обязательств.

Оснований для принятия решения о какой-либо депортации в Карелии объективно не существовало. По подсчетам современных исследователей, общий процент всего населения Карелии, оказавшегося в зоне оккупации и причастного к коллаборационизму (политическому, военному, экономическому, культурному и пр.), составлял не более 3,5% (Веригин, 2009: 412).

В условиях военного лихолетья на плечи Андропова легла огромная ответственность, требующая колоссального физического и эмоционального напряжения. По оценке современников Андропова, отличительным качеством его как руководителя молодежи являлось «стратегически широкое понимание войны» (Чекисты Карелии, 1986: 65). Это выражалось не только в организации военной работы, но и в стремлении мобилизовать молодежь в тылу прифронтовой республики на оказание помощи фронту (в лесу, на рыбных промыслах, в колхозах и совхозах, МТС, в школах). По характеристике известного карельского партизана С. П. Татаурщикова, в послевоенные годы возглавлявшего комсомол Карелии, Ю. В. Андропов был «требовательным, взыскательным, не прощающим грубых ошибок, допущенных из-за безответственности. Но в то же время очень внимательным, чутким, понимающим нужды людей» (Тогда они были молодыми ... : 2).

Чтобы объективно оценить трудности, с которыми пришлось столкнуться в Карелии молодому комсомольскому руководителю Андропову (за неделю до начала войны ему исполнилось 27 лет), следует отметить не только специфику этого сурового таежного края и особенности северного народа, но и оставшиеся от гулаговских времен реалии Беломорско-Балтийского комбината, Сегежлага и других бывших довоенных советскихстроек. Так, в приказе НКВД СССР № 001318 от 17 октября 1940 г. в числе 65 Управлений исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) ГУЛАГа значились: Управление Сегежского ИТЛ и строительства НКВД (сокращенное

название — Сегежлаг, п/я № 252); Управление Беломорско-Балтийского ИТЛ и Комбината НКВД (ББК, п/я № 251). Первое управление располагалось в Сегеже, второе — в г. Медвежьегорске (Сегежа входила в состав Медвежьегорского района) (см.: ГУЛАГ ... , 2002: 261, 263). Известно, что партизанское пополнение прибывало, в том числе, и из мест заключения. После оккупации финскими войсками основной части КФССР значительная часть территории Советской Карелии являлась районом, который контролировался прежде бывшим гулаговским ведомством, включая лесоповалы, «командировки» и т. п.

Самая молодая партизанка Карельского фронта Наталья Сидорова (1922 г. рождения) с начала войны до освобождения Карелии была медсестрой взвода разведки отряда «Вперед». А судьба у нее оказалась непростая. В 1938 г. забрали всех мужиков ее карельского хутора, а отца особой «тройкой» НКВД осудили и расстреляли. Молодая партизанка показала себя в партизанском отряде героически: она была награждена орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». Воевала она против тех, кто пришел вроде бы освободить таких, как она, представителей «родственного» народа, пострадавших от произвола большевистской власти. Как понять горячее желание сражаться с врагом, проявленное дочерью раскулаченного и расстрелянного отца?

Такая же история случилась и с другой карельской девушкой — Евдокией Тарасовой: ее отец с двумя братьями на карельском хуторе был раскулачен в 1937 г., все три брата расстреляны (как впоследствии выяснилось, они были несправедливо оклеветаны). Матери с пятью детьми, младшему из которых только исполнилось четыре месяца, было предписано освободить жилье в 24 часа. Дусе, старшей из детей, было в ту пору 13 лет. Ей, члену «семьи врага народа», пришлось познать голод и скитания. С началом войны Дуся Тарасова стала медсестрой Пряжинского истребительного батальона,

прошла 10 месяцев обороны и отступления. Встреча с Андроповым, по ее словам, «определила» судьбу. После расформирования истребительного батальона с марта 1942 г. она работала медсестрой в поселке Лейгуба около Сегежи — писала в райком комсомола письма с просьбой отправить на фронт. В конце июля 1942 г. 18-летнюю Евдокию Тарасову пригласили в ЦК ЛКСМ, к Андропову. После разговора он спросил: «Хорошо ли вы подумали, написав заявление с такой просьбой?» Сомнений у девушки не было, она заявила: решение твердое. Андропов направил ее в спецшколу НКВД КФССР, которая базировалась в поселке Шижня около Беломорска. В разведшколе Евдокия стала радисткой. В 19 лет в составе специальной разведгруппы НКВД «Аврора» в июле 1943 г. ее десантировали на самолете в Шелтозерский район. В августе группа разведчиков была окружена и внезапно атакована во время сеанса связи. Евдокия Тарасова получила пять пулевых ранений, целый год находилась в финском плену, пыталась бежать. Юная разведчица подвергалась допросам и пыткам, но не выдала никакой информации. Финские офицеры были крайне удивлены мужеством карельской девушки, ведь они знали о ее расстрелянном отце. По финским законам того времени полная ответственность для женщин наступала в 21 год, поэтому Евдокию не расстреляли — военный суд приговорил ее к пожизненной каторге.

После освобождения, в начале июля 1944 г., состоялась вторая встреча Евдокии Тарасовой с Андроповым. Она пришла рассказать о судьбе разведгруппы Я. В. Ефимова, секретаря Олонецкого подпольного райкома партии. Судьба свела их в финской тюрьме. Андропова интересовали подробности — именно он отправлял группу на задание. В итоге разговора обещал ходатайствовать о награждении посмертно Якова Ефимова и Ульяны Кузьминой. С наградами не получилось, но разведчиков не забыли: они не оказались в числе без вести

пропавших. Андропов предложил Е. Тарасовой должность инструктора в Прионежском райкоме комсомола (Судьба страны ... , 2013: 98–100; Встречи с Андроповым, 2004).

В начале войны в руководстве карельским комсомолом появились кадровые проблемы в связи с уходом на фронт многих его работников. Бывший секретарь ЦК ЛКСМ республики 23-летний карел Иван Вахрамеев, по рекомендации Андропова назначенный комиссаром партизанского отряда «Вперед», воевал два с половиной месяца и пал смертью храбрых в бою в октябре 1941 г. В декабре 1941 г. погиб член бюро ЦК ЛКСМ офицер-пограничник Василий Матвеев. Погиб также бывший инструктор ЦК ЛКСМ В. Конашков — инструктор политотдела 7-й армии. В 1943 г. погиб бывший секретарь ЦК комсомола республики Федор Тимоскайнен, направленный в оккупированный Петрозаводск секретарем подпольного партийного горкома.

Небольшой аппарат ЦК ЛКСМ, размещавшийся в г. Беломорске, военной столице республики, в двух одноэтажных домах, укрепили бывшие партизаны, вернувшиеся после ранений и лечения в госпитале: Николай Королев, назначенный секретарем ЦК ЛКСМ, и Николай Тихонов, ставший инструктором военного отдела ЦК ЛКСМ по работе с партизанскими отрядами. Вторым секретарем ЦК ЛКСМ работал Иван Петров, секретарем по пропаганде и агитации — Петр Ихалайнен, секретарем по работе со школьной молодежью — Федор Кузнецов. По свидетельству Ф. Кузнецова, первого секретаря ЦК ЛКСМ республики Юрия Андропова отличал «талант вожака»: «В ЦК комсомола военной поры было пять секретарей. Ни по возрасту, стажу работы среди секретарей большой разницы не было. Но по опыту жизни, умению и остроте понимания обстановки того времени Ю. В. Андропов превосходил всех нас... он уже в те годы обладал редкостным даром организатора» (цит. по: Шлейкин, 2014: 54).

Андропова отличало умение подбирать кадры — это редкое качество констатировали многие. Местные комитеты пополнялись опытными работниками. Так, Екатерина Федорова после ранения в партизанском походе была назначена инструктором Беломорского горкома комсомола. Собственные впечатления о первой встрече зимой 1942 г. Н. Тихонов описал следующим образом: Андропов «...подробно и заинтересованно расспросил о действиях бригады. Рассказывая, я чувствовал, что Юрий Владимирович досконально осведомлен и о боях бригады, и об условиях, в которых мы действуем, и о нужде в оружии и одежде. Но он слушал вдумчиво и внимательно. Мне показалось, а позднее я убедился в этом, что ему всегда было важно, как человек рассказывает, что при этом испытывает, какие проблемы нащупывает. *Это был его способ познания людей, которым он доверял серьезное дело* (курсив наш. — Ю. В.). Он располагал к себе редким сочетанием простоты, душевности и строгой требовательности» (Чекисты Карелии, 1986: 45).

В комсомольской среде Ю. В. Андропов выделялся своим интеллектуальным уровнем. Об этом свидетельствуют, в частности, его статьи и материалы для молодежных газет и журналов. Не случайно главный редактор «Комсомольской правды» Борис Бурков писал Андропову и просил присылать материалы. Читаешь андроповские тексты, и невольно ловишь себя на ощущении — насколько глубоко и нестандартно авторская мысль схватывала и оценивала происходящее. Осмысление ситуации, понимание реалий военного времени, стремление найти подходы к молодежи с учетом новых вызовов времени — характерные черты аналитического склада ума молодого комсомольского руководителя.

В первые месяцы войны более 10 тыс. комсомольцев Карелии ушли на фронт — около 30% всей организации республики (там же: 44). В январе 1942 г. в комсомольской организации КФССР осталось 2934 комсомольца (до войны в республике

насчитывалось более 32 тыс. комсомольцев) (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 2. Л. 149). В комсомол пришло новое, совсем юное поколение 14–16-летних подростков. Нельзя было не учитывать особенности возраста и запросы подростков в таком возрасте. Андропов акцентировал внимание на различии возрастных особенностей комсомольцев старших (25–26 лет) и младших возрастов — 14–16-летних. В статье «О некоторых недостатках работы райкомов» (13 страниц машинописного текста) Андропов размышлял о необходимости понимания «значения работы», важности воспитательной функции. Он предлагал «искать новые формы работы, добиваться четкости и высокой организованности в каждом деле», подчеркивал значение «живого общения с комсомольцами» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 107. Л. 122–123, 128).

Тексты размышлений Андропова публиковались в виде брошюр, статей в «Комсомольской правде», в журнале «Смена», в республиканской газете Карелии «Ленинское знамя». В них ставился один из важных, по оценке Андропова, вопросов — о производственной деятельности комсомольцев, помощи предприятиям в условиях острой нехватки рабочих кадров. В 1942 г. на промышленные предприятия республики пришли более 200 подростков (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 259. Л. 6). На плечи подростков, которые составляли нередко 40–50% состава рабочих, легла обязанность выполнения производственного плана, в том числе выпуска оборонной продукции. Так, на лесозаводах наладили изготовление лыж для бойцов Красной армии и партизан, делали волокуши для перевозки раненых, винтовочные приклады, ящики для противопехотных мин и другую необходимую для фронта продукцию. В своей брошюре под названием «Учиться у народа» Ю. В. Андропов констатировал следующий факт: в суровой боевой обстановке войны, полной трудностей и лишений, молодежь закалилась, стала взрослее и мужественнее. По его наблюдениям, именно

понимание военной обстановки формировало в них новые черты, новые качества и новые запросы. Мастер цеха на одном из лесозаводов представлял директору подростков: «Вы не глядите, что с виду огольцы. Они у меня по суткам могут работать и все понимают, потому что теперь война» (Андропов, 1943: 2).

Выполняя срочные заказы фронта, подростки по суткам не выходили из цехов. Но при этом Андропов подчеркивал: необходимо учитывать особенности подросткового возраста, «полные юношеского озорства». На одном из лесозаводов десятки подростков ежедневно приезжали на работу на самодельных самокатах. Пришли к директору завода с просьбой организовать стоянку «ногomobilей» (как они сами называли свои самокаты). Директор далеко не сразу, но в итоге решил эту проблему — во дворе завода появилась стоянка для самокатов. Другой пример: в одной промартели подростки чинили валенки, забравшись на крышу мастерской. Оказалось — им так было удобнее. Но при этом план они выполняли на 250–300%. В подобных нестандартных ситуациях надо было найти формы работы с молодым поколением. И находили: среди подростков — рабочих предприятий развивалось движение двухсотников — стахановцев военного времени (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 107. Л. 127–129). Тыл прифронтальной республики держался, в том числе, на их подростковых плечах. Данный факт является серьезным аргументом против приведенной выше уничижительной фразы Г. Н. Куприянова о том, что «в комсомоле республики остались одни девушки-подростки пионерского возраста». Тем более что о реальном состоянии комсомольской организации республики партийный руководитель прекрасно знал. Тенденция устойчивого и быстрого роста комсомольских рядов отмечалась на заседании бюро ЦК КП(б) КФССР 10 мая 1943 г., на котором рассматривался вопрос «О состоянии роста комсомольской организации республики и работы с вновь принятыми

в комсомол». Постановление партийного органа республики за подписью Г. Н. Куприянова было направлено для информации в ЦК ВЛКСМ (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 107. Л. 119).

В материалах Андропова приводился еще один случай. В ЦК ЛКСМ КФССР прислали письмо из секретариата И. В. Сталина: к Верховному Главнокомандующему напрямую обратилась группа 14–16-летних подростков — рабочих депо Кемь: они информировали, что организовали партизанский отряд из 12 человек, выбрали командира и комиссара, проводили подготовку к партизанской деятельности. От имени членов отряда командир Костя Полетаев писал: «...становится совестно самому перед собой, ведь тысячи таких, как мы, отдают свою жизнь, чтобы спасти Отчизну, а мы — все еще в тылу» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 107. Л. 130–131). В этом случае также важно было найти подход к подросткам.

Ю. В. Андропов неоднократно в своих публикациях обращался к теме патриотизма и героизма молодежи. Главный фактор изменений в сознании молодежи, по его мнению, заключался в следующем: «Мы только теперь по-настоящему поняли, что мы имели и чего нас хочет лишить подлый враг. И именно это стало неиссякаемым источником патриотизма нашей молодежи» (Андропов, 1983а: 21). С началом войны, по его оценке, у молодежи появилось чувство особой ответственности за свои поступки. Сильное воздействие оказывали условия непосредственной близости фронта (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 9. Л. 51). Критерием патриотизма стала помощь фронту. Призыв к девушкам республики выпускницы Повенецкой средней школы Лены Орловой овладеть специальностью шофера, тракториста сразу же получил поддержку. Л. Орлова собиралась учиться на врача — помешала война. Она написала в газету: «Мы станем врачами, инженерами позднее, после победы — сейчас необходимо трудиться там, где больше всего нужны Родине» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 9. Л. 49).

В республике началось освоение в кратчайшие сроки профессий шоферов, трактористов для работы на предприятиях, лесозаготовке. В основном это были учащиеся 9–10-х классов. Руководители предприятий отмечали: «Никогда на тракторах и автомашинах не работали такие грамотные, квалифицированные кадры» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 9. Л. 48–49).

В условиях войны Андропов утверждал необходимость заниматься развитием содержания воспитательной деятельности среди молодежи, основой которой должно быть патриотическое воспитание. Его понимание данной проблемы заключалось в тезисе: «Воспитывать молодежь на традициях народа — это и значит учиться у народа мудрости, мужеству, любви к своему Отечеству» (Андропов, 1943: 9). Связывая понятие об Отечестве с представлением о родном крае, Андропов видел ключ к пропаганде великих дел народа в освещении местных фактов из жизни народа, близких для молодежи. В качестве положительного примера приводился успешный опыт проведения в комсомольских организациях республики собраний по истории Карелии, особенно о совместной борьбе русского и карельского народов против иноземных захватчиков. У молодежи собрания вызвали огромный интерес. Андропов рекомендовал активно пропагандировать народные танцы, которые отражают лучшие черты характера народа, — их воспитательное значение неоспоримо. Поэтому в районах были проведены семинары организаторов песни и танцев. Полезным началом признавалась поддержка традиционных народных игр (там же: 2–3, 5, 10–11).

Создание агитбригад в районах также стало инициативой Андропова. Песни народов, воспевающие ратные подвиги своих богатырей, прославляющие народную стойкость в борьбе против иноземных захватчиков, оказались мало известны. На одном из предприятий поселка Сегежа он поинтересовался: какие народные песни знает молодежь? Только двое

ответили, что знают песни о Ермаке и о Стеньке Разине. После этого комсомольским работникам было рекомендовано ездить в села с патефонами: «Первоначально это казалось несколько странным: пристало ли секретарю райкома являться на молодежное собрание с патефоном и пластинками? Книжки, свежие газеты, плакаты — это понятно, но патефон... Ответ дала сама сельская молодежь, которая самым искренним образом приветствовала это начинание. И комсомольские активисты увидели, что ничего зазорного в нем нет... И до собрания, и после собрания молодежь слушала песни и записывала их текст» (Андропов, 1983b: 29–30). Особенно это было актуально для районов, где отсутствовала радиотрансляция. Так, во фронтовом Лоухском районе в избах-читальнях и красных уголках по этой причине нельзя было послушать радио (см.: Андропов, 1943: 9, 11).

Андроповское требование «добиваться четкости и высокой организованности в каждом деле» в полной мере относилось в первую очередь к нему самому. В этой связи примечательно письмо Андропова, отправленное 25 декабря 1941 г. Д. В. Постникову¹. В этом письме Андропов сообщал, что организовал в Карелии производство финских ножей, а также предметов повседневной необходимости (шашки, шахматы, домино, бритвы и пр.). Все это было крайне необходимо и востребовано бойцами партизанских отрядов, а получить было негде из-за эвакуации предприятий на восток. Оказалось, например, что партизанские ножи-финки, незаменимые в походе, были далеко не у каждого бойца: терялись они часто во время партизанских рейдов.

¹ Дмитрий Васильевич Постников до войны являлся зам. зав. отделом школьной молодежи ЦК ВЛКСМ, летом 1941 г. назначен заведующим военным отделом ЦК ВЛКСМ. Судя по тональности послания, они находились в давних дружеских отношениях, вероятно, с тех времен, когда Андропов занимался еще школьной молодежью в Ярославле в качестве третьего секретаря обкома комсомола. Постников в октябре — декабре 1941 г. находился в командировке на Карельском фронте и часто бывал в Беломорске, встречался с Андроповым.

Работники Наркомлеспрома Карелии оказались неповоротливы в этом деле — пришлось Андропову создавать, по его словам, «комсомольскую промышленность». Так, недалеко от линии фронта, в рабочем поселке Сегежа после эвакуации оборудования Сегежского комбината на Урал остался ремонтно-механический завод комбината, ставший военным заводом № 103. 10–16 января 1942 г. Андропов побывал в командировке в Сегеже и решил конкретные вопросы. Наряду с производством минометов, мин, автоматов, ремонтом военной техники на заводе стали изготавливать финские ножи и другие предметы «комсомольской промышленности». Андропов писал Постникову: «Ты, конечно, сейчас думаешь: “Вот собака этот Андропов, опять лезет не в свои сани”. Это, конечно, слегка имеет место... в чужие дела мы и сейчас еще лезем, но уже реже» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 8). Конечно, недоброжелателей после этого у руководителя комсомола республики прибавилось. Андропов относился к ситуации с присущей ему иронией: «Одно ясно: жить стало веселее, а все остальное приложится» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 9). По его инициативе в январе 1942 г. была организована выставка военных трофеев, с целью наглядной агитации в Беломорске, Кеми, Лоухах, Сегеже проводилось оформление вокзалов, домов, мостов. Нередко приходилось преодолевать непонимание, в частности в лице работников политотдела Карельского фронта, с которым, по словам Андропова, «отношения не сложились» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 42. Л. 148).

О том, как Андропов «лезет не в свои сани», в качестве положительного примера после возвращения из командировки с Карельского фронта заведующий военным отделом ЦК ВЛКСМ Д. В. Постников рассказал первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову и другим секретарям, с которыми имел продолжительные беседы. Инициативам Андропова была дана высокая оценка. Постников сообщил об этом

в своем письме и просил послать ему и секретарям финские ножи на память об андроповском производстве. 9 января 1942 г. Н. А. Михайлов отправил Андропову письмо. В нем отмечалось: «Мы считаем, что вы сделали очень много хороших дел». Но одновременно подчеркивалось, что «это ни в коей мере не означает, что у вас нет недостатков». О чем шла речь? Михайлов обратил внимание: хозяйственно-производственными делами заниматься необходимо, но при этом не следует забывать о массово-воспитательной работе, политическом воспитании молодежи — то, чем должна в первую очередь заниматься комсомольская организация (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 11).

На данное письмо Андропов ответил Михайлову 13 марта 1942 г. Он высказал свое мнение по поводу проблемы инициатив и починов: «У нас в последнее время появились прямо “мастера инициативы” — они каждый день начинают с выдумывания чего-то нового... Иногда неплохо на таких неугодных инициаторов плеснуть холодной водой и опустить их на землю. Получается красивая видимость “кипучей жизни”, а за всем этим скрывается застой в работе» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 24). Оценка любой инициативы, по Андропову, должна быть следующей: недостаточно поднять вопрос (создать «шум» или принять решение), главное — реальная работа. Важно закрепить почин — получить результат. Андропов сформулировал алгоритм решения данной проблемы: инициатива («поднять вопрос») — организовать работу — получить результат (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 25).

Изложенная установка стала его правилом. Примеров реализации андроповского правила можно привести немало. В условиях перестройки работы комсомола на военный лад в первые месяцы войны ЦК ЛКСМ командировал на производство 1930 девушек, в том числе 590 — на курсы шоферов и трактористов; они окончили их и работали по специальности

(РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 28; Ф. М-7. Д. 3809. Л. 23). Так, на Сегежском ЦБК по инициативе райкома комсомола 32 девушки-комсомолки, выполнявшие неквалифицированную работу, стали токарями, слесарями, фрезеровщицами и успешно справлялись со своей новой работой. Выполнение норм доходило до 300%. Одновременно многие изучали программу всеобщего, освоили специальности связистов, пулеметчиков, медсестер, снайперов (см.: Андропов, 1983b: 24).

В январе 1942 г. ЦК ЛКСМ поддержал инициативу комсомольской организации лесозавода № 2 г. Беломорска об организации работы в течение двух часов в неделю во внеурочное время для нужд фронта. Так в республике зародилась традиция комсомольских «вторников» — развернулась работа по оказанию помощи фронту. Во время «вторников» организовали пошив маскировочных халатов, починку и стирку белья и обмундирования, изготовление для фронта накомарников бойцам, минных ящиков, лыж, лыжных палок и колец к лыжным палкам, строили бани, ремонтировали дороги, проводили дежурства в госпиталях, разгрузку вагонов, заготовку и распиловку дров. Почин комсомольцев получил широкое распространение среди молодежи республики на протяжении всех военных лет. В 1943 г. комсомольские организации республики поддержали инициативу под названием «гектары обороны», задачей которой стала обработка комсомольцами участков земли и отправка всего выращенного урожая в действующие фронтовые части (см.: Андропов, 1983a: 23; Власова, Пашкова: Электронный ресурс).

Важнейшим направлением деятельности Ю. В. Андропова в прифронтовой республике в годы Великой Отечественной войны являлась организация подпольной работы и партизанского движения на оккупированной финскими войсками территории.

Литература

Андропов Ю. (1943) *Учиться у народа*. [Б. м.] : Государственное издательство Карело-Финской ССР. 16 с.

Андропов Ю. В. (1983а) Мы защитим тебя, Карелия родная! [ст. в журнале: Смена. 1942. № 23–24] // *Избранные речи и статьи*. 2-е изд. М. : Политиздат. 320 с. С. 20–26.

Андропов Ю. В. (1983б) О любви к родному краю [ст. в газете: Комсомольская правда. 1943. 13 июня] // *Избранные речи и статьи*. 2-е изд. М. : Политиздат, М. 320 с. С. 27–32.

Веригин С. Г. (2009) *Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг.* Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ. 544 с.

Веригин С. Г. (2013) *Партизанское движение в Карелии. Новые подходы к изучению проблемы* // *Север*. 2013. № 5–6. С. 213–225.

Власова Н., Пашкова Ю. (2004) *Юрий Андропов: «Учиться у народа мудрости, мужеству, любви к Отечеству»* [Электронный ресурс] // Карелия. 2004. 26 февраля. № 21(1152). URL: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1152/t/1152_8.html (дата обращения: 02.04.2014).

Встречи с Андроповым. (2004) // *Курьер Карелии*. 2004. 17 июня.

Гнетнев К. В. (2011) *Карельский фронт: тайны лесной войны*. Петрозаводск : Острова. 416 с.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. (2002) Документы. М. : Фонд «Демократия». 888 с.

Гусаров Д. (1977) *За чертой милосердия : роман-хроника*. Петрозаводск : Карелия. 358 с.

Гусаров Д. Я. (1996) *Отрывочные раздумья разных лет. Запись датирована 12 января 1971 г.* // *Север*. 1996. № 2.

Куприянов Г. (1989) *Свидетельствую* // *Звезда*. 1989. № 3.

Куприянов свидетельствует. (2004) [Электронный ресурс] // *Газета «Дуэль»*. 2004. 7 декабря. № 49. URL: http://www.duel.ru/200449/?49_6_2 (дата обращения: 16.01.2014).

Под псевдонимом «Могикан» (Ю. В. Андропов в Карелии) [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Карелия. URL: <http://rkna.ru/index.php/component/content/article/439-deyatelnost/publikatsionnaya-deyatelnost/stati-publikatsii/2013/pod-psevdonimom-mogikan-yu-v-andropov-v-karelii/860-pod-psevdonimom-mogikan-yu-v-andropov-v-karelii> (дата обращения: 02.04.2014).

Солонин М. (2008) *25 июня: глупость или агрессия?* М. : Яуза ; Эксмо. 565 с.

Судьба страны. Судьба чекистов. Из истории органов безопасности Республики Карелия. (2013) Петрозаводск : Острова. 204 с.

Тихонов О. Н. (1971) *Операция в зоне «вакуум»: документальная повесть*. Петрозаводск : Карелия. 212 с.

Тогда они были молодыми...(2004) // *Курьер Карелии*. 2004. 16 июня.

Чекисты Карелии : статьи, очерки, рассказы. (1986) 2-е изд., испр. и доп. Петрозаводск : Карелия. 280 с. С. 43–71.

Шлейкин Ю. В. (2013) *Комсомол Карелии в лицах*. Петрозаводск : Острова. 352 с.

Шлейкин Ю. В. (2014) *Андропов. Карелия. 1940–1951...: биографическая хроника*. Петрозаводск : Острова. 288 с.

REFERENCES

Andropov, Yu. (1943) *Uchit'sia u naroda* [Learn from people]. [B. m.]: State Karelian-Finnish SSR Publ. 16 p. (In Russ.)

Andropov, Yu. V. (1983a) *My zashchitim tebia, Kareliia rodnaia! Stat'ia, opublikovannaia v zhurnale «Smena» № 23–24 za 1942 god* [We'll protect you, Karelia dear! An article

published in the journal «Smena», 1942, no. 23–24]. *Izbrannye rechi i stat'i. 2-e izd.* [Selected speeches and articles. 2nd ed.]. Moscow : Politizdat Publ. 320 p. Pp. 20–26. (In Russ.)

Andropov, Yu. V. (1983b) O liubvi k rodnomu kraiu. Stat'ia, opublikovannaia v gazete «Komsomol'skaia pravda» 13 iunia 1943 g. [On the love of his native land. An article published in the newspaper «Komsomolskaya Pravda» June 13, 1943]. *Izbrannye rechi i stat'i. 2-e izd.* [Selected speeches and articles. 2nd ed.]. Moscow : Politizdat Publ. 320 p. Pp. 27–32. (In Russ.)

Verigin, S. G. (2009) *Kareliia v gody voennykh ispytanii: Politiche-skoe i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Sovetskoi Karelii v period Vtoroi mirovoi voiny 1939–1945 gg.* [Karelia during the trials of war: The political and socio-economic situation of Soviet Karelia during the Second World War, 1939–1945]. Petrozavodsk : Petrozavodsk State University Publ. 544 p. (In Russ.)

Verigin, S. G. (2013) *Partizanskoe dvizhenie v Karelii. Nove podkhody k izucheniiu problemy* [Partisan movement in Karelia. New approaches to the problem]. *Sever.* 2013, no 5–6. Pp. 213–225. (In Russ.)

Vlasova N., Pashkova Yu. (2004) *Iurii Andropov: «Uchit'sia u naroda mudrosti, muzhestvu, liubvi k Otechestvu»* [Yuri Andropov: «Learn from the people of wisdom, courage, love for the Fatherland»]. *Karelia.* 2004. February 26, no. 21(1152) [online]. Available at: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1152/t/1152_8.html (accessed 02.04.2014). (In Russ.)

Vstrechi s Andropovym. (2004) [Meeting with Andropov]. *Kuryer Kareliy.* 2004, June 17. (In Russ.)

Gnetnev, K. V. (2011). Karel'skii front: tainy lesnoi voiny [Karelian Front: mystery forest war]. Petrozavodsk : Ostrova Publ. 416 p. (In Russ.)

Gulag: Glavnoe upravlenie lagerei. 1918–1960. (2002) Dokumenty [Gulag: General Directorate camps. 1918 — 1960. Documents]. Moscow : Fond «Democracy» Publ. 888 p. (In Russ.)

Gusarov, D. (1977) *Za chertoi miloserdiia: Roman — khronika* [Below Mercy: A Novel — Chronicle]. Petrozavodsk : Karelia Publ. 358 p. (In Russ.)

Gusarov, D. Ya. (1996). *Otryvochnye razdum'ia raznykh let. Zapis' datirovana 12 ianvaria 1971 g.* [Fragmentary thoughts over the years. Entry is dated January 12, 1971]. *Sever.* 1996, no 2. (In Russ.)

Kupriianov svidetel'stvuet (2004) [Kupriyanov testifies]. *Gazeta «Duel».* 2004, December 7, no. 49 [online]. Available at: http://www.duel.ru/200449/?49_6_2 (accessed 16.01.2014). (In Russ.)

Pod psevdonomom «Mogikan» (Iu.V. Andropov v Karelii). [Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kareliia] [Under the pseudonym «Mohicans» (Yuri Andropov in Karelia). [National an archive of the Republic of Karelia] [online]. Available at: <http://rkna.ru/index.php/component/content/article/439-deyatelnost/publikatsionnaya-deyatelnost/stati-publikatsii/2013/pod-psevdonomom-mogikan-yu-v-andropov-v-karelii/860-pod-psevdonomom-mogikan-yu-v-andropov-v-karelii> (accessed 02.04.2014). (In Russ.)

Solonin, M. (2008) *25 iunia: glupost' ili agressiia?* [June 25: stupidity or aggression?]. Moscow : Yauza : Eksmo Publ., 565 p. (In Russ.)

Sud'ba strany. Sud'ba chekistov. Iz istorii organov bezopasnosti Respubliki Kareliia. (2013) [The fate of the country. The fate of the employees of special services. From the history of the security of the Republic of Karelia]. Petrozavodsk : Ostrova Publ. 204 p. (In Russ.)

Tikhonov, O. N. (1971) *Operatsiia v zone «vakuum»: Dokumental'naiia povest'* [The operation in the area of «vacuum»: Documentary story]. Petrozavodsk : Karelia Publ. 212 p. (In Russ.)

Togda oni byli molodymi... (2004) [Then they were young...]. *Kuryer Kareliy.* 2004, June 16. (In Russ.)

Chekisty Karelii: Stat'i, ocherki, rasskazy. (1986) 2-e izd., ispr. i dop. [Employees of special services Karelia (1986): Articles, essays, short stories. 2nd ed., Rev. and add.]. Petrozavodsk : Karelia Publ. 280 p. Pp. 43–71. (In Russ.)

Shleikin, Yu. V. (2014) *Andropov. Kareliia. 1940–1951... : biograficheskaia khronika* [Andropov. Karelia. 1940–1951 ... : biographical chronicle]. Petrozavodsk : Ostrova Publ. 288 p. (In Russ.)

Shleikin, Yu. V. (2013). *Komsomol Karelii v litsakh* [Komsomol Karelia faces]. Petrozavodsk : Ostrova Publ. 352 p. (In Russ.)

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ: КАРЕЛЬСКОЕ ПОДПОЛЬЕ «МОГИКАНА»

В связи с оккупацией в первые месяцы Великой Отечественной войны 2/3 территории Карело-Финской ССР войсками Финляндии важным направлением деятельности ЦК ЛКСМ республики во главе с Ю. В. Андроповым стала военная работа, в том числе подготовка подпольщиков для работы в оккупированных районах. Активно участвуя в создании ополчения в Пряжинском, Ведлозерском, Петровском, Олонецком и других районах, Андропов поручил райкомам комсомола дать точные и конкретные сведения о том, кто из комсомольцев не успел эвакуироваться и оказался в занятых врагом селах, возможно ли связаться с ними. Он дал задание отобрать надежных активистов, владеющих финским языком, грамотных, морально и физически крепких. Основная часть рекомендованных были девушки. Отобранные из них прошли специальную подготовку для работы в подполье. С начала войны до конца 1943 г. при непосредственном участии Андропова было подготовлено и направлено на подпольную работу (секретари подпольных райкомов, связные, радисты, разведчики) 120 человек (в том числе 46 комсомольцев) (Власова, Пашкова: Электронный ресурс; Чекисты Карелии, 1986: 54).

По оценке Андропова, осенью 1941 г. — в начале 1942 г. был накоплен опыт подпольной работы. Этот первоначальный опыт далеко не всегда был позитивный. Оставленные в оккупированных районах подпольщики не имели необходимой подготовки для работы в тылу врага. В условиях жесткого оккупационного режима некоторые из них не проявили активности, отсутствовала связь. Недостатком опыта организации подпольной работы объяснялся провал подпольной группы в Петрозаводске (ее возглавляли член ЦК ЛКСМ республики Киселева и работник ЦК Державина, оставленные для

работы в подполье). Персональная самокритика Андропова выражалась в отсутствии должной подготовки подпольных групп, излишней поспешности, что приводило к неосторожности, растерянности в «особо острых моментах» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 95, 134). Андропов сформулировал правило, которое в полной мере можно отнести к участникам подпольной работы. В одной из своих статей в журнале «Смена» он написал: «Быть смелым — это не значит очертя голову бросаться вперед. Только умелое сочетание смелости, осторожности и точного расчета дает положительный результат. Тот, кто все предусмотрит и не растеряется ни при каких обстоятельствах, оказывается хозяином положения» (Андропов, 1983: 23).

С учетом полученных уроков с начала 1942 г. началась целенаправленная подготовка подпольных групп. В 1942 г. оккупированные районы прифронтовой республики стали приоритетным объектом в деятельности ЦК ЛКСМ. Это было связано с созданием 19 июля 1942 г. нового специального подразделения в ЦК ВЛКСМ, который получил название отдела по работе среди комсомольцев и молодежи во временно оккупированных районах и партизанских отрядах. С целью конспирации работы отдела было установлено его название — «специальный отдел» (спецотдел ЦК ВЛКСМ). Решением бюро ЦК ВЛКСМ от 5 октября 1942 г. «О руководстве работой комсомольских организаций в тылу врага» устанавливалась персональная ответственность первых секретарей прифронтовых ЦК ЛКСМ, обкомов за организацию подпольной работы на оккупированных территориях и требовалось «принять все необходимые меры по усилению партизанской борьбы». В частности, под непосредственным руководством первого секретаря производилась подготовка групп связных (их называли «ходоки») и организаторов подполья для отправки в тыл противника. Руководитель комсомольского органа лично занимался разработкой конкретных заданий для подпольщиков, именно

от него подпольщики, направляемые за линию фронта, получали задание и инструкции по его выполнению. Под руководством первого секретаря должны были производиться организация активной диверсионной деятельности на оккупированной территории, создание комсомольско-молодежных партизанских отрядов. В условиях жестокой войны ЦК ВЛКСМ требовал развернуть соревнование «по истреблению оккупантов»: рекомендовалось широкая пропаганда «опыта передовиков соревнования», повсеместное открытие «коллективных и личных счетов» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 6. Л. 23–24, 26, 51–54). Вся деятельность, связанная с оккупированными районами, являлась секретной: все документы имели гриф «совершенно секретно» (высшая категория секретности) или «секретно».

В 1942–1944 гг. «Могикан» (позывной Андропова) создал системную организацию подпольной работы в оккупированных финскими войсками районах республики. При непосредственном участии Андропова были отобраны, подготовлены и направлены на подпольную работу десятки человек. В их числе Мария Мелентьева, Анна Лисицына, Анастасия Звезда, Любовь Туманова, Павел Удальцов, Сильвия Паасо и др. Так, Марии Мелентьевой, когда началась война, было 17 лет (родилась 24.01.1924), она окончила восемь классов Пряжинской средней школы. По направлению Пряжинского райкома комсомола работала санитаркой в эвакогоспитале № 1123 в прифронтовом рабочем поселке Сегежа. Там же она встретила с Анной Лисицыной (1922 г. рождения), которая после окончания библиотечного техникума работала библиотекарем в Сегежском районном клубе. Девушки, знавшие финский язык (Мелентьева — карелка, Лисицына — вепсянка), были привлечены Ю. В. Андроповым к подпольной работе. Известно, что спецподготовка М. Мелентьевой началась в декабре 1941 г. по поручению Андропова (см.: Шлейкин, 2014: 55).

Комсомолка Любовь Туманова была направлена в разведшколу. Девушка в начале войны работала осмотрщицей вагонов на станции Кемь, записалась в народное ополчение. В разведшколе она освоила специальность радистки. Радистку-подпольщицу Сильву Паасо зачислили в спецшколу в 17 марта 1942 г. Вместе со своим будущим мужем Павлом Удальцовым она прошла полный курс обучения. В августе 1943 г. С. Паасо в качестве радистки группы подпольщиков была заброшена в Шелтозерский район. Группа успешно работала до конца ноября 1943 г. (Беломорская трибуна. 2012. 26 июля. С. 3) «Сима» (подпольный псевдоним Сильвы Паасо), прозванная «снайпер эфира», в своих воспоминаниях о военных годах рассказала следующую историю. Вызвали ее, слушательницу медицинских курсов, к Андропову. Он сразу спросил, знает ли она финский. «Да, говорю, знаю, я же финка. “А еще что умеешь?” Спортсменка я, на лыжах хорошо хожу, так ему и отвечаю. Он говорит: “Как ты смотришь на то, чтобы поступить в спецшколу, где тебя научат работать в тылу врага?” Я говорю, согласна, согласна. А он: “Что же так быстро соглашаешься, посоветуйся с мамой”. Так он меня благословил на подпольную деятельность. Я научилась в школе бросать гранату, стрелять со всех видов оружия, работать с рацией. И вот, уже получив одно из заданий, я оказалась в Сегеже. И вдруг встречаю там своего друга Пашу Удальцова, который стал потом моим мужем. Его после ранения Андропов взял завхозом. После всех заданий мы встретились в гостиничном номере. Я приготовила нехитрый ужин, а потом мы стали петь. Мой Паша петь любил. И вдруг запел Андропов. Это было так неожиданно и так красиво. А потом Юрий Владимирович взял связку книг и ушел в свой номер. Паша уверил меня: не сомневайся, прочтет все за ночь» (Неразгаданный Андропов: Электронный ресурс) По свидетельству современников, Андропов имел красивый голос (особенно он любил романсы «Я встретил вас...», «Вернись, я все прощу»), играл на гитаре, сочинял стихи.

В проведении подпольной работы на оккупированной противником территории Андропов поддерживал постоянную, по его словам, «тесную связь» с разведотделом Карельского фронта (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 42. Л. 148). Он постоянно взаимодействовал со спецшколами НКВД и ЦК КП(б) КФССР. Деятельность руководителя комсомольского органа в КФССР осуществлялась в постоянном и непосредственном личном взаимодействии Андропова с руководством ЦК ВЛКСМ: первым секретарем ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайловым, секретарем ЦК А. Н. Шелепиным, зав. спецотделом А. А. Сысоевой, зав. военным отделом Д. В. Постниковым. В работе с документами был установлен режим строжайшей секретности. Только руководители ЦК ВЛКСМ (секретари, занимавшиеся военной работой) имели доступ к информации о подпольной работе в Карелии в тылу противника. Даже ответственным сотрудникам аппарата ЦК ВЛКСМ без специального разрешения запрещалось ознакомление с документами спецотдела. Сотрудники самого спецотдела получали документы для работы в начале рабочего дня под роспись, в конце каждого дня сдавали их на хранение в несгораемом шкафу.

В Карелии Ю. В. Андропов регулярно представлял справки в ЦК Компартии республики о деятельности на оккупированной территории. Однако представляется, что в Москву направлялась гораздо более обширная информация. С целью конспирации и предотвращения утечки оперативной информации о многих деталях работы на «невидимом фронте» не знали даже партийные руководители республики. Любая утечка информации могла обернуться ценой многих жизней подпольщиков.

В процессе организации карельского комсомольского подполья Андропов выделил два этапа: 1) подготовительный период, 2) проведение активной подпольной работы. Переход ко второму этапу, по его расчетам, начался в августе 1942 г.

В условиях подготовительного периода были добыты необходимые образцы документов финской оккупационной власти: паспорта, пропуска, продовольственные карточки. Эти документы размножались и использовались подпольщиками и партизанами в тылу противника. Была организована подпольная связь, явочные квартиры, подготовлены экипировка, вооружение. Кроме того, на случай возможного прорыва фронта и оккупации прифронтовых районов ЦК ЛКСМ были подготовлены 94 подпольных работника (в том числе 23 карела), определены секретари подпольных РК в Лоухи, Кеми, Беломорске (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 13–14, 23–24).

Занимаясь подбором подпольщиков, Ю. А. Андропов привлекал к работе людей, которым доверял. Кого-то брал на работу в аппарат ЦК комсомола, присматривался. К подпольной работе были привлечены сотрудники центрального комсомольского органа республики: Андрей Эртэ, Татьяна Щербакова, Александра Семенова, Нина Лебедева. По воспоминаниям бывшей подпольщицы Марии Бультяковой, ей предложили поработать в аппарате ЦК ЛКСМ инструктором по школам. Однажды состоялся разговор с Андроповым — Марии была предложена подпольная работа секретарем Сегозерского райкома комсомола. Андропов предупредил: о состоявшемся разговоре никому ни слова. Он разработал легенду, вместе ее обсуждали. Поручил инструктору ЦК Ксении Даниевой поработать с финским языком. Проверял знание финского секретарь ЦК Петр Ихалайнен (см.: Шлейкин, 2014: 79).

Секретарей подпольных райкомов для оккупированных районов подбирал лично Андропов. В их числе: секретарь подпольного Заонежского РК Дарья Дудкова, секретарь Шелтозерского райкома Ульяна Догоняева, секретарь Прионежского РК Нина Лебедева. Готовилась группа подпольщиков для отправки в тыл врага: Мелентьева, Семенова, Даниева, Рягова, Якхонен, Яккола, Питкянен (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53.

Д. 186. Л. 133; Д. 187. Л. 14). С целью конспирации на бюро ЦК ЛКСМ их не утверждали. Подобная конспиративная практика работы была признана правильной и поддержана спецотделом ЦК ВЛКСМ (Д. 188. Л. 41). По характеристике Андропова, секретарь подпольного Олонецкого РК А. Семенова, позывной «Софья» (до оккупации секретарь Питкярантского райкома комсомола), «имеет смелый и решительный характер», владеет финским и карельским языками, знает условия района, ее родственники проживали на территории района. Другой член группы Уткина — «смелая, преданная девушка», уроженка Олонецкого района, карелка, владела финским и карельским языками (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 111). Их задание заключалось в создании подпольного райкома комсомола в тылу врага — подробное содержание задания и легенду для подпольщиков разработал сам Андропов.

Изучение биографических данных подпольщиков позволяет констатировать не только кропотливость Андропова в работе по подбору подпольных кадров, но и смелость его как руководителя: за каждого он отвечал персонально. В ноябре 1941 г. Андропов добился перевода в распоряжение ЦК комсомола из Управления связи республики знаменитого карельского лыжника Аате Питкянена. Из наркомата внутренних дел был востребован сотрудник милиции Николай Бределев, из Беломорского горкома партии — Александра Антипина.

Финн Аате Питкянен родился в Канаде в 1913 г., окончил техникум. В 1931 г. приехал в СССР. Его родители и сестра проживали в Канаде. Финка Кирсти Эло, 1922 г. рождения, работала в Беломорском горкоме комсомола. Ее отец и мать до войны были репрессированы и находились в заключении в пермских лагерях ГУЛАГа (отец К. Эло — красный партизан в годы Гражданской войны). Финн Эрнест Аалто родился в США в 1915 г., в СССР приехал в 1932 г.; финн Илмари Кайнулайнен был родом из Финляндии; финка Хельми Яккола

родилась в США; Дорэс Копра также родилась в США в 1923 г., в СССР приехала в 1930 г. Все они были рекомендованы Андроповым на подпольную, разведывательную и диверсионную работу. Надо было обладать смелостью, чтобы отправлять в тыл противника недавних иммигрантов финского происхождения. В этой связи совершенно беспочвенны и оскорбительны приведенные выше обвинения бывшего партийного руководителя Карелии Г. Н. Куприянова по поводу «большой хронической трусости» Андропова. Одновременно несостоятельны куприяновские ироничные замечания о девушках «пионерского возраста». Именно такие девушки-комсомолки подросткового вида выполняли ответственные поручения в тылу противника, рискуя собственной жизнью. Зачастую им удавалось это сделать гораздо эффективнее: они меньше привлекали внимание контрразведки и оккупационной администрации, чем взрослые мужчины из партийного подполья. В этом проявилась особенность карельских условий подпольной деятельности, если сравнивать с другими оккупированными регионами страны (Украиной, Белоруссией и пр.).

На Андропове лежал тяжелый груз ответственности за людей, которых он лично отбирал, готовил и посылал на смертельно опасные задания. Для подпольной работы привлекались молодые люди, хорошо владеющие финским и карельским языками: карелка Ксения Даниева, 1919 г. рождения; финка Кайху Сало, 1920 г.; финка Анна Тервонен, 1919 г.; карелка Ульяна Догоняева, 1919 г.; карел Илья Тукачев; карел Иван Яковлев; финн Павел Маунумяки; Дарья Дудкова, 1922 г., русская.

В задание для «ходки» в тыл врага включались сбор разведывательных и агентурных данных о противнике, о мероприятиях финского командования, получение финских документов (паспорта, продовольственные карточки, пропуска), финских газет. Кроме того, ходакам (связным ЦК ЛКСМ, в их числе назывались Татьяна Щербакова, Кирсти Эло, Николай Бределев,

Александра Антипина, Анастасия Звездина, Клавдия Лониная, Иван Яковлев, Анна Лисицына, Павел Маунумяки) поручался сбор информации о положении населения и настроениях народа в оккупированных районах КФССР. Ходоки информировали об установленном финской администрацией порядке выдачи паспортов. Так, стало известно, что в Ведлозерском районе сначала проводилась перепись, затем учтенные граждане приглашались на собеседование в специальную комиссию. В комиссии фиксировали не только рост, но и другие параметры, в том числе цвет глаз и волос. Цвет паспорта, выдаваемого так называемому родственному населению (под ним имелись в виду карелы, финны, вепсы), отличался от цвета паспорта остального населения (русских, украинцев, белорусов и пр.) (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 62).

Подробные справки о полученной информации Ю. А. Андропов регулярно направлял в ЦК ВЛКСМ. Важная оперативная информация о положении в Финляндии пополнялась также в виде обзоров переписки финских военнопленных (включая письма из Финляндии на фронт). Переводы и обзоры переписки проводились работниками ЦК ЛКСМ (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 111–113, 133). Так, в обзоре писем военнопленных солдат финской армии, направленном Н. А. Михайлову 16 июня 1942 г., Андропов отмечал: «В письмах финских женщин на фронт сообщалось о разложении молодежи. Финны, гордившиеся ранее прочностью семейного уклада и воспитавшие своих детей по строгим законам поведения, возмущались тем, что происходило в тылу. К немцам относятся недоверчиво, иронически называют их “выручателями”» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 129).

В ходе подготовительного этапа была подготовлена группа в составе 21 подпольщика (секретари райкомов, заместители, связные). Секретари РК прошли специальную подготовку в течение полутора месяцев, связные — двух недель по линии

НКВД КФССР и разведотдела Карельского фронта. Удалось организовать ряд ходок: в январе 1942 г. в Прионежский район была направлена группа ходоков: Николай Бределев (командир группы), Аате Питкянен, Александра Антипина, Фиса Серова. А. Питкянен и Н. Бределев побывали в Петрозаводске (финны назвали оккупированную столицу КФССР *Äänislinna* — «Онежская крепость»). В апреле А. Питкянен и К. Эло вновь отправились в Петрозаводск. В мае Силантьева и Леттиева были направлены в Заонежский район, в июне П. Матвеев и Л. Стаппуев — в Сегозерский район, в июле П. Маунумяки и И. Яковлев — в Шелтозеро, М. Мелентьева и А. Лисицына — в Житноручей Шелтозерского района, в августе А. Звезда — в Олонецкий район¹ (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 14, 156).

После возвращения с задания разведчики готовили и представляли непосредственно Ю. В. Андропову подробные донесения об итогах выполнения разработанного им задания. Так, оперативное донесение Марии Мелентьевой, подготовленное 31 августа 1942 г., содержит подробное описание похода в июле — начале августа 1942 г. В нем сообщалось, что девушки организовали три явочные квартиры, собрали сведения об оккупационном режиме, расположении огневых точек и оборонительных сооружений противника и установили контакт с местным населением. В донесении М. Мелентьевой об итогах разведки в Шелтозерском районе сообщались не только важные сведения о расположении военных объектов противника, переданные в штаб Карельского фронта, но также информация, которую просил Андропов: выяснить положение и состояние населения в Шелтозерском районе, значительную часть которого составляли вепсы и карелы. По информации Мелентьевой, все русское население без исключения было эвакуировано

¹ Анастасию Звездину до заброски в тыл врага готовили на специальных курсах в Москве, затем 15 мая 1942 г. она была зачислена в спецшколу в Беломорске (Беломорская трибуна. 2012. 26 июля. С. 3).

финнами в Петрозаводск в концлагеря. В донесении отмечались факты насилия над гражданами: оставшееся в оккупации население — в основном старики, женщины, дети сгонялись на принудительные работы в лес, на строительство дорог. По карточкам всем работающим — вепсам, карелам, финнам — выдавался хлеб — 250 г на день мукой. Сахару полагалось 750 г в месяц, маргарина — 250 г неработающим и 500 г работающим. Финская оккупационная власть произвела реквизицию урожая. Колхозы объявлялись распущенными, но лошадей содержали в одном месте. Пользование землей предоставлялось на условиях аренды с установленной оплатой.

В донесении М. Мелентьевой сообщалось, что в финских газетах «Свободная Карелия», «Раннее утро», «Маленький вестник» писали, что в СССР люди умирают от голода, Ленинград взят, через две недели возьмут Москву. Финская администрация открыла школу на финском языке с преподаванием Закона Божьего, который преподавали финские попы. В школе дети подвергались телесным наказаниям: за малейшие проступки их избивали, били линейками по рукам и ушам, ставили на колени. В ряде мест финны пытались крестить детей, но встретили недовольство местного населения. Учителей из этнических карел и вепсов насильно собирали и направляли на курсы переподготовки, в том числе в Финляндию. Мария Мелентьева отмечала, что молодежь Шелтозера, которой осталось очень мало, в большинстве своем ожидала прихода Красной армии (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 165–173; Д. 187. Л. 65–71).

При возвращении с задания Анна Лисицына погибла. В донесении этот эпизод звучит буднично: «... в 6 утра вышли на реку Свирь, где прождали до 12 ночи. В 24.00, построив плот, начали переправу, но плот разбило течением, и мы вынуждены были вернуться на правый берег р. Свирь. Решили форсировать реку вплавь. При переправе Лисицына Анна Михайловна утонула.

Мелентьева переплыла на левый берег р. Свирь, добралась в расположение части 276, откуда была доставлена в штаб 7-й армии» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 173). За этими сухими строками оперативного донесения стоит эпизод героического самопожертвования 20-летней вепсской девушки Анны Лисицыной своей собственной жизни ради того, чтобы ее боевая подруга доставила важную информацию и документы: группа возвращалась из родного села Анны Лисицыной, ее мать и родня отдали свои документы (финские паспорта, пропуска на право передвижения по территории района, продовольственные карточки, обрекая себя на голодное существование), они согласились помогать подпольщикам¹. Документы, выданные финской оккупационной властью, были необходимы для изготовления аналогов и использования их в работе в тылу врага. 18-летняя Мария Мелентьева с трудом добралась до берега. Пять суток без одежды и обуви, без пищи ей пришлось бродить по лесам и болотам. Окоченевшая, исцарапанная колючками и изъеденная комарами, на шестые сутки она вышла к своим.

За выполнение данного задания 2 сентября 1942 г. Ю. В. Андропов направил ходатайство о награждении М. Мелентьевой и А. Лисицыной. 11 октября приказом командования Карельского фронта Мария Мелентьева и Анна Лисицына (посмертно) были награждены орденами Красной Звезды.

Итогом подготовительного этапа в организации подпольной работы стало создание подпольных райкомов комсомола во всех оккупированных районах. Для обеспечения их деятельности формировались боевые дружины (три-пять человек). Задача дружин заключалась в проведении боевых действий диверсионного характера. В числе первых была создана такая группа в Шелтозерском районе: Э. Аалто (командир), И. Кайнулайнен, И. Тукачев (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 15).

¹ На явочную квартиру матери А. Лисицыной в Житноручей направлялась Ульяна Догоняева (позывной «Кэрту»).

Переход к новому этапу подпольной деятельности в тылу противника был связан с выделением ЦК ВЛКСМ дополнительных целевых финансовых и материально-технических средств на проведение работы. В августе 1942 г. Ю. В. Андропов представил в ЦК ВЛКСМ смету расходов ЦК ЛКСМ КФССР, связанных с выполнением заданий в тылу противника. В нее включались затраты на следующие мероприятия: обучение секретарей подпольных райкомов на случай оккупации прифронтовых районов (6 человек), содержание ходоков-связных при ЦК ЛКСМ (зарплата для 6 человек), подготовка подпольщиков (5 человек), обмундирование для ходоков (21 человек), питание ходоков (21 человек, включая боевые дружины), передвижение, ночлег ходоков (6 человек, боевые дружины — 15 человек). Общая смета расходов составляла 105 925 руб. Решением секретариата ЦК ВЛКСМ смета была одобрена и утверждена (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 6. Л. 15а, 30). Выделение целевых финансовых средств позволяло направлять деньги близким и родственникам подпольщиков во время их командировок в тыл противника.

В октябре 1942 г. Ю. В. Андропов направил зав. спецотделом А. А. Сысоевой заявку на выделение 11 видов вооружения и снаряжения для проведения спецработы в тылу врага: автоматов — 20 штук, пистолетов — 10, раций — 1, часов отечественных — 5, фонарей электрических — 50, зажигалок — 50, сапог и валенок — 40 пар, ватных фуфаяк и брюк — 40 пар, плащпалаток — 10, финских ножей — 30 штук, сухой спирт. Как свидетельствуют документы, получали далеко не все, что запрашивали: автоматов по данному перечню было выделено всего 3, часов отечественных — 2, не получили ни одного пистолета, фонарей электрических и зажигалок также не дали вообще (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 93). Отдельные виды вооружения и снаряжения выделялись благодаря непосредственной поддержке и помощи заведующего военным отделом ЦК ВЛКСМ Д. В. Постникова, в том числе за счет средств Красной армии.

Переход к новому этапу подпольной работы в тылу врага был связан с организацией специальной подготовки комсомольских работников, направленных на подпольную работу в тыл противника. Андропов постоянно контролировал процесс подготовки, присутствовал на занятиях. Тематический план спецподготовки включал практику работы в условиях подполья (20 часов лекций и 20 часов семинаров — всего 40 часов), изучение конспирации, легализации, составление легенды — 10 часов лекций, ознакомление с разведывательной работой — 6 часов лекций, с методами работы финской контрразведки — 12 часов лекций. Почти половина занятий отводилась истории ВКП(б) на финском языке — 50 часов лекций, а также истории революционного движения в Финляндии — 4 часа. Данное условие не обсуждалось: темплан спецподготовки утверждался первым секретарем ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприяновым (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 135–136).

В своих докладных записках и справках в адрес Н. А. Михайлова Андропов анализировал состояние и условия подпольной работы в тылу врага, нередко критически оценивая собственную роль руководителя. Накопленный опыт позволил Андропову настойчиво ставить вопрос и доказывать руководству ЦК ВЛКСМ необходимость учета специфики Карело-Финской республики, отличия подпольной работы в условиях Карелии от других территорий (Белоруссии, Украины, Брянской, Орловской, Смоленской, Калининской, Ленинградской областей). Это было связано с объективными обстоятельствами в Карелии: относительно низким количеством населения, оставшегося после эвакуации на оккупированной территории (около 86 тыс. человек, в основном женщины, старики, дети, почти половину которых составляли этнически родственные финнам народы — карелы, вепсы, ингерманландцы), преобладанием мелких сел и деревень, основная часть русскоязычного

населения (русские, украинцы, белорусы и др.) была выселена в концентрационные (переселенческие) лагеря, включая Петрозаводск. Данные обстоятельства обусловили необходимость внести коррективы в организацию подпольной работы. В специфических условиях Карелии сначала ориентировались, как и требовал ЦК ВЛКСМ, на создание подпольных комсомольских организаций (три-пять человек), но Андропов отказался от создания первичных комсомольских организаций на оккупированной территории из-за угрозы провалов. В результате перешли на индивидуальную работу с молодежью оккупированных районов. Отказались также от легализации и «оседания». Нелегальная работа оказалась более эффективной: она позволяла подпольщикам продержаться в тылу врага до трех-четырех месяцев. Поскольку продовольствие выдавалось финскими властями местному населению по карточкам, приходилось обустривать продуктовые базы в лесу: продукты, как правило, сбрасывались на парашютах. Связь с подпольными райкомами поддерживалась через организаторов ЦК ВЛКСМ. Складывалась «агентурная цепь», как определил эту схему Андропов, основанная на конспирации: секретаря подпольного райкома знал только организатор, организатора — только комсомольцы, с которыми он непосредственно работал. Так, в Шелтозерском районе секретарем райкома являлась Татьяна Щербакова, организаторами — Курганова, Лисицына, в Заонежском районе секретарем райкома была назначена Дарья Дудкова, заброшенная в тыл врага в августе 1942 г. с группой разведчиков (Орлов, Гайдин, Куйвонен и др.). Она работала с организаторами: Спиридоновой, Ермаковой, Ржанским. В карельском комсомольском подполье зафиксирован лишь один факт предательства со стороны комсомольцев-подпольщиков. Выяснилось, что предателем оказалась организатор Мякишева в Шелтозерском районе (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 21, 97, 111–112, 115, 134–135).

После возвращения с задания Дарья Дудкова (позывной «Даша») подготовила и представила Андропову подробное донесение. В нем сообщалось, что с 1 сентября 1942 г. в Заонежском районе финские власти сократили выдачу хлеба работающим до 200 г в день (до сентября выдавалось 300 г). Старикам и детям полагалось всего 150 г. Масло, крупа, чай, сахар вообще не выдавались. Оккупационные власти отобрали у населения скот, хлеб. Продовольствие отправлялось в Финляндию. Скот резали или угоняли в Финляндию. В район планировалось заселение финского населения и наделение его землей. В августе 1942 г. в Заонежском районе на уборку урожая пригнали 200 человек из концлагеря, в основном детей школьного возраста. В самом районе дети не могли учиться: школа не работала. Выдача финских паспортов производилась по этническому принципу: оставшаяся часть русского населения получила паспорта розового цвета, карелы, финны, вепсы — голубого (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 98–102).

Из Шелтозерского района осенью 1942 г. разведчики сообщали сведения, которые подтверждали и дополняли более раннюю информацию Марии Мелентьевой: школы работали только до шестого классов, на финском языке преподавались арифметика, география, история, основной предмет — Закон Божий. Телесные наказания являлись обычным делом — отмечались случаи, когда детей избивали до полусмерти, без сознания их увозили домой к родителям (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 154).

Политическая работа подпольщиков в тылу врага заключалась в проведении, как правило, индивидуальных бесед с молодежью (реже — с небольшими группами), распространении листовок. Велась разведка, организовывались диверсии. Вместо термина «боевые дружины» стали использоваться другие названия: диверсионные и разведывательные группы, «гранатометчики» и пр. Увеличилось снабжение вооружением и специальным снаряжением для проведения подпольной

работы в тылу врага. Спецотдел поставлял в Карелию рации, пистолеты ТТ, браунинги, компасы, сапоги, зажигалки, фонари и пр. (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 42).

В целом за два года Великой Отечественной войны ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР направил в тыл противника 15 человек в качестве секретарей райкомов и организаторов ЦК, 13 связных, 21 разведчика и диверсанта, 17 радистов разведывательных групп. Подпольщиками в тыл врага направлялись инструкторы ЦК ЛКСМ Э. Аалто, А. Питкянен, Т. Щербакова, М. Мелентьева, М. Бультякова, Н. Лебедева, А. Эртэ (зав. военным отделом ЦК). Так, Нина Лебедева в мае 1943 г. совершила ходку в Ведлозерский район (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 112, 136, 139). Одновременно в качестве подстраховки были определены подпольные райкомы комсомола на случай прорыва фронта: в Кемском райкоме первым секретарем планировалась Привалова, вторым секретарем — Русанова, в Лоухском соответственно Орсич и Королева, в Беломорском — Грибнев и Ефимова, в Медвежьегорском — Матвеева, в Пудожском — Лебедева (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 112).

Осенью 1942 г. в оккупированных районах Карелии в основном сложилась подпольная организация. В качестве комсомольских организаторов в Петрозаводске находились Киселева (после ареста она была освобождена финскими властями из-за отсутствия доказательств), Державина, Бределев, Антипина, Сало, Эло. В 1942 г. финны собрали в Петрозаводске из деревень молодых учителей — карелов, назвав это «курсами по переподготовке учителей». На эти курсы привозили в принудительном порядке. Молодежь окрестила данное заведение «учительский концлагерь». На курсах молодых учителей в Петрозаводске удалось создать комсомольскую группу до 30 человек, организатором которой была Надежда Гагарина (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 137).

В Олонецком районе организатором ЦК ЛКСМ являлись Петрова, Терентьев, в Заонежском — Вархуева, в Прионежском — Яковлев и Маунумяки. Все они прошли спецподготовку при НКВД КФСР, разведотделе Карельского фронта и ЦК ЛКСМ. В сентябре — октябре 1942 г. ЦК ЛКСМ создал резерв из 45 человек для отправки в тыл врага, а также 10 разведывательных и диверсионных групп Онуева, Лекнева, Филатова, Иванова, Конти и др.

Подготовка и заброска групп в тыл противника осуществлялась в тесном контакте с разведотделом Карельского фронта. Заброска проводилась самолетами с десантированием на парашютах. Две группы разведчиков были заброшены далеко за линию фронта — на территорию Финляндии в район Рованиеми и на Ухтинское направление с целью сбора разведывательной информации. В район Ухты была заброшена группа Михаила Филатова (Е. Морозов, Г. Денисюк, В. Никкаринен). Одновременно ЦК ЛКСМ организовал подбор кадров для разведотдела Карельского фронта — более 400 человек было направлено на работу в разведку и в диверсионные группы, в том числе секретарь Кестеньгского райкома комсомола Архипов, работник этого же райкома Колпова, член бюро Зарецкого райкома Новожилов (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 94а, 95, 111–112, 138).

В конце 1942–1943 г. сложившаяся организация подпольной работы в оккупированных районах Карело-Финской ССР была достаточно эффективной. Положительную оценку можно увидеть в резолюции секретаря ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина, написанной красивым и разборчивым почерком на документе, который назывался «Контрольный список на комсомольских работников, действующих в тылу врага» (когда я увидел этот архивный документ, невольно подумал: в сентябре 1943 г. данный источник, содержащий около десятка позиций по каждому из подпольщиков, несомненно, был бы просто мечтой для контрразведки противника! — Ю. В.). Шелепин написал:

«...очень много комсомольских работников, давно уже находящихся в тылу и до сих пор не награжденных. Стоило бы ходатайствовать о их награждении». Действительно, из 25 человек в данном списке (19 из которых были карелы, финны, вепсы) лишь один имел награду — медаль «За отвагу» (Виктор Новожилов, связной ЦК ЛКСМ).

В этом Контрольном списке обозначена должность каждого подпольщика: связной ЦК ЛКСМ, организатор ЦК ЛКСМ, секретарь подпольного РК. В числе секретарей подпольных райкомов комсомола: Шелтозерский район — Удальцов Павел, русский, первый секретарь РК с июля 1943 г. (ранее — курсант спецшколы); Щербакова Татьяна, вепсянка, секретарь РК с января 1942 г. (ранее — инструктор ЦК ЛКСМ); Заонежский район — Федоркова Анна, секретарь РК с июня 1943 г.; Сегозерский район — Бультякова Мария, секретарь РК с июля 1942 г.; Олонецкий район — Семенова Александра, карелка, первый секретарь РК (ранее — инструктор ЦК ЛКСМ); Звезда Анастасия, карелка, секретарь РК с июля 1942 г. (ранее — зам. секретаря Пудожского РК); Калевальский район — Торвинен Ольга, первый секретарь РК с августа 1943 г., карелка; Петрозаводский горком комсомола — Эртэ Андрей, первый секретарь ГК с августа 1943 г. (ранее — зав. отделом ЦК ЛКСМ), финн; Даниева Ксения, карелка, секретарь ГК с сентября 1942 г. В списке значится организатор ЦК ЛКСМ Эрнст Аалто (ранее — инструктор ЦК ЛКСМ), финн, а также связные ЦК ЛКСМ Аате Питкянен (ранее — инструктор ЦК ЛКСМ), финн, и Иван Яковлев (ранее — инструктор ЦК ЛКСМ), карел (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 46–48).

Один из представителей приведенного документа — Павел Удальцов в составе группы разведчиков был десантирован в Шелтозерском районе. 13 августа 1943 г. Ю. В. Андропов лично провожал четверку разведчиков во время их заброски в район с аэродрома в Девятинах Вологодской области

на самолетах По-2 (этот самолет мог взять на борт лишь одного человека с минимальным грузом). Разведчиков было четверо: Дмитрий Горбачев (командир группы), Павел Удальцов и Михаил Асанов — разведчики, Сильва Пасо — радистка (Степаков: Электронный ресурс). Деятельность этой разведгруппы в тылу врага освещена в документальной повести О. Тихонова «Операция в зоне «вакуум» (Тихонов, 1971).

Далеко не все подпольщики дожили до освобождения Карелии. Трудно представить себе, как мог переживать Андропов печальные известия о гибели своих подпольщиков, какую горечь он испытывал от провалов, какие чувства носил в себе от неизвестности судеб некоторых из них. Ему часто приходилось отвечать на запросы близких и родных подпольщиков стандартной фразой: «...находится в длительной командировке. По прибытии известим» (см.: Шлейкин, 2014: 82–83). В Петрозаводске погиб подпольщик Аате Питкянен. Он был арестован в мае 1942 г. и расстрелян в июне. Кирсти Эло пропала без вести на задании в июле 1942 г. Иван Яковлев и Павел Маунумяки погибли в июле 1942 г. Николай Бределев погиб в январе 1943 г. Татьяна Щербакова погибла в марте 1943 г. В 1943 г. погибла Дарья Дудкова. Александра Антипина попала в плен, была в концлагере в Петрозаводске, откуда ее освободили в июне 1944 г. Мария Бультякова в ноябре 1942 г. была арестована вместе с радисткой группы Марией Артемьевой. Расстрел им заменили пожизненной каторгой. Полтора года девушки провели в тюрьмах — с допросами, пытками, но оккупанты ничего не добились. В июне 1944 г. подпольщицы были освобождены из тюрьмы в Петрозаводске¹.

¹ М. Бультяковой пришлось после войны пережить арест, допросы с пристрастием и заключение в гугаговских лагерях (1951–1955). Следователи выбивали признания в измене Родины, сотрудничестве с финской разведкой, шпионаже. Требовали также дать показания против Андропова. С реабилитацией помог Ю. В. Андропов, когда был председателем КГБ СССР — он не забывал о своих людях. Мария Бультякова получила удостоверение ветерана Великой Отечественной войны.

Анастасия Звездина была схвачена оккупантами 4 октября 1942 г. Накануне суда, в ноябре 1942 г., она писала родным: «Я тверда сейчас, тверда как камень, и ни малейшего беспокойства только потому, что знаю, за что отдаю самое дорогое — жизнь свою: отдаю за свой народ, за его счастье... А ведь как хочется жить, но раз это во имя Родины, то не жалко и помирять». Суд приговорил ее к расстрелу. Но казнь была отложена — захватчики хотели получить интересные их сведения. Путем обещаний и угроз, пыток и истязаний они пытались сломить волю мужественной девушки. Три месяца продолжались допросы, ее пытали, били, к ногам прикладывали раскаленное железо, но враг ничего не добился. 17 февраля 1943 г. Анастасию повесили. Перед смертью она крикнула: «Наши придут, отомстят за нас!» Комсомолка Анастасия Звездина повторила подвиг Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной. Она была посмертно награждена орденом Красной Звезды, а в октябре 1990 г. — орденом Ленина (Ведлозеро. Ру: Электронный ресурс).

После освобождения Олонца, где героически погибла А. Звездина, остались ее письма сверстникам из тюремных застенков. Ю. В. Андропов направил в июле 1944 г. их копии А. Н. Шелепину. Секретарь ЦК ВЛКСМ распорядился их напечатать в газетах (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 195. Л. 109). Анастасия Звездина писала: «...я знаю, за что отдаю самое дорогое — жизнь свою. А когда знаешь это, тогда не страшно смотреть на смерть открытыми глазами...» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 195. Л. 110). В письме, датированном 16 ноября 1942 г.: «...Пусть меня расстреляют, но еще останутся сотни, тысячи, миллионы таких, как я... Не сомневайтесь, настанет такой день, и опять засияет солнце счастливой жизни. Ждите Красную Армию, она обязательно придет. А сейчас пока наберитесь терпения и мужества, чтоб перенести все трудности...» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 195. Л. 111).

В рядах подпольщиков уже не было Марии Мелентьевой. Она героически погибла при выполнении очередного задания в тылу врага в июле 1943 г. в Сегозерском районе. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1943 г. Мария Мелентьева и Анна Лисицына посмертно удостоены звания Героя Советского Союза. Национальные героини — дочери карельского и вепсского народов Мария Мелентьева и Анна Лисицына получили высшую награду, в том числе, благодаря настойчивости Ю. В. Андропова. 3 сентября 1943 г. он отправил телеграмму А. Н. Шелепину: материалы на награждение М. Мелентьевой и А. Лисицыной находятся в секретариате Сталина (см.: Шлейкин, 2014: 112). О героических карельских девушках в ноябре 1943 г. была издана «Молодой гвардией» значительным тиражом (20 тыс. экз.) брошюра в серии «Библиотечка молодого партизана» (Фиш, 1943). Маленький формат книги был предназначен для того, чтобы молодой партизан или красноармеец мог положить ее в нагрудный карман гимнастерки. Отдельные слова в книге посвящены также комсомольской подпольщице Даше Дудковой. Конечно, некоторые известные сегодня детали героического прошлого, изложенные в издании 1943 г., не совсем соответствуют реалиям того военного времени, однако не в этом суть — имена погибших героев должны были вдохновлять молодежь на новые подвиги ради Великой Победы. Так и было. Например, лейтенант А. М. Абрамов, освобождавший родное село Анны Лисицыной Житноручей, написал письмо в газету, изложил собственные чувства и ощущения, а также рассказы и воспоминания родных сестер Лисицыной — Любы и Насти о том, как А. Лисицына и М. Мелентьева («полная, круглая, румянолицая девушка») выполняли свое задание в июле 1942 г. (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 2. Д. 754. Л. 10–13).

Оккупированную столицу Карелии Петрозаводск финские власти прозвали зоной «вакуум». Действительно, организовать подпольную работу в городе, контролируемом финской контрразведкой, а также обеспечить надежную связь

с фронтовой столицей КФССР — Беломорском было почти невозможно. В июле 1943 г. для подпольной работы в Петрозаводске была заброшена группа из шести человек во главе с Федором Тимоскайненом, бывшим секретарем ЦК ЛКСМ КФССР. Тимоскайнен просил присылать в Петрозаводск листовки для финских солдат и населения. Их начали немедленно издавать, с листовками также отправили газету «Голос солдата» на финском языке (Чекисты Карелии, 1986: 59). Однако в августе подпольщики были обнаружены. В составе этой группы работала радисткой Любовь Туманова. В неравном бою около деревни Суйсарь Прионежского района комсомола Люба Туманова взорвала себя и рацию с шифрами гранатой. А было ей всего 23 года. Из группы Тимоскайнена лишь А. Эртэ остался в живых (ему суждено было пройти не только финские, но и сталинские лагеря).

С карельской деревней Суйсарь на берегу Онежского озера под Петрозаводском, где на одноименном острове Суйсарь похоронена карельская героиня Любовь Туманова, связаны детские годы моего тестя — Александра Ильича Горбачева. Его детские впечатления в полной мере соответствуют тем сведениям, которые содержатся в оперативных донесениях Марии Мелентьевой, Дарьи Дудковой, Аате Питкянена и других ходоков за линию фронта в оккупированные районы КФССР. Действительно, финские оккупанты установили жестокий режим: за малейшие шалости мальчишек следовало тяжелое наказание, избиения плетью, вплоть до расстрела. Продовольствия не хватало, для забавы финские солдаты бросали голодным ребятишкам котелки, чтобы те их облизывали на потеху солдатам. Дети школьного возраста не учились — школа не работала. Русское население из Суйсари выселяли. Это вызывало недовольство. Вот поэтому оккупанты и заслужили у местных презрительное прозвище «колопаи».

Многочисленные свидетельства малолетних узников финских лагерей подтверждают и дополняют эту информацию. В концлагерях в Петрозаводске людей били за малейшую провинность — за то, что близко подходили к проволоке, за малейшее неподчинение надзирателю. Наказывали не только розгами — часто лишали пайки, морили голодом, могли расстрелять. Финские солдаты стреляли на поражение, если кто-то подходил к колючей проволоке: ребенок или взрослый человек. (Я помню годы фронтовые ... , 2012: 215, 218–219; Козыревская, 2011: 5).

В сентябре 1943 г. у Ю.В. Андропова, несомненно, были основания для следующей информации Н. А. Михайлову: «С радостью можем сообщить Вам, что за последнее время мы добились некоторых заслуживающих внимания успехов в области работы в тылу противника» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 93). Заметно увеличилась аналитическая информация о состоянии противника на оккупированных территориях и в самой Финляндии, основанная на переводах и обзорах материалов, доставленных из-за линии фронта: финских газет, писем финских солдат (особенно по поводу действий партизан), писем на фронт, а также показаний военнопленных, захваченных партизанами. Этим занимался секретарь ЦК ЛКСМ КФССР Петр Ихалайнен, отвечавший за агитационно-пропагандистскую работу. Аналитические материалы свидетельствовали об изменении летом 1943 г. отношения финских властей к русским на оккупированных территориях: политика режима стала более лояльной. Это объяснялось коренным переломом в Великой Отечественной войне, а также явным недовольством местного населения финским оккупационным режимом. Об этом докладывали в своих донесениях подпольщики, в частности 18 сентября 1943 г. секретарь подпольного Ведлозерского райкома Нина Лебедева и связной Петр Тупицын.

В аналитических материалах, направленных в Москву, Ю. В. Андропов неоднократно подчеркивал информацию о том, что «к молодежи финны относятся с большим недоверием» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 92). Иллюстрацией к данному утверждению может служить информация из донесения секретаря подпольного Шелтозерского райкома Павла Удальцова: оккупанты считали, что если молодежь собирается на вечеринку или танцы — значит, отмечают победу советских войск. П. Удальцов докладывал, что в Шелтозерском районе, если финская власть получала информацию, что молодежь собралась на вечеринку в каком-либо доме, его окружала полиция. У всех задержанных юношей выстригали крестообразно волосы под машинку, а у девушек оставляли лишь клочок волос спереди. Повторный арест грозил заключением в тюрьму на три месяца (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 154).

В 1943 г. оккупационный режим усилил массированную агитационно-пропагандистскую работу в отношении молодежи. Подтверждением являлись подборки материалов из газет и листовок финских властей. В газетах «Вапаа Карьяла» («Свободная Карелия»), «Пикку Санансааттая» («Маленький вестник») подчеркивалось, что пропаганда среди молодежи идеологии «Великой Финляндии» имеет особое значение. Центральной в этой пропаганде звучала тема «Молодежь и Родина». Финские оккупанты призывали «открыть в Восточной Карелии окна в Финляндию для карелов», утверждались идеи «единства финской земли», «этнической общности народа». Лозунг «Никогда карелу не быть русским» пропагандировался как «большая задача»: «Это есть столетняя работа. Полоть долой эти сорные посевы, которые большевики посеяли. И пройти по карельским пахотам твердо и уверенно, как будто финский крестьянин идет на весенне-полевые работы» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 209–210).

Андропов информировал, что в Финляндии открыли курсы учителей в Силкасалми, чтобы подвергать идеологической обработке молодых учителей — карел, финнов, вепсов, собранных с оккупированной территории. Ставка делалась на работу в школе. В финских газетах подчеркивалось: «В настоящее время имеет большую важность вопрос о воспитании в Карелии молодого поколения, любящего свою родину — общую великую Финляндию. Это основная, святая обязанность финской школы. Воспитать настоящие отечественные чувства. С полным доверием может Карелия отдать свою будущность в руки такой молодежи, которая так ясно понимает великое дело отечества. В груди карельской молодежи бьется настоящее финское сердце» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 201). Тех, кто учился на курсах молодых учителей, призывали: «...расскажите везде, что Финляндия есть для всех карелов *великая отечественная* страна (курсив наш. — Ю. В.)» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 210).

Для организации пропаганды идей «Великой Финляндии» среди детей Восточной Карелии был создан Союз защиты детей. Перед этой организацией ставились конкретные задачи: «Там, где раньше учились думать у русских, там сейчас нужно учиться думать у финнов. Там, где раньше учили опознавать Россию, там теперь нужно учиться опознавать Финляндию. В этом есть для Восточной Карелии в финских школах большая работа. Финские учителя — первые финские пионеры за освобождение страны от большевизма. Лицо молодого поколения Восточной Карелии нужно повернуть на Запад» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 210).

Однако в секретных отчетах Военного управления Восточной Карелии финские власти признавали несостоятельность своей пропагандистской деятельности. Так, совещание офицеров пропаганды 14 октября 1943 г. вынуждено было констатировать: «Несмотря на работу, проведенную

в течение двух лет, мы замечаем, что в народе еще не проснулось национальное чувство, он продолжает оставаться пропитанным большевистским духом» (Ведлозеро. Ру. Электронный ресурс).

В начале 1944 г. в финской пропаганде появились истеричные нотки: среди школьников финны вели агитацию: жгите свои дома и уходите в Финляндию (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 155). Симптом нарастающей беспомощности финских властей проявился в одном из сообщений подпольщиков из Заонежского района: подростки пришли к старосте с требованием немедленно выдать продукты. Представитель местной финской власти был вынужден удовлетворить их требования (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 212). Подобное нельзя было даже представить в 1942–1943 гг.

Аналитические материалы, направляемые Андроповым в ЦК ВЛКСМ, не ограничивались обзорами, связанными с оккупированными территориями Карело-Финской ССР. Специальной темой стала характеристика деятельности молодежных организаций самой Финляндии, которые пропагандировали идеологию «Великой Финляндии»: городских организаций («Партио-лийтто»), сельских, территориальных, физкультурных, женских («Лотта-Свярд», «Мартта-Лийтто») и др. (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 49).

Расширение информационного и идеологического направления работы ЦК ЛКСМ КФССР было связано с необходимостью усиления подпольщиками агитационно-пропагандистской деятельности. На это обратил внимание в критически-благожелательном тоне секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин в своем письме Ю. В. Андропову 18 сентября 1943 г. (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 43). Специальным решением секретариата ЦК ВЛКСМ для республики был установлен дополнительный лимит центральных газет для распространения на оккупированной территории: «Комсомольской правды» — 50 экз., «Пионерской правды» — 50 экз. (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 6. Л. 90).

Осенью 1943 г. по инициативе Ю. В. Андропова развернулась информационная война с противником. Листовка ЦК ЛКСМ КФССР, подготовленная к 25-летию ВЛКСМ (октябрь 1943 г.), призывала молодежь Карелии оказать помощь пока еще оккупированным «районам, которые будут освобождены»: осенью засеять участки, урожай с которых в 1944 г. будет сдан в фонд помощи освобожденным районам. Кроме того, предлагалось выращивать для населения этих районов коров и лошадей, собирать литературу и культурный инвентарь, создать денежный фонд помощи (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 4700. Л. 1). Можно представить силу психологического воздействия данной листовки для населения оккупированных районов. О подобной заботе о людях в оккупации могли только мечтать.

Оперативная и аналитическая информация, направляемая Ю. В. Андроповым в Москву, как свидетельствуют документы, не ограничивалась руководством ЦК ВЛКСМ. На основе материалов, полученных от Ю. В. Андропова, первый секретарь ЦК Н. А. Михайлов регулярно докладывал партийному, государственному, военному руководству страны (И. В. Сталину, Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову, А. А. Андрееву и др.) о состоянии оккупированных районов в Карело-Финской ССР. Нередко к докладной записке, справке, информации прикладывались отдельные документы. Так, 19 сентября 1942 г. в адрес К. Е. Ворошилова и П. К. Пономаренко, наряду с докладной запиской о работе на временно оккупированной территории в КФССР, Н. А. Михайлов направил донесение Марии Мелентьевой (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 10. Л. 39, 71–73, 87, 195). Описание героизма карельских подпольщиков содержалось также в рукописи брошюры Н. А. Михайлова «Комсомольцы в тылу врага», предназначенной для широкого освещения в печати. Текст данной рукописи был направлен 28 августа 1942 г. для ознакомления начальнику управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 20а Л. 22–23).

Оценивая сегодня материалы Ю. В. Андропова, подготовленные для Центра, можно констатировать аналитический склад ума комсомольского руководителя КФССР, широкий взгляд на излагаемые проблемы. Понимание Андроповым проблематики, связанной с оккупированной Финляндией территорией Карело-Финской ССР, включая не только военные, но и социальные, экономические, политические, идеологические, этнические, демографические и другие аспекты, созвучны современным оценкам российских исследователей. В числе таких проблем — анализ ситуации, связанной с разделением населения оккупированной Карелии финской администрацией на коренное (финно-угорское) и некоренное (русское). Финский оккупационный режим, как многие справедливо считают, оказался даже более жестким и строгим, чем режим, который установила нацистская Германия на оккупированной части СССР. Нигде более противник не создал такое большое количество мест принудительного содержания, как в Карелии. Основная часть русского населения, высленного из родных мест, была заключена в концентрационные (переселенческие), трудовые лагеря или в другие места принудительного содержания. В них население было изолировано, ограничено в передвижении, находилось под строгим контролем охраны, было вынуждено работать на оккупантов. В деревнях был установлен жесткий контроль за передвижением сельских жителей. Финская оккупационная администрация принимала суровые меры к лицам, вызвавшим подозрение в оказании помощи подпольщикам: их заключали в тюрьмы, судили и часто казнили на глазах у односельчан (см.: Веригин, 2009: 301). Важно подчеркнуть, что подпольная работа, организованная Ю. В. Андроповым, проводилась против сильного, умелого и жестокого противника, одной из задач которого являлась ликвидация условий для создания очагов сопротивления оккупационному режиму. Нельзя недооценивать данный фактор.

Материалы Ю. В. Андропова, связанные с деятельностью на оккупированной территории КФССР, опровергают некоторые современные мифы. Так, один из публицистов, Марк Солонин утверждает: «...только приход финской армии спас десятки тысяч человек от голодной смерти. Что, разумеется, не мешало и не мешает некоторым авторам оглашать страницы книг и газет причитаниями про “мизерные пайки” и “бесчеловечную расистскую политику” финских оккупантов» (Солонин, 2008: 560). К сожалению, сам автор объемного труда не утруждал себя изучением архивных документов о тяжелом существовании населения в оккупированных районах Карелии, где даже работающее «родственное» население, как докладывали Андропову его подпольщики, получало по продовольственным карточкам 200 г хлеба, а старики и дети — 150 г.

Для изоляции этнически неродственного населения (русских, украинцев, белорусов и др.) на оккупированной территории людей отправляли в концентрационные лагеря. Военное управление Восточной Карелии, основываясь на национальной политике в оккупированных территориях, предполагало собрать все неродственное население в определенных местах и затем выселить за пределы Карелии в другие районы Советского Союза, которые должна была захватить Германия. С этой целью создавались концентрационные лагеря. Наибольшее количество населения, собранного в концлагерях, пришлось на весну 1942 г. (около 24 тыс. человек, т. е. около 27% всего населения, находившегося на оккупированных землях; в остальные периоды времени численность колебалась около 20%). Всего в условиях финской оккупации Карелии было создано 14 концлагерей для гражданского населения (осенью 1943 г., когда произошел перелом в войне, их стали называть переселенческими лагерями). Общее количество всех мест принудительного содержания на территории Карелии превысило сотню (Веригин, 2009: 362–363, 365, 313, 382–383, 454–455).

Оккупационная политика финской власти предполагала различные подходы к местным жителям в зависимости от их происхождения. Выдавались паспорта разного цвета, различались продовольственные нормы, подходы к обучению в школах, религиозных вопросах. Родственные финнам в этническом отношении карелы, вепсы, представители других финно-угорских народов должны были стать будущими гражданами «Великой Финляндии».

В годы Великой Отечественной войны Ю. В. Андропов, занимаясь руководством подпольной деятельностью на оккупированной территории Карелии, состоялся как специалист в организации работы разведки и контрразведки. Впоследствии опыт, приобретенный в Карелии, пригодился ему в период руководства КГБ СССР.

Литература

Андропов Ю. В. (1983) Мы защитим тебя, Карелия родная! [ст. в журнале: Смена. 1942. № 23–24] // *Избранные речи и статьи*. 2-е изд. М.: Политиздат. 320 с. С. 20–26.

Беломорская трибуна. 2012. 26 июля. С. 3.

Ведлозеро. Ру [Электронный ресурс] [сайт Ведлозерского сельского поселения]. URL: <http://vedlozero.ru/knowledge/karelian-language/kassr/154-glava-8/1424-2-8.html> (дата обращения: 05.04.2014).

Веригин С. Г. (2009) *Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг.* Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ. 544 с.

Власова Н., Пашкова Ю. (2004) *Юрий Андропов: «Учиться у народа мудрости, мужеству, любви к Отечеству»* [Электронный ресурс] // Карелия. 2004. 26 февраля. № 21 (1152). URL: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1152/t/1152_8.html (дата обращения: 02.04.2014).

Козыревская Н. П. (2011) *Дети войны*. Петрозаводск : Форевр. 50 с.

Неразгаданный Андропов. (2004) [Электронный ресурс] // Карельская губерния. 2004. 3 июня. № 23 (418). URL: <http://www.rep.ru/daily/2004/06/03/8722/> (дата обращения: 15.02.2014).

Солонин М. (2008) *25 июня: глупость или агрессия?* М. : Эксмо, Яуза. 565 с.

Степаков В. Н. *Диверсанты с востока* [Электронный ресурс]. URL: <http://read24.ru/fb2/viktor-stepakov-russkie-diversanti-protiv-kukushek/> (дата обращения: 15.02.2014).

Тихонов О. Н. (1971). *Операция в зоне «вакуум»: документальная повесть*. Петрозаводск : Карелия. 212 с.

Фиш, Г. (1943) *Карельские девушки*. М. : Молодая гвардия. 38 с.

Чекисты Карелии : статьи, очерки, рассказы. (1986) 2-е изд., испр. и доп. Петрозаводск : Карелия. 280 с. С. 43–71.

Шлейкин Ю. В. (2014). *Андропов. Карелия. 1940–1951...: биографическая хроника*. Петрозаводск : Острова. 288 с.

Я помню годы фронтовые... Воспоминания ветеранов о Великой Отечественной войне. (2012) Петрозаводск: Verso. 223 с. С. 214–219.

REFERENCES

Andropov, Yu. V. (1983) My zashchitim tebia, Kareliia rodnaia! Stat'ia, opublikovannaia v zhurnale «Smena» № 23–24 za 1942 god [We'll protect you, Karelia dear! An article published in the journal «Smena», 1942, no. 23–24]. *Izbrannye rechi i stat'i*. 2-e izd. [Selected speeches and articles. 2nd ed.]. Moscow : Politizdat Publ. 320 p. Pp. 20–26. (In Russ.)

Vedlozero. Ru. Sait Vedlozerskogo sel'skogo poseleniia [Vedlozero. Ru. Website of the Vedlozersky rural settlement. Online]. Available at: <http://vedlozero.ru/knowledge/karelian-language/kassr/154-glava-8/1424-2-8.html> (accessed 05.04.2014). (In Russ.)

Verigin, S. G. (2009) *Kareliia v gody voennykh ispytanii: Politicheskie i sotsial'no-ekonomicheskie polozhenie Sovetskoi Karelii v period Vtoroi mirovoi voiny 1939–1945 gg.* [Karelia during the trials of war: The political and socio-economic situation of Soviet Karelia during the Second World War, 1939–1945]. Petrozavodsk : Petrozavodsk State University Publ. 544 p. (In Russ.)

Vlasova N., Pashkova Yu. (2004) *Iurii Andropov: «Uchit'sia u naroda mudrosti, muzhestvu, liubvi k Otechestvu»* [Yuri Andropov: «Learn from the people of wisdom, courage, love for the Fatherland»]. *Karelia*. 2004, February 26, no. 21 (1152). [online]. Available at: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1152/t/1152_8.html (accessed 02.04.2014). (In Russ.)

Kozyrevskaya, N. P. (2011) *Deti voiny* [Children of the War]. Petrozavodsk : Forever Publ. 50 p. (In Russ.)

Nerazgadannyi Andropov (2004) [Unsolved Andropov]. *Karel'skaya gubernia*. 2004, June 3, no. 23 (418) [online]. Available at: <http://www.rep.ru/daily/2004/06/03/8722/> (accessed 15.02.2014). (In Russ.)

Solonin, M. (2008) *25 iunija: glupost' ili agressiia?* [June 25: stupidity or aggression?]. Moscow : Yauza : Eksmo Publ., 565 p. (In Russ.)

Stepakov, V. N. *Diversanty s vostoka* [Saboteurs east] [online]. Available at: <http://read24.ru/fb2/viktor-stepakov-russkie-diversanti-protiv-kukushek/> (accessed 15.02.2014). (In Russ.)

Tikhonov, O. N. (1971) *Operatsiia v zone «vakuum»: Dokumental'naiia povest'* [The operation in the area of «vacuum»: Documentary story]. Petrozavodsk : Karelia Publ. 212 p. (In Russ.)

Fish, G. (1943) *Karel'skie devushki* [Karelian girls]. Moscow : Molodaya gvardia Publ. 38 p. (In Russ.)

Chekisty Karelii: Stat'i, ocherki, rasskazy. (1986). 2-e izd., ispr. i dop. [Employees of special services Karelia (1986): Articles, essays, short stories. 2nd ed., Rev. and add.]. Petrozavodsk : Karelia Publ. 280 p. Pp. 43–71. (In Russ.)

Shleikin, Yu. V. (2014) *Andropov. Kareliia. 1940–1951...: biograficheskaia khronika* [Andropov. Karelia. 1940–1951 ...: biographical chronicle]. Petrozavodsk : Ostrova Publ. 288 p. (In Russ.)

Ia pomniu gody frontovye... Vospominaniia veteranov o Velikoi Otechestvennoi voine. (2012) [I remember frontline years ... Memories veterans of the Great Patriotic War]. Petrozavodsk: Verso Publ. 223 p. Pp. 214–219. (In Russ.)

ЗА ЧЕРТОЙ ПАРТИЗАНСКОГО МИЛОСЕРДИЯ: «ИСТРЕБЛЕНИЕ ОККУПАНТОВ»

С начала Великой Отечественной войны ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР активно занимался деятельностью, которая называлась военной работой. В конце 1941 — начале 1942 г. в Красную армию, в партизанские отряды, на спецзадания были направлены около 2 тыс. комсомольцев. Они прошли военную подготовку, осваивая военные специальности пулеметчиков, автоматчиков, разведчиков, лыжников, сандружинниц, медсестер, радистов, парашютистов, минеров, истребителей танков и др. (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 42. Л. 141).

Ю. В. Андропов являлся одним из организаторов партизанского движения в Карелии. В ходе формирования партизанских отрядов в их состав были направлены лучшие комсомольские активисты. Так, с августа 1941 г. по февраль 1942 г. их число превысило 350 человек. Тунгудский райком направил в партизанский отряд 25 активистов. Среди них секретарь Тунгудского райкома комсомола Н. Королев, члены бюро РК Михайлов, Коршунов. Ряды партизан пополнили секретарь Кемского райкома Бровков, большинство членов бюро Лоухского райкома комсомола. В Петровском районе большинство актива вступило в партизанский отряд, в том числе все члены бюро райкома во главе с секретарем РК Степаном Леонтьевым (он стал политруком в отряде). Заонежский райком направил в партизанские отряды 37 человек, в их числе секретарь райкома Н. Тихонов, члены бюро РК Мелехов, З. Букина, Д. Власова. С Онежского завода 32 комсомольца, в том числе секретарь комитета комсомола Михаил Захаров, стали бойцами партизанского отряда «Красный онежец». Половину первой партизанской бригады составили комсомольцы и молодежь Заонежского, Пудожского, Медвежьегорского,

Шелтозерского, Прионежского районов. Из 8 мужчин — членов аппарата ЦК ЛКСМ 6 сотрудников ушли на фронт (М. Косарев, Ф. Вайганов, П. Белоусов и др.), в разведшколу (П. Ихалайнен и А. Эртэ). Комиссаром отряда «Вперед» стал И. И. Вахрамеев, бывший секретарь ЦК ЛКСМ республики, он героически погиб в бою в октябре 1941 г. (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 34; Д. 188. Л. 1–2; Оп. 47. Д. 42. Л. 142).

В каждом партизанском отряде были созданы комсомольские организации, избраны комсомольские секретари. В отделениях и взводах назначались агитаторы. Во время подготовки к походу проводились собрания «О роли комсомольцев в бою», на которых принимались решения: комсомольцам быть впереди и в разведке, и в бою, воодушевлять бойцов своим примером. В феврале 1942 г. в Беломорске состоялось комсомольско-молодежное собрание молодых представителей партизанских отрядов КФССР (130 человек), от имени молодых партизан в ЦК ВЛКСМ было направлено приветственное письмо (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 14; Д. 188. Л. 4, 9).

Партизанская война была крайне жестокой. Важно понять, что придавало физические и духовные силы молодым партизанам, многим из которых едва исполнилось по 17–18 лет. Воспоминания бывших молодых партизан позволяют прочувствовать, насколько непросто было завоевать авторитет в этой разнородной боевой среде, прошедшей через невероятные испытания и трудности во время тяжелейших походов в тылу врага. Пот, кровь, голод, холод для них стали привычными условиями лесной войны с сильным противником, для которого северный лес был родным домом. К Андропову партизаны относились с большим уважением. Он часто принимал участие в собраниях, митингах партизан, проводил беседы, изучал бойцов, принимал участие в разборе боевых операций. Карел из Ругозера Дмитрий Александров в своих воспоминаниях рассказал об Андропове следующее: «За какие такие качества

он меня двигал, я не знаю. Только он всегда следил за мной. Я был в партизанском отряде. И после узнал, что он предлагал меня поставить первым секретарем какого-нибудь из райкомов. Я отказывался, ведь я простой ругозерский парень. Но он после мне говорил: “Вы справитесь, я это знаю”. У него была способность убеждать людей в их силе (курсив наш. — Ю. В.)» (цит. по: Неразгаданный Андропов: Электронный ресурс). Неслучайно Ю. В. Андропов обратил внимание на Д. Александра. Пулеметчик отряда «Вперед» стал командиром отделения, политруком взвода, затем помощником комиссара В. И. Поташева по комсомолу, а в 1944 г. — комиссаром отряда.

С Дмитрием Александровым связан эпизод, характеризующий отношения в партизанской среде в боевой обстановке. Однажды в дальнем походе отряда «Вперед» партизаны оказались на финском хуторе. Чтобы не оставлять свидетелей — донесут и начнется преследование финских егерей, — командир отряда К. В. Бондюк приказал Александрову расстрелять финнов. Но молодой боец категорически отказался. И тогда комиссар отряда Поташев и зам. командира по разведке (вместе с командиром они составляли «тройку», которая имела право выносить приговоры) потребовали: «Расстрелять Александра за невыполнение приказа!» Командир не согласился с ними. После возвращения на базу готовились документы для награждения партизан по итогам летних походов. Командир представил пулеметчика Александра к ордену Красного Знамени. Комиссар Поташев категорически возражал: «Нет, он будет расстрелян!» Когда наградные листы оказались в левой сумке Поташева, он их вытащил, достал наградной лист Александра и изорвал в клочья: «Этому не быть! Он будет расстрелян за невыполнение приказа!» (см.: Гнетнев, 2011: 261–262). Вот такие люди воевали в партизанах в Карелии. Героически воевал и комиссар Василий Илларионович Поташев

(с ним, одним из руководителей Совета ветеранов республики, в 1985–1986 гг. мы организовали сначала агитавтобус, а затем агитвагон в рамках акции «Марш мира советской молодежи» по местам боев в Карелии. Человек действительно бескомпромиссный, но порядочный и по-командирски точный). А ведь Дмитрия Александрова тогда могли расстрелять. Но получилось иначе: именно он в 1944 г. сменил В. И. Поташева на комиссарском посту.

В ЦК ЛКСМ непосредственной практической работой с партизанскими отрядами в 1942 г. занимался секретарь ЦК Федор Тимоскайнен. В мае 1942 г. решением ЦК ВЛКСМ в партизанских бригадах вводилась должность инструктора по комсомольской работе при комиссаре бригады, в июле 1942 г. в партизанских отрядах была установлена должность помощника комиссара по комсомолу. Помощники комиссаров отрядов утверждались персонально ЦК ЛКСМ республики, затем приказом Штаба партизанского движения КФССР. Помощники комиссара по комсомолу в 1942 г. появились во всех партизанских отрядах Карелии. Они выдвигались из числа комсомольцев, отличившихся в боях.

В 1942 г. в республике стали известны молодые партизанские герои, отличившиеся в боях. В их числе Сергей Жиганов, пулеметчик отряда «Буревестник», в 18 лет он был награжден орденом Ленина, затем медалью «Партизану Отечественной войны» I степени¹. По характеристике Андропова, это был «рослый, немного мешковатый на вид парень... в бою он словно преображается: действует быстро, точно, расторопно» (Андропов, 1983: 25). Евгений Зайцев, пулеметчик и разведчик отряда им. Тойво Антикайнена, был награжден орденом Красного Знамени, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. Наталья

¹ Сергей Жиганов был одноклассником Марии Мелентьевой в Пряжинской средней школе.

Сидорова, медсестра в отряде «Вперед», получила орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». Таких молодых героев, совершивших боевые подвиги во время партизанских походов, насчитывались десятки. Они были первыми в разведке и в боях (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 10. Л. 48; Д. 188. Л. 4–6).

Партизанские отряды в Карелии базировались на своей территории. Во время подготовки отрядов к походам за линию фронта в отрядах проводились комсомольские собрания, беседы, доклады, встречи партизан с гражданским активом, организовывалась художественная самодеятельность, выпускались стенгазеты и боевые листки. Во время походов во взводах и отделениях работали агитаторы — как правило, лучшие молодые бойцы в отрядах.

Инструктор спецотдела ЦК ВЛКСМ М. Ганпанцуров в докладной записке первому секретарю ЦК Н. А. Михайлову «Об участии комсомольцев в партизанском движении по Карело-Финской ССР» 15 сентября 1942 г. дал высокую оценку работе комсомольских руководителей республики: «Руководство ЦК ЛКСМ уделяет большое внимание работе комсомольских организаций партизанских отрядов, оказывая непосредственную помощь и руководство на местах в отрядах» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 33). В условиях военного времени подобная оценка была большой редкостью: язык и тональность документов больше напоминали боевые приказы, которые ограничивались констатацией недоработок, разносами и пр. В данной записке отмечался недостаток в партизанских отрядах необходимых предметов: финских ножей, котелков, кружек, ложек. Здесь как раз и пригодилась продукция «комсомольской промышленности», созданной Андроповым (о чем он сообщал в письме зав. военным отделом ЦК ВЛКСМ Д. В. Постникову накануне Нового — 1942 г.).

Следует отметить значительную личную роль Ю. В. Андропова, связанную с пополнением партизанских отрядов молодыми партизанами. Осенью 1941 г., во время командировки Д. В. Постникова на Карельский фронт, Андропов просил его помочь с людьми. После возвращения в Москву Постников разговаривал об этом с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайловым. В письме Постникова Андропову 25 декабря 1941 г. он обещал оказать помощь, но предупредил: дело сложное, люди требуются везде.

Местные кадровые ресурсы в Карелии в 1942 г. были исчерпаны, партизанские отряды несли значительные потери в ходе боевых действий. Так, в первой партизанской бригаде И. А. Григорьева после 57-дневного похода бригады в июне — августе 1942 г. из 648 человек на базу вернулись лишь 178 человек, в том числе 53 раненых (Веригин, 2009: 267). В связи с острой нехваткой личного состава в партизанских отрядах республики требовалось пополнение из-за пределов республики.

Поэтому Андропов выступил с инициативой перед ЦК ВЛКСМ о проведении отбора молодых партизан в других регионах СССР. Он обращался к первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову с просьбой о направлении молодого пополнения в партизанские отряды Карело-Финской ССР (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 6. Л. 9). Руководство центрального комсомольского органа (это следует особо подчеркнуть) внимательно относилось к просьбам первого секретаря ЦК ВЛКСМ Карелии, они не оставались без ответа. 29 января 1942 г. Андропов отправил в ЦК ВЛКСМ телеграмму — просил для нужд фронта направить в Карелию 300 сандружинниц (Шлейкин, 2014: 67). Вскоре в прифронтовую республику прибыло первое пополнение по направлению ЦК ВЛКСМ в составе 300 сандружинниц из Вологодской, Архангельской, Ярославской областей. С этой группой произошел казус. Первоначально девушек активно использовали на различных

хозяйственных работах (банно-прачечных, расчистке аэродрома и пр.), что вызвало у многих недовольство: они же рвались на фронт — туда, где стреляют. Однако очень скоро, после первой же вражеской бомбежки, им доходчиво объяснили: «тут и есть самый настоящий фронт» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 26). Проблема решилась сама собой.

Начиная с лета 1942 г. ЦК ВЛКСМ производил систематические наборы молодых добровольцев в партизанские отряды. Механизм набора и распределения осуществлялся по разнарядке ЦК ВЛКСМ, направляемой в крайкомы и обкомы комсомола. Так, решением секретариата ЦК ВЛКСМ от 13 июля в срок до 20 августа требовалось отобрать и направить партизанское пополнение из ряда областей (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 6. Л. 30). Часть партизанского пополнения направлялась в Карелию. Уже в июле 1942 г. по направлению ЦК ВЛКСМ в Карелию прибыли две группы молодых партизан в количестве 92 человек, в том числе из Ярославской (41 человек) и Свердловской областей (51 человек). В сентябре — ноябре 1942 г. ЦК ВЛКСМ направил в республику еще 225 человек, в том числе в сентябре группу иркутских молодых партизан в количестве 40 человек, в октябре — вторую группу из Иркутска (45 человек). В октябре прибыло 38 человек из Омска, в ноябре 51 человек из Ташкента. Приезжало пополнение из Башкирии, Красноярска.

Однако не все становились партизанами. Как часто подчеркивал Андропов, «тяжело приходилось воевать в лесах Карелии: топкие болота, глубокие озера, непроходимые чащи» (Андропов, 1983: 24). Походы боевыми партизанскими тропами требовали хорошего состояния здоровья и физической закалки. Каждый партизан, уходивший на задание, нес на себе оружие, боеприпасы, продовольствие на весь период похода. Переход линии фронта и передвижение во вражеском тылу составляли обычно несколько сотен километров по лесам

и болотам, в сложных природно-климатических условиях Севера, надо было преодолевать озера и реки. Партизанский груз достигал порой 50–55 кг: набор продуктов на время похода рассчитывался из расчета один килограмм в сутки, а также оружие, боеприпасы. Перед зачислением в отряды бойцы из пополнения проходили месячную подготовку на учебном пункте штаба партизанского движения в Сегеже. Из состава добровольцев первой иркутской группы семь человек были отчислены по состоянию здоровья, из второй — пять человек, из башкирской — один. Другое дело, когда прибывали подготовленные группы. Так, группа ярославцев во главе с С. Татауршиковым прибыла в Карелию после 26-дневной подготовки партизан в спецшколе под Москвой. Решением секретариата ЦК ВЛКСМ от 25 октября 1942 г. в партизанские отряды КФССР направили подготовленную группу 16 инструкторов-снайперов. Они сразу приступили к боевой работе (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 145; Д. 187. Л. 161; 189. Л. 30–30а, 31–36; Д. 6. Л. 81).

К осени 1942 г. появилась идея создания комсомольского партизанского отряда. Николай Тихонов, участник похода первой партизанской бригады летом 1942 г. в качестве инструктора по комсомольской работе при комиссаре бригады, рассказал, как родилась эта идея. После похода, в котором он был дважды ранен, Н. Тихонов находился на лечении в госпитале в Сегеже. Неожиданно в госпиталь приехал Андропов, вместе с ним пришли молодые партизаны Борис Воронов, Иван Комиссаров, Степан Леонтьев и др. Андропов расспрашивал Тихонова о «мельчайших деталях похода», о комсомольцах. Выслушав, просто и решительно объявил: «А ведь мы готовы, мы в силах создать комсомольско-молодежный отряд. С такими-то людьми! Но с этой инициативой ты выступишь сам». (Чекисты Карелии, 1986: 49–50). В сентябре 1942 г. состоялся пятый пленум ЦК ЛКСМ, в работе которого приняли

участие партизаны Карельского фронта, представители воинских подразделений Советской армии и пограничных войск. По свидетельству Н. Тихонова, ему «было поручено доложить о боевых действиях комсомольцев и молодежи в героическом рейде партизанской бригады, выступить с предложением о создании комсомольско-молодежного отряда» (там же: 50). На сохранившемся архивном снимке участников пленума рядом с Андроповым — партизаны Наташа Игнатова, Сергей Жиганов, Клава Лонина, Николай Чурбанов, Евдокия Власова, подпольщицы Нина Лебедева, Даша Дудкова и др.

Примечательно, что 13 октября 1942 г. Андропов информировал ЦК ВЛКСМ о решении создать два комсомольско-молодежных партизанских отряда. В ноябре 1942 г. сформировали отряд в количестве 98 партизан (в том числе 79 комсомольцев и 7 коммунистов). Партизанский отряд, получивший название «Комсомолец Карелии», был организован в Сегеже. Его первым командиром стал 24-летний эстонец Эдгард Урб, комиссаром Павел Спиридонов (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 94, 113). Второй комсомольский отряд не был создан: другие партизанские отряды также нуждались в молодом пополнении. В марте — апреле 1943 г. ЦК ЛКСМ республики направил в партизанские отряды 43 комсомольца-активиста из республики (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 187. Л. 159). Комсомольские наборы способствовали развитию партизанского движения в Карелии: количество партизанских отрядов в республике с 13 осенью 1941 г. увеличилось до 18 в начале 1943 г.

Становление комсомольского партизанского отряда проходило непросто. Иван Инниев, назначенный комиссаром партизанского отряда «Комсомолец Карелии» в мае 1943 г., в своих воспоминаниях писал:

«В конце 1942 г. семья карельских партизан пополнилась. Появился новый отряд, получивший название “Комсомолец Карелии”. Старые партизаны радовались: “Пополнение,

что надо, молодое, здоровое. Настоящие орлы”. Действительно, ребята с виду были хоть куда. Кого только среди них не было: и карелы, и финны, и коми, и ненцы, и удмурты, и башкиры. А вот насчет того, что они орлы боевые, наше мнение вскоре изменилось. Первое время у ребят никак не ладилось с дисциплиной. Одно нарушение следовало за другим. А в поход недисциплинированных не пошлешь. Погубят и себя, и других. Не хватало у них закалки, о боевых качествах и говорить не приходилось. Словом, новый отряд оказался небоеспособный.

Предпринятые усилия позволили создать боеспособный партизанский отряд, совершивший немало успешных операций в 1943 г. Об этом свидетельствовал комиссар И. Г. Инниев:

«Вскоре отправились в поход. В нашем отряде было два взвода, и первое время мы с командиром всегда шли рядом со взводами, следили зорко за каждым бойцом, за его поведением и тут же на ходу давали указания, где нужно — подбадривали. Первый боевой поход совершили во временно оккупированную часть Калевальского района. Операция прошла удачно. Как только вернулись, провели партийное и комсомольское собрания, разобрали допущенные ошибки, поделились опытом из своей практики. Одних приободрили, написали письма родным, поведали о здоровье и настроении их сыновей. Некоторым пришлось сделать серьезное внушение. Поход показал слабые и сильные стороны отряда. Вновь организовали учебу, тренировки.

Следующая операция была осуществлена на дороге Костомукша — Вокнаволоок летом 1943 г. Устроили засаду, стали ждать. Вдруг слышим шум, видим — едет офицер и с ним несколько солдат. Вскоре появилось около 40 человек с лошадьми. Недалеко от нас они остановились, отошли немного в сторону и как ни в чем не бывало стали раздеваться и варить пищу. Мы за это время перегруппировались, подготовились

и открыли дружный огонь с двух сторон прямо по сидящим. Финны в панике не могли найти даже свое оружие. Бой был коротким. Почти весь отряд противника был уничтожен. Мы взяли трофеи: радиостанцию, топографическую карту, на которую была нанесена схема обороны врага на Ухтинском направлении, почту (около 150 писем), оружие, две верховые лошади, захватили важные документы.

У нас потерь не было. После победы тронулись на свою базу. Надо было видеть, с каким приподнятым настроением шли молодые партизаны. Ночь прошла в пути. Остановились на отдых у одной ламбушки, примерно в десяти километрах от линии фронта. Здесь отдыхали весь день. Каждый привел себя в порядок. Провели общее собрание и выпустили “боевые листки”. Вечером на нас неожиданно напал отряд карателей. Бой длился минут двадцать. Мы развернули свои силы, дружно бросились в контратаку. Финны не выдержали натиска, дрогнули и побежали. В этой схватке восемь партизан получили ранения, у троих они были тяжелыми. После боя пришлось дать бойцам небольшой отдых, ибо идти с ранеными и нести трофеи было тяжело.

Так от похода к походу отряд укреплялся, росло мастерство молодежи. В 1943 г. вместе с отрядом “Красный партизан” совершили большую операцию по разгрому финских гарнизонов Пахкомиенваара и Каменное озеро. Готовясь к этой операции, мы до каждого партизана довели боевое задание. К цели подобралась ночью. Напали одновременно на оба гарнизона, расстояние между которыми было 7–8 километров. Атаку начали гранатометчики. Но в одном из гарнизонов у финнов оказался танк. Это было для нас неожиданностью, и мы понесли потери: 4 партизана погибли, 18 оказались ранеными. Но гарнизон мы разгромили. Взяли в плен коменданта гарнизона, захватили лошадей. От коменданта в штабе получили много ценных сведений. Он рассказал о структуре

так называемого Военного управления Восточной Карелии, сообщил фамилии лиц, находившихся на руководящих постах, каждого охарактеризовал.

Много походов совершили молодые партизаны. В основном они действовали на Ухтинском направлении, уничтожая живую силу врага, его технику, взрывая мосты, дороги, связь» (Инниев: Электронный ресурс).

О формировании отряда «Комсомолец Карелии» рассказал в своих воспоминаниях ветеран отряда Ж. И. Асылбаев, представитель башкирской группы добровольцев: «В 1942 г. нам было по 18 лет, работали мы на заводе № 161, эвакуированном в Уфу из Москвы. Завод выпускал военную продукцию для авиации. Нам, молодым рабочим-комсомольцам цеха № 1 стало известно, что в обком комсомола идет набор комсомольцев в школу по подготовке подрывников для действующих партизанских отрядов. А вскоре нас, Дорофеева Н., Кочемасова Б., Титова А., Глухова Н. и меня, пригласили в обком секретарю по военным вопросам — Ключину. После короткой беседы мы были зачислены в группу комсомольцев из Башкирии, направляющихся в школу особого назначения, которая находилась в Подмосковье. Всего нас было 12 человек, 5 из Уфы с завода № 161 и 7 из районов».

Другой бывший боец отряда Н. И. Парохин, прибывший из Сибири, дополняет рассказ своего товарища по отряду: «В Москве наш отряд комсомольцев из Омска принял первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов. Он рассказал об обстановке на фронтах и пожелал боевых успехов. Центральный штаб партизанского движения направил нас на Карельский фронт. В г. Сегежа к отряду присоединилось еще 43 человека, это небольшие группы из Карелии, Башкирии, Москвы, Горького, Красноярска, Иркутска. Отряд был многонационален, средний возраст — 17–18 лет. Его непосредственным организатором стал секретарь ЦК комсомола Карелии Юрий Владимирович

Андропов. На общем собрании решили назвать отряд «Комсомолец Карелии». После двухмесячной подготовки в Сегеже комсомольцы приняли «Партизанскую присягу» и приступили к боевым действиям» (Степаков: Электронный ресурс).

Сюжеты истории партизанского отряда «Комсомолец Карелии», включая рассказы о боевых делах, удалось обнаружить на городском портале г. Омска. Один из участников боевого пути отряда — Лазарь Савельевич Грузденко, родился в 1924 г. в Тюкалинском районе Омской области. В 1941 г. после окончания школы ФЗО № 15 города Омска работал в строительном тресте, был бригадиром комсомольско-молодежной бригады. В сентябре 1942 г. добровольно вступил в боевой комсомольский отряд, сформированный в Омске. После специальной подготовки на курсах Центрального штаба партизанского движения Лазарь Грузденко в составе разведывательного взвода партизанского отряда «Комсомолец Карелии» воевал на территории Карелии. Он был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. Рассказ о 18-летнем сибирском пареньке, отправившемся воевать в далекую Карелию вместе с другими сверстниками-омичами, заслуживает того, чтобы передать его полностью.

«“Омский обком ВЛКСМ формирует отряд особого назначения, — сказал комсорг стройтреста Петр Андреев бригадирю бригады Лазарю Грузденко. — Из добровольцев. Найдутся у вас такие?” — “Конечно! — твердо заявил Грузденко. — Первым пиши меня. А еще я с ребятами поговорю”. В сентябре 1942 г. пятьдесят парней из Омска прибыли в Москву в Центральный штаб партизанского движения. Оттуда их отправили в город Сегежу Карельской ССР (Карело-Финской ССР. — Ю. В.), где был сформирован партизанский отряд, в который вошли добровольцы других городов Сибири. Всего 93 человека. По предложению секретаря ЦК ЛКСМ

республики Ю. В. Андропова отряд назвали “Комсомолец Карелии”. Ю. В. Андропов часто бывал в отряде, интересовался его боевыми делами, заботился о пополнении отряда новыми бойцами, о снабжении его всем необходимым для успешной борьбы с врагом.

В свой первый рейд в тыл противника “Комсомолец Карелии” отправился в декабре 1942 г. Он получил приказ: пройти в расположение врага в районе западного берега Сегозера, провести разведку и взорвать мост на шоссе. Морозной ночью партизаны ступили на тонкий лед озера, запорошенного снегом. Во многих местах выступала вода. Снежное месиво примерзало к лыжам. Приходилось часто останавливаться и ножом скалывать ледяные наросты. Полыньи и торосы преграждали путь. Лед трещал, и в любой момент можно было провалиться в ледяную воду. Но ничего не могло задержать отряд. Впереди шел разведывательный взвод, в который зачислили Лазаря Грузденко и других сибиряков, отличавшихся крепким здоровьем, смекалкой, выносливостью. Под утро партизаны перешли озеро.

Отряд произвел разведку, взорвал мост, заминировал шоссе и двинулся в обратный путь. Только спустились на лед, как противник открыл автоматнo-пулеметный огонь. “Отходим на восток!” — скомандовал командир отряда Эдгард Урб и приказал взводу Н. И. Ковалева прикрывать отряд. Ведя бой с превосходящими силами противника, взвод вернулся на берег озера. Со льда последними уходили Грузденко и начальник штаба Н. Ф. Швецов. Вражеские солдаты решили взять их в плен. Отстреливаясь из автоматов, Швецов и Грузденко перебежками и ползком отходили к берегу. Пулеметная очередь сразила Швецова. Грузденко с гранатой в руке стремительно побежал к деревьям, до которых было пятьдесят метров. Вслед засвистели пули. Укрывшись за толстым деревом, Грузденко вел прицельный огонь по приближающимся солдатам врага.

“Ванька, рус, сдавайся!” В ответ Грузденко бросил гранату. Несколько фашистов упали. Огнем из автомата сибиряк уложил еще до десятка солдат. Скрываясь за деревьями, Грузденко поспешил в глубь леса. Там он наткнулся на группу подрывников Петра Яккола и вместе с ними двинулся на восток. Вскоре они догнали взвод Ковалева. Бойцы тащили на связанных лыжах двух тяжелораненых товарищей. К вечеру партизаны дошли до густого леса. Сделали привал. Лазарь Грузденко влез на высокое дерево и стал наблюдать за местностью. Очень хотелось спать. Обледеневшими рукавицами он тер свое лицо, чтобы не уснуть: иначе замерз бы, упал бы с дерева, не смог бы предупредить товарищей о приближении врагов. Утром Грузденко и Станислав Филатов отправились на поиски отряда. И вскоре нашли его. Через два часа все партизаны собрались вместе и направились к линии фронта. Ночью они закончили свой первый рейд в тыл противника.

Отряд привел себя в порядок, пополнился боеприпасами и начал громить вражеские гарнизоны. В январе 1943 г. несколько взводов отрядов “Комсомолец Карелии” и “Буревестник” внезапно ворвались во вражеский гарнизон, расположенный в деревне Сандалы, и забросали дома гранатами, а выбегающих на улицу гитлеровцев уничтожали из автоматов и ручных пулеметов. Смело и решительно действовали в бою омичи Лазарь Грузденко, Николай Волков, Владимир Захарин, Николай Килочицкий, Василий Медведев, Иван Стрежнев, Иван Рева. Были ранены Виктор Поляков, Алексей Поздняков и Владимир Захарин. Их доставили на свою постоянную базу Грузденко и другие бойцы.

В апреле 1943 г. командиром отряда был назначен сибиряк Фирс Поляков, комиссаром Иван Инниев, начальником штаба Иван Крючков. Все они были опытные партизаны, зрелые, смелые и решительные командиры. Партизаны беспощадно громили гарнизоны противника. Летом они совершили

несколько многодневных рейдов в тыл врага и нанесли ему большой урон в живой силе и технике, взяли много трофеев: оружия, боеприпасов. В ночь с 5 на 6 июля 1943 г. группа бойцов во главе с начальником штаба И. В. Крючковым и командиром взвода И. И. Бузиным заминировала мост на дороге Костомукша — Кондоки и, замаскировавшись на обочине, стала ждать противника. Вскоре показались три всадника и сорок немецких солдат. Партизаны приготовились к открытию огня. Каратели не дошли до них 500 метров, устроили привал в придорожном лесу. Развели костры и стали варить кашу. Партизаны подползли к врагам и открыли ураганный огонь. В живых не остался ни один гитлеровец. Пришедшая на помощь группа кавалеристов тоже была уничтожена. Метко стреляли из автоматов Грузденко и Филатов. Убив конников, они захватили лошадей и подобрали несколько автоматов. Владимир Просвиркин захватил рацию, медсестра Шура Шестихина — почту и ценные документы. Партизанам достались карта и схема вражеской обороны на Ухтинском направлении.

Взорвав мост, партизаны стали отходить от дороги. На них напала большая группа карателей. Отстреливаясь, бойцы уходили в глухие леса. С ходу они форсировали речку и с большим трудом оторвались от преследователей. Кончались боеприпасы, не было продуктов питания, одежда не просыхала: шли проливные дожди. Истощенные, измотанные в боях партизаны вернулись на свою временную стоянку. В июле отряд три дня шел в другой район боевых действий. Запутывая свои следы, постоянно меняли направление движения, следовали по непроторенным тропам, болотам и сопкам. То и дело лил дождь. Наконец 10 июля выглянуло солнце, стало тепло. Сделали дневной привал возле горного озера. Разожгли костры, сварили уху из пойманной в озере рыбы, привели в порядок оружие, снаряжение, обмундирование. К вечеру неожиданно нагрянули каратели. В рукопашной

схватке партизаны ножами и прикладами уничтожали противников и собак. Силы были неравными. В какое-то мгновение показалось, что враг одержит успех, и тогда во весь свой богатырский рост поднялся командир отряда Фирс Павлович Поляков и с криком: “Вперед! За мной!” — повел бойцов наседавших карателей. И бой закипел с новой силой. Противник не выдержал смелого натиска партизан и трусливо побежал, неся большие потери убитыми и ранеными. Бойцы преследовали его, стреляя из трофейного оружия. Жалкие остатки карателей рассеялись по лесам.

Отряд отправился дальше. Он стал вести разведку подступов к гарнизонам противника, нападать на врага, не давая ему покоя ни днем, ни ночью. Боясь партизан, немецко-финское командование усилило охрану дорог. Подступы к ним заминировали, вырубали леса. Автоколонны передвигались только под охраной броневиков, танков. На дорогах появились крупные патрульные группы. Но партизаны громили автоколонны одну за другой. Январским утром 1944 г. они устроили засаду вдоль дороги. Был сильный мороз, и автоколонна долго не появлялась. Вдруг возле болота, где находилось отделение бойцов Н. М. Затолокина, раздались выстрелы. С каждой минутой их становилось больше. По приказу Ф. П. Полякова на помощь Затолокину помчались разведчики. Перед болотом они развернулись в цепь. Совсем близко Грузденко увидел финских солдат. Они, как и партизаны, были в белых халатах и не сразу определили, кто перед ними. Грузденко и другие бойцы первыми открыли огонь из автоматов. 26 солдат и офицеров были убиты, а капрал взят в плен. Партизаны подобрали финские автоматы, пулеметы, винтовки, рацию, документы и вещи противника. К разведчикам присоединились бойцы из засады. Они принесли тела погибших — Затолокина и Асадулина. Отряд сменил место засады и внезапно напал на автоколонну врага и уничтожил ее.

Весной 1944 г. партизаны ночью сделали проходы в проволочном заграждении и ворвались во вражеский гарнизон, расположенный на высоком острове. Противник открыл пулеметно-минометный огонь. Одна мина разорвалась впереди Грузденко. Сибиряк упал и потерял сознание. Очнулся утром. Он был засыпан снегом, ранен в ноги и контужен. Стоял сильный мороз. Руки обморожены. С трудом вылез из сугроба, оттер руки, лег на лыжи и пополз. От потери крови кружилась голова. Через некоторое время он увидел пятерых лыжников, бегущих прямо на него. Решил подпустить их поближе и уничтожить. Приготовил автомат, но в походке первого человека заметил знакомые движения. Лыжник припадал на левую ногу. Так ходит Станислав Филатов. Неужели это он? Да, он! Рискую жизнью, партизаны пришли на помощь раненому товарищу. В лесу медсестра Аня Воронова с трудом стащила сапоги с ног Грузденко. В них замерзла кровь. Аня обработала раны, забинтовала. Стало немного легче. С боями отряд пробивался к линии фронта. Грузденко и другие раненные участвовали в отражении атак врага. Несколько дней партизаны добирались на свою базу.

Грузденко лечился в отряде. В июле он уже участвовал в засаде на дороге. Когда появилась автоколонна, начальник штаба Н. Я. Косенко подал сигнал: «Внимание!». Грузденко приготовился к стрельбе. На машинах он увидел гитлеровских солдат. «Огонь!» — раздалась команда. Первая автомашина остановилась и загородила дорогу. Создалась пробка. Враги, соскочив на землю, укрывались в кювете, стреляли из автоматов. В них полетели гранаты. Партизаны Николай Рыбаков, Денис Музафанов, Николай Глухов, Лазарь Грузденко, Николай Косенко, Александр Келькоев, Василий Ендовицкий первые выскочили из засады и, стреляя на ходу, побежали к машинам. Укрывшийся за колесом офицер стрелял из пистолета. Пули свистели над головой Грузденко. В несколько прыжков

Лазарь достиг офицера и в упор расстрелял. Из кармана убитого он вытащил документы, подобрал пистолет и портфель с ценными бумагами. Партизаны взяли в плен пять солдат, уничтожили 16 солдат и офицеров, захватили их оружие. Автомашины с боеприпасами подожгли. Не успели они отойти в лес, как на дороге появилась вторая автоколонна. Она остановилась. Гитлеровцы стали преследовать партизан. Более 20 километров они гнались по пятам. Но не удалось убить или ранить ни одного партизана.

Два месяца подряд «Комсомолец Карелии» находился в рейде по тылам противника. На дорогах он нападал на автоколонны врага, трусливо уходящего от ударов Советской армии, громил гарнизоны. В финский гарнизон на хуторе Пиломиени 30 партизан ворвались с двух сторон. Из окон большого двухэтажного дома противник открыл огонь из пулеметов, автоматов и винтовок. Омич Павел Фомин подкрался к дому и бросил в окна несколько гранат. С другой стороны подбежал Лазарь Грузденко и бросил две гранаты в окна первого этажа. Выстрелы сменились стонами и криками о помощи. Но когда к дому приблизились другие партизаны, с чердака застрочили пулеметы и автоматы. Фомин и Грузденко по водосточным трубам долезли до второго этажа и бросили на чердак гранаты. Враг замолчал. Партизаны получили возможность продвигаться вперед. Налет был стремительным и дерзким. Было убито 47 солдат и офицеров, уничтожено 4 автомашины, 32 велосипедиста, радиостанция, 4 склада с боеприпасами, оружием и продовольствием, молочно-товарная ферма, сожжены дома и казармы, захвачены богатые трофеи.

В сентябре 1944 г. «Комсомолец Карелии» закончил свой боевой путь. В октябре он участвовал в партизанском параде в Петрозаводске, 15 октября был расформирован, а бойцы продолжили сражение с гитлеровскими захватчиками, находясь в частях Советской армии. Оказывается, «Омский комсомолец»,

позже вошедший в отряд “Комсомолец Карелии”, был самой молодой партизанской группой, которая действовала во время войны. Боевые действия с фашистами вели 17–18-летние бойцы. Но, несмотря на возраст, это были очень отважные ребята» (Грузденко: Электронный ресурс).

За год и десять месяцев своего существования «Комсомолец Карелии» совершил 17 боевых походов в тыл врага, прошел по лесам и болотам около 5 тыс. километров, провел немало удачных операций. По свидетельству партизан, «Юрий Владимирович гордился своим детищем, выступал перед личным составом, участвовал в разборе боевых операций. В начале 1944 г. отряд “Комсомолец Карелии” был одним из лучших на Карельском фронте» (Чекисты Карелии, 1986: 51).

Общие потери партизанского отряда за время боевых действий: 12 человек погибли, раненых — 30. Партизаны уничтожили 995 солдат противника, взяли в плен 6 человек. В ходе боевых операций было разгромлено 2 гарнизона, пущен под откос один поезд (разбит паровоз и 17 вагонов), взорвано 4 моста, ликвидировано 6200 м линий телефонной связи, уничтожено 8 складов, 7 автомашин, 17 казарм и построек. 52 партизана отряда «Комсомолец Карелии» были награждены медалью «Партизану Отечественной войны», двое медалью «За отвагу», несколько человек получили ордена. Гимнастерку комиссара отряда Ивана Инниева украшали два ордена Красного Знамени и две медали (Шлейкин, 2014: 85).

В описании приведенных боевых действий отряда «Комсомолец Карелии» встречаются эпизоды боев не только с финскими егерями, но и с немецкими воинскими частями, базировавшимися на Ухтинском направлении, где проходил боевой путь отряда — на северо-западе Карелии (ныне приграничные территории с Финляндией в районе Костомукши в Калевальском районе, на севере — граница с Мурманской

областью). Причем описание последних боевых операций связано с походом в глубокий тыл противника — на территорию самой Финляндии (как говорили партизаны, «за Госграницу»): в августе 1944 г. группа из трех партизанских отрядов («Комсомолец Карелии», «Боевые друзья» и отряд им. Чапаева) общей численностью 212 человек успешно действовала в течение месяца на финской территории в районе городов Лиэкса и Йоэнсуу. Помимо эффективных боевых действий, подобные рейды имели огромный психологический эффект: местное население Финляндии, услышав о советских партизанах, бежало из хуторов и деревень.

Историю боевых действий комсомольского партизанского отряда дополняет рассказ ветерана отряда «Комсомолец Карелии» башкира Ж. И. Асылбаева: «Летом 1943 г. отряд провел несколько удачных операций. В районе деревень Кондоки, Костомукша силою двух взводов в одном бою разгромили две группы противника. Операцией руководил опытный партизан — начальник штаба отряда Иван Васильевич Крючков. А дело было следующим образом. На одном из участков дороги партизаны устроили засаду, ждать пришлось недолго. Вскоре со стороны Костомукши показались три всадника, а за ними и весь конный отряд порядка 40 человек. Немного не доехав до партизанской засады, они остановились на отдых. Партизаны скрытно подобрались к противнику и внезапной атакой разгромили вражеский отряд. Однако им тут же пришлось вступить в бой с другой группой противника численностью до взвода, которая оказалась в этот момент на дороге. Натолкнувшись на плотный огонь, враги отступили. Партизаны захватили почту, рацию, оружие убитых, продовольствие и 2-х лошадей» (Степакон: Электронный ресурс). В лесах Карелии в боевом походе геройски погиб сын башкирского народа Махмуд Валиев (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 142).

Любопытно, что изложение июльского боевого эпизода 1943 г. из жизни отряда, представленное в трех совершенно независимых друг от друга версиях (комиссара отряда карела Инниева, бывших бойцов отряда — одного из Омска, другого из Уфы), из различных источников в точности совпадает даже в отношении приведенных цифровых значений и отдельных деталей (названий, фамилий).

В 1943 г. ЦК ЛКСМ республики значительно активизировал политическую и воспитательную работу с молодыми партизанами. По предложению Ю. В. Андропова в феврале 1943 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов направил в адрес молодых карельских партизан приветственную телеграмму. Обсуждение телеграммы проводилось на комсомольских собраниях в каждом отряде (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 12).

Организацией работы с партизанскими отрядами занимались секретарь ЦК ЛКСМ по военной работе Н. С. Королев и инструктор Н. С. Тихонов. В довоенные годы оба работали секретарями райкомов комсомола, после начала Великой Отечественной войны воевали в составе партизанских отрядов, получили ранения. После того как по инициативе ЦК ВЛКСМ приказом начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко 14 октября 1943 г. была введена новая должность — помощников по работе среди молодежи партизанских отрядов в республиканских и областных штабах, по Карело-Финской ССР помощником начальника республиканского штаба утвердили секретаря ЦК ЛКСМ по военной работе Николая Королева (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 6. Л. 129).

Инструктор военного отдела ЦК ЛКСМ республики Николай Тихонов имел большой партизанский опыт. В первой партизанской бригаде И. А. Григорьева 20-летний партизан был вначале секретарем комсомольской организации бригады,

затем — инструктором по комсомольской работе при комиссаре бригады. Тихонов героически сражался во время похода партизанской бригады, в августе 1942 г. был тяжело ранен. В военном отделе ЦК ЛКСМ он занимался работой с партизанскими отрядами (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 133; Д. 187. Л. 7, 162). Осенью 1942 г. Н. Тихонов был командирован ЦК ВЛКСМ в Молотовскую (ныне Пермская) область для выступлений перед молодежью оборонных предприятий, каменноугольных шахт о подвигах партизан Карельского фронта.

В архивных фондах сохранился документ, который называется «Контрольный список комсомольских работников, действующих в тылу врага (помощники комиссаров по комсомолу)». На нем поставлена виза: «А. Шелепин. 18.9.43». В списке — 18 помощников комиссаров (в каждом из 18 партизанских отрядов был помощник по комсомолу). В основном это были партизаны 1921–1923 г. рождения. В их числе: Татаурщиков Сергей Павлович, 1923 г., член ВКП(б), русский, образование среднее, награжден орденом Красной Звезды, помощник комиссара в отряде «Железняк» с 16 апреля 1943 г. (дата утверждения в ЦК ЛКСМ); Захаров Михаил Иванович, 1922 г., член ВКП(б), русский, образование неполное среднее, награжден орденом Красной Звезды, помощник комиссара в отряде «Красный онежец» с апреля 1943 г.; Голованова Клавдия Егоровна, 1922 г., кандидат в члены ВКП(б), русская, образование среднее, помощник комиссара в отряде «Мстители» с мая 1943 г.; Сулова Вера Ивановна, 1923 г., кандидат в члены ВКП(б), русская, образование неполное среднее, помощник комиссара в отряде «Комсомолец Карелии» с мая 1943 г.; Александров Дмитрий Степанович, 1918 г., член ВКП(б), карел, образование среднее, награжден орденом Красной Звезды, помощник комиссара в отряде «Вперед» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 136–137).

В октябре 1943 г., в канун 25-летия ВЛКСМ, родилась инициатива молодых партизан Карелии — написать письмо И. В. Сталину о принятии конкретных боевых обязательств. Письмо подписали 573 молодых партизана (точное количество подписей заверено подписью начальника Штаба партизанского движения КФССР генерала С. Я. Вершинина 26 октября 1943 г.). Появлению данной инициативы предшествовало проведение во всех партизанских отрядах комсомольских собраний. На собраниях обсуждались примеры личной отваги и стойкости молодых советских героев — Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Александра Матросова, краснодонцев, а также героев прошлого (А. В. Суворов, М. И. Кутузов, А. Невский и др.). На собраниях молодые партизаны принимали обязательства: «Все комсомольцы должны быть впереди», «Комсомольцы — первые в боях» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 22, 24, 29, 36, 56).

В организации данного мероприятия проявилась характерная для Андропова как руководителя черта: каждое начатое дело должно обязательно иметь результат. После начала столь ответственного дела, как письмо Сталину, в партизанских отрядах Карелии регулярно выпускались боевые листки, в которых отражалось «открытие и пополнение боевых счетов». В каждом отряде (во всех взводах и отделениях) работали не менее 10–12 агитаторов. В ноябре 1943 г. собирались собрания по поводу приветствия Н. А. Михайлова к молодым партизанам в связи с годовщиной Октябрьской революции (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 6. Л. 134; Д. 188. Л. 29, 112).

О том, как проводилась политическая работа, рассказал самый молодой участник похода первой партизанской бригады в 1942 г. Борис Воронов, 1924 г. рождения. Осенью 1943 г. он находился в расположении отряда имени Тойво Антикайнена. «Жизнь на базе, — говорил он, — известная: хозяйственные дела, военная да политическая учеба, подготовка к походу.

Через день обязательный “политчас”. Политруки нам сводки с фронтов читают, политинформацию “толкают”. Я и тогда, и теперь политикой мало интересовался. Однако когда слышу иногда, что, мол, эта комиссарская политическая работа была не нужна, согласиться не могу. Очень была нужна. Во-первых, мы получали новости с фронтов. Во-вторых, помню, как нам в Марнаволоке рассказали о пытках Зои Космодемьянской, ух, какой настрой у ребят был! Прямо сразу в бой! И отомстить!» (цит. по: Гнетнев, 2011: 116). Б. Воронов был награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней, медалью «За отвагу».

Вопросы политической работы с молодыми партизанами обсуждались на совещаниях помощников комиссаров партизанских отрядов по комсомолу. Андропов в своих выступлениях подводил итоги боевых дел комсомольцев и молодежи, предварительно побывав в отрядах, говорил об опыте, ставил конкретные задачи. По свидетельству участников этих совещаний, «он всегда был конкретен, общая фраза была ему чужда» (Чекисты Карелии, 1986: 54). Для помощников комиссаров — молодых людей, но с серьезным боевым опытом, комсомольский руководитель республики был «примером подтянутости, опрятности, организованности» (там же: 57).

В совещании помощников комиссаров партизанских отрядов по комсомолу в ЦК ЛКСМ 6–7 декабря 1943 г. участвовали 14 помощников комиссаров, а также его организаторы: начальник штаба партизанского движения в Карелии С. Я. Вершинин, первый секретарь ЦК ЛКСМ КФССР Ю. В. Андропов, заведующий военным отделом ЦК КП(б) республики Н. Ф. Карахаев, секретари ЦК ЛКСМ Н. С. Королев, П. И. Ихалайнен, инструктор военного отдела Н. С. Тихонов. Стенограмма совещания была отправлена в Центральный штаб партизанского движения. Помощники комиссаров партизанских отрядов в своих выступлениях делились опытом работы. Так, помощник

комиссара отряда «Комсомолец Карелии» Вера Сулова рассказала об организации массово-политической работы в отряде: о проведении конкурсов на скорость зарядки магазина автомата и пулемета, о конференциях по изучению материальной части вооружения, в том числе трофейного (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 112). Партизаны обсуждали новые инициативы отрядов: «Комсомолец Карелии» выступил с обращением к молодым лесорубам республики с предложением об организации соревнования. Другой партизанский отряд «Боевые друзья» с аналогичным призывом обратился ко всем комсомольцам КФССР (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 190–192).

В начале 1944 г. в партизанских отрядах проходили комсомольские собрания, на которых заслушивались отчеты молодых партизан о ходе выполнения обязательств, принятых при подписании письма Сталину. Как правило, обязательства успешно выполнялись. Единственным оправданием невыполнения текущего обязательства звучала фраза, зафиксированная в документах лаконичным и суровым военным языком: «Не было финнов, некого было убивать». В этом случае отчет о выполнении личного обязательства откладывался до следующего собрания (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 29; Д. 187. Л. 163). Спецотдел ЦК ВЛКСМ в январе 1944 г. направил в республику дополнительные тиражи литературы, в том числе серию брошюр «Библиотечка молодого партизана», листовок, газет для населения оккупированных районов.

1 февраля 1944 г. Ю. В. Андропов направил в адрес секретарей ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова и А. Н. Шелепина отчет о выполнении комсомольцами и молодежью партизанских отрядов Карелии обязательств, принятых в письме Сталину. К информации прилагался также рукописный Рапорт комсомольцев отряда «Комсомолец Карелии» о результатах выполнения обязательств. В оригинале рапорта — 52 подписи, включая подписи командира, комиссара, его помощника

по комсомолу (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 140–145). Свообразным ответом стали письма ЦК ВЛКСМ (Н. А. Михайлов) и МГК (А. М. Пегов) к комсомольцам и молодежи КФССР, приуроченные к 24-й годовщине Красной армии. В письме Н. А. Михайлова содержались поздравления в адрес конкретных партизан. Молодые партизаны Карелии отправили ответное послание (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 179–183, 183а). 30 мая 1944 г. ЦК ВЛКСМ представил к награждению молодых карельских партизан грамотами ЦК ВЛКСМ.

26 января 1944 г. секретариат ЦК ВЛКСМ принял решение командировать на месяц отличившихся партизанок в различные регионы страны для проведения встреч и бесед с молодежью. Со всего Советского Союза было отобрано 9 девушек-партизанок, в их числе две представительницы Карелии: Наталья Малая поехала в Молотовскую область (ныне Пермская), Анна Калашникова — в Омскую область. Подобное представительство можно воспринимать как высокую оценку участия карельской молодежи в партизанском движении. Н. Малая, 1922 г., с декабря 1941 г. медсестра отряда «За Родину», награжденная орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу», за время своей командировки в город Молотов (со 2 февраля по 11 марта 1944 г.) провела 38 бесед с пермской молодежью, написала две заметки в газетах, выступила по радио. А. Калашникова во время пребывания в Омске (с 7 по 28 февраля 1944 г.) выступила 52 раза перед сибирской молодежью, сделала три выступления по радио, а также побывала на встречах в восьми колхозах области (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 6. Л. 141; Д. 188. Л. 138, 150; Оп. 47. Д. 30. Л. 55).

Об эффекте подобных встреч свидетельствует удивительный факт: во время встречи на Омском Сибзаводе рассказ карельской разведчицы Анны Калашниковой настолько воодушевил молодежь завода, что после встречи решили одной из лучших бригад завода присвоить ее имя (!). Это

документально зафиксированный факт — об инициативе сибиряков доложил в письме в ЦК ВЛКСМ секретарь Омского обкома комсомола (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 150).

Еще одним свидетельством достойной оценки со стороны руководства ЦК ВЛКСМ карельской партизанской молодежи (соответственно и организаторов партизанского движения в Карелии во главе с Ю. В. Андроповым) являлось решение секретариата ЦК ВЛКСМ, принятое 12 февраля 1944 г.: выдать подарки молодым партизанам КФССР. Для скудного военного времени оказалось немало: мануфактуры — 500 м, бумаги — 150 кг, конвертов — 1,5 тыс., записных книжек — 100, 1 фотоаппарат ФЭД, носовых платков — 200, валенок — 2 пары, варежек — 200 пар, носков теплых — 50 пар, ремней — 50, шапок-ушанок — 50, рубашек нижних — 50, мундштуков — 1 тыс. (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 6. Л. 144–145). Хороший подарок для партизан Карелии: в это время в партизанских отрядах насчитывалось 435 комсомольцев (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 135). В дополнение к подаркам, выделенным ЦК ВЛКСМ, секретарь ЦК А. Н. Шелепин 11 февраля 1944 г. отправил письма в обкомы комсомола, которые направляли молодое партизанское пополнение в Карелию (в Красноярский крайком, Иркутский обком и др.), с пожеланием организовать сбор подарков партизанам-землякам и послать их в адрес ЦК ВЛКСМ КФССР. Просьба секретаря ЦК ВЛКСМ по военной работе Шелепина в военное время звучала как приказ.

В июне 1944 г., когда началось освобождение Карелии, в 19 партизанских отрядах республики с общей численностью 1700 партизан насчитывалось 442 комсомольца, т. е. более четверти (наибольшее количество — в отряде «Комсомолец Карелии» — 52 человека). 266 комсомольцев-партизан имели ордена и медали (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 189. Л. 44; Д. 188. Л. 4). История партизанской войны с оккупантами в Карелии закончилась после освобождения территории республики и заключения перемирия с Финляндией 19 сентября 1944 г.

Литература

Андропов Ю. В. (1983). Мы защитим тебя, Карелия родная! [ст. в журнале: Смена. 1942. № 23–24] // *Избранные речи и статьи*. 2-е изд. М. : Политиздат. 320 с. С. 20–26.

Веригин С. Г. (2009). *Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг.* Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ. 544 с.

Власова Н., Пашкова Ю. (2004). *Юрий Андропов: «Учить-ся у народа мудрости, мужеству, любви к Отечеству»* [Электронный ресурс] // Карелия. 2004. 26 февраля. № 21 (1152). URL: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1152/t/1152_8.html (дата обращения: 02.04.2014).

Гнетнев К. В. (2011). *Карельский фронт: тайны лесной войны*. Петрозаводск : Острова. 416 с.

Грузденко Л. С. *По нехоженным тропам. Омичи — партизаны* [Электронный ресурс] // Наш Омск [Омский городской портал]. URL: <http://nashomsk55.ru/partizany-omichi/657-gruzdenko-lasag> (дата обращения: 12.02.2014).

Инниев И. Г. *Уходили в поход партизаны* [Электронный ресурс]. URL: <http://pobeda.karelia.ru/remember2.html> (дата обращения: 15.02.2014).

Неразгаданный Андропов. (2004) [Электронный ресурс] // Карельская губерния. 2004. 3 июня. № 23 (418). URL: <http://www.rep.ru/daily/2004/06/03/8722/> (дата обращения: 15.02.2014).

Степаков В. Диверсанты идут с Востока. «...Для разжигания партизанской войны везде и всюду» [Электронный ресурс] // *Русские диверсанты против «кукушек»*. URL: http://www.plam.ru/hist/russkie_diversanty_protiv_kukushek/p3.php (дата обращения: 12.02.2014).

Чекисты Карелии: Статьи, очерки, рассказы. (1986) 2-е изд., испр. и доп. Петрозаводск : Карелия. 280 с. С. 43–71.

Шлейкин Ю. В. (2014). *Андропов. Карелия. 1940–1951 ...: биографическая хроника*. Петрозаводск : Острова. 288 с.

REFERENCES

Andropov, Yu. V. (1983) *My zashchitim tebia, Kareliia rodnaia! Stat'ia, opublikovannaia v zhurnale «Smena» № 23–24 za 1942 god* [We'll protect you, Karelia dear! An article published in the journal «Smena», 1942, no. 23–24]. *Izbrannye rechi i stat'i. 2-e izd.* [Selected speeches and articles. 2nd ed.]. Moscow : Politizdat Publ. 320 p. Pp. 20–26. (In Russ.)

Verigin, S. G. (2009) *Kareliia v gody voennykh ispytanii: Politiche-skoe i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Sovetskoj Karelii v period Vtoroi mirovoj voiny 1939–1945 gg.* [Karelia during the trials of war: The political and socio-economic situation of Soviet Karelia during the Second World War, 1939–1945]. Petrozavodsk : Petrozavodsk State University Publ. 544 p. (In Russ.)

Vlasova N., Pashkova Yu. (2004) *Iurii Andropov: «Uchit'sia u naroda mudrosti, muzhestvu, liubvi k Otechestvu»* [Yuri Andropov: «Learn from the people of wisdom, courage, love for the Fatherland»]. *Karelia*. 2004. February 26, no. 21 (1152) [online]. Available at: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1152/t/1152_8.html (accessed 02.04.2014). (In Russ.)

Gnetnev, K. V. (2011) *Karel'skii front: tainy lesnoi voiny* [Karelian Front: mystery forest war]. Petrozavodsk : Oстрова Publ. 416 p. (In Russ.)

Gruzdenco, L. S. *Po nekhozhenym tropam / Omichi — partizany* [On unexplored paths / Omsk — Partisans] [Nash Omsk: Omskiy gorodskoy portal] [online]. Available at: <http://nashomsk55.ru/partizany-omichi/657-gruzdenko-lasar> (accessed 12.02.2014). (In Russ.)

Inniev I. G. *Ukhodili v pokhod partizany* [Went hiking partisans] [online]. Available at: <http://pobeda.karelia.ru/remember2.html> (accessed 15.02.2014).

Nerazgadannyi Andropov (2004) [Unsolved Andropov]. *Karel'skaya gubernia*. 2004, June 3, no. 23 (418) [online]. Available at: <http://www.rep.ru/daily/2004/06/03/8722/> (accessed 15.02.2014). (In Russ.)

Stepakov, V. *Diversanty idut s Vostoka. «...Dlia razzhiganiia partizanskoi voiny vezde i vsiudu» // Russkie diversanty protiv «kukushek»* [Saboteurs are from the East. «...To foment partisan warfare everywhere» // Russian saboteurs against the «cuckoo»] [online]. Available at: http://www.plam.ru/hist/russkie_diversanty_protiv_kukushek/p3.php (accessed 12.02.2014).

Chekisty Karelii: Stat'i, ocherki, rasskazy. (1986) 2-e izd., ispr. i dop. [Employees of special services Karelia (1986): Articles, essays, short stories. 2nd ed., Rev. and add.]. Petrozavodsk : Karelia Publ. 280 p. Pp. 43–71. (In Russ.)

Shleikin, Yu. V. (2014) *Андропов. Карелия. 1940–1951 ...: биографическая хроника* [Andropov. Karelia. 1940–1951 ...: biographical chronicle]. Petrozavodsk : Oстрова Publ. 288 p. (In Russ.)

МАЛЕНЬКИЕ ГЕРОИ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

Можно ли определить помощь фронту со стороны школьников в годы Великой Отечественной войны как *патриотическое движение*? Был ли это феномен реальности или вымысел советской пропаганды? Представляется, что ответить на поставленный вопрос позволит обращение к локальной истории — повседневности советского тыла в прифронтовой Карело-Финской ССР. С первых дней войны происходила перестройка работы ЦК ЛКСМ республики, возглавляемого Ю. В. Андроповым, в соответствии с новыми военными реалиями — как в то время говорили, «на военный лад». Помощь фронту со стороны юношей и девушек определялась как критерий патриотизма: у детей и подростков складывалась своя передовая в борьбе с врагом.

Ю. В. Андропов на собственном опыте познал особенности работы с учащейся молодежью еще до войны. В Ярославской области после окончания Рыбинского техникума водного транспорта в 1936 г. он работал комсоргом в техникуме, в августе 1937 г. стал заведующим отделом пионеров и учащейся молодежи Рыбинского горкома комсомола, затем заведующим отделом учащейся молодежи Ярославского обкома, третьим секретарем обкома комсомола, с октября 1938 г. — первым секретарем¹.

В условиях Великой Отечественной войны Андропов стремился осмыслить феномен истоков и источника патриотизма среди молодежи. Его брошюра «Учиться у народа» (ее основой стал ряд предшествующих статей, которые хранятся в архивных фондах) посвящена проблеме формирования патриотизма. Андропов утвердился в необходимости развития содержания

¹ Данные приведены на основании записей, сделанных Ю. В. Андроповым в личном листке по учету кадров 18 октября 1950 г.

воспитательной работы среди молодежи, основанной на патриотизме. Он считал особенно важным в пропагандистской деятельности привитие молодежи любви к родным местам: понятие об Отечестве рассматривалось в связи с представлением о родном крае. В любви к Родине, в том числе к малой родине, по Андропову, заключался один из важнейших источников патриотизма.

Именно поэтому Андропов подчеркивал необходимость преподавания в школе основательных знаний о родном крае, в частности на уроках истории: каждый район имеет свою историю, своих замечательных людей, знаменательные события в прошлом (Андропов, 1943а: 2–4). Другой важной стороной воспитательной работы, по мнению Андропова, являлось воспитание на лучших семейных традициях, причем не только в пионерском, но и в комсомольском возрасте: «Школьнику хоть мало, но говорят о семье, а в комсомольских организациях это совсем не принято. Пионеру объясняют, что дома он должен помогать матери по хозяйству, а взрослая девушка-комсомолка часто ничего не делает дома, чтобы облегчить труд родителей. А ведь это недопустимое явление» (там же: 12).

В начале войны многие старшеклассники ушли в армию. Значительная часть школьников стала работать на промышленных предприятиях, в госпиталях, колхозах и совхозах, заменив отцов и старших братьев. Часть учащихся школ Карелии была эвакуирована в глубокий тыл. Общее количество учащихся в школах республики в начальный период войны значительно сократилось. Если накануне войны в 692 школах Карелии обучалось свыше 91 тысячи учащихся, то к началу 1942 г. в 96 школах республики осталось 9717 человек (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/152. Л. 13; Д. 15/153. Л. 5).

Важным фактором развития патриотических начинаний школьников явились забота и внимание государственных органов в отношении обучения и воспитания молодого поколения. Несмотря на огромные трудности военных лет, делалось все

возможное, чтобы создать для школьников нормальные условия для учебы. Фактор заботы о подрастающем поколении стал важным источником патриотических начинаний. В листовке-обращении ЦК ВЛКСМ к комсомольским организациям средних школ, учащимся (март 1942 г.) подчеркивалось: «Вы — грамотные люди и должны быть инициаторами и организаторами работы среди молодежи... Хочешь хорошо работать — хорошо учись» (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 152. Л. 1).

Наркомат просвещения Карелии в первые же месяцы войны принял меры, обеспечивающие организованное начало 1941/1942 учебного года. В начале сентября начались занятия в 40 школах Пудожского района (4985 учащихся), в Медвежьегорском районе — во всех 45 школах. Перед комсомольскими и пионерскими организациями школ была поставлена задача — разъяснить учащимся, что в дни, когда их отцы и матери, старшие братья и сестры на фронте и в тылу самоотверженно сражаются с врагом, советские школьники должны учиться с особым усердием (Ленинское знамя. 1941. 4, 5 сентября; 1942. 14 мая). Таким образом, с самого начала войны были отвергнуты распространившиеся слухи о том, что школа во время войны «отодвинулась на задний план, теперь не до школы». Задача улучшения обучения и воспитания оставалась главной задачей школ на протяжении всей войны. В одном из решений Наркомпроса республики в начале 1943 г. отмечалось, что лучший подарок школьников для отцов и братьев, сражавшихся на фронте, — успешная учеба (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/152. Л. 3; Д. 15/146. Л. 43).

Удивительный факт: несмотря на оккупацию основной части Карелии финскими войсками, в Карело-Финской ССР в военные годы увеличивалось количество школ. Данная динамика отражена в приложении 1. В 1943/1944 учебном году работали 116 школ, количество учащихся составляло 13 835 человек. В этом году заметно возросло количество семилеток —

до 32 (годом ранее была 21 семилетняя школа). В 1944/1945 учебном году, после освобождения территории Карелии, количество школ увеличилось до 365, в них обучались 36 169 школьников. Государственные затраты на образование в республике в годы войны составили 16 млн руб. (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 259. Л. 15).

Забота о молодом поколении не ограничивалась обучением. Вопросы помощи семье и школе в воспитании подрастающего поколения обсуждались на заседаниях бюро ЦК ЛКСМ. В декабре 1942 г., накануне Нового 1943 г., Ю. В. Андропов обратился с ходатайством в Совет народных комиссаров КФССР о выделении 780 кг конфет и 780 кг печенья для угощения контингента учащихся с первого по четвертый классы в связи с проведением в школах республики новогодних детских елок (Власова Н., Пашкова Ю. Юрий Андропов ... : Электронный ресурс). На каждого из 7800 учащихся приходилось по 100 граммов конфет и по 100 граммов печенья.

В военных условиях в прифронтовой республике по инициативе ЦК ЛКСМ организовали летний отдых детей, в первую очередь для детей фронтовиков и партизан. Летом 1942 г. ЦК ЛКСМ открыл летний пионерский лагерь в Сосновце Беломорского района. Вся организация жизни детского лагеря легла на плечи Марии Бультяковой (в тот период инструктор по школам ЦК ЛКСМ), и жены Ю. Андропова — Татьяны¹, доброй и отзывчивой женщины с годовалым сыном Игорем. В 1943–1944 гг. решением СНК КФССР и бюро ЦК ЛКСМ КФССР открылись 16 пионерских лагерей в Лоухском, Беломорском, Кемском, Тунгудском, Пудожском районах, причем все пионерские лагеря были подготовлены исключительно силами комсомольцев.

¹ Татьяна Филипповна Андропова (Самознаева, Лебедева) до войны работала секретарем Зарецкого райкома комсомола — в крупнейшем промышленном районе города. До приезда в Петрозаводск в Ярославской области учительствовала в начальных классах сельской школы, работала старшей пионервожатой, инструктором райкома комсомола, заведовала пионерским отделом. Ее характеризовали как энергичную, деловую молодую женщину, которая «иногда может сказать все, что думает» (см.: Шлейкин, 2014: 26–27).

В марте 1944 г. решением ЦК ЛКСМ в школах республики для детей фронтовиков и партизан были установлены 100 комсомольских стипендий размером 100 руб. каждая. Стипендии выдавались в первую очередь нуждающимся детям фронтовиков, имеющих отличную успеваемость и дисциплину (там же).

В этих условиях возникал небывалый политический и трудовой подъем у школьников, рождались разнообразные формы помощи Красной армии. В годы войны школьники Карелии выдвинули много замечательных начинаний. Можно назвать почины учащихся Подужемской, Кемской, Колежемской, Маслозерской школ (1942 г.), Возмосалмской школы (1943 г.), Шиженской, Куккозерской школ (1944 г.) и др. (см. приложение 2).

Однако, чтобы обеспечить эффективность работы юных патриотов, необходима была помощь старших, опытных товарищей. Одна из основных задач заключалась в том, чтобы организационно направить энергию молодежи в различных направлениях практической деятельности, чтобы желание помочь фронту переросло в конкретное дело. Значительный вклад в это дело внес ЦК комсомола республики, который работал в сотрудничестве с государственным органом — Народным комиссариатом просвещения КФССР. В ЦК ЛКСМ работой со школами занимался секретарь ЦК Федор Кузнецов. В 1942–1944 гг. бывший первый секретарь Калевальского райкома комсомола Пелагея Нежелская¹ являлась начальником управления Наркомпроса республики. В марте 1944 г. она стала секретарем ЦК ЛКСМ по школам, а Ф. Кузнецов — вторым секретарем. Благодаря совместным усилиям в республике вопросам поддержки и руководства

¹ Пелагея Нежелская (Потапова) в своих воспоминаниях описала эпизод биографии, связанный с Татьяной Самознаевой (Андроповой). Осенью 1940 г. секретарь Калевальского райкома комсомола П. Нежелская приехала на пленум ЦК ЛКСМ, но неожиданно заболела. С высокой температурой ее увезла к себе на квартиру Татьяна Самознаева, секретарь Зарецкого райкома, добыла лекарства и почти неделю выхаживала. По отзыву Нежелской, Татьяна Самознаева характеризовалась как «добросердечная, с чуткой и нежной душой», ее «глубоко уважали и прямо-таки любили в аппарате ЦК и райкоме» (см.: Шлейкин, 2014: 26).

патриотическим движением школьников уделялось большое внимание на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. В этом заключался источник эффективности движения юных патриотов.

Накануне Великой Отечественной войны, 19 июня 1941 г., ЦК ЛКСМ республики поддержал обращение учащихся Падмозерской школы Заонежского района ко всем пионерам и школьникам республики — во время летних каникул помочь взрослым в сельскохозяйственных работах на колхозных и совхозных полях — выработать не менее 25 трудодней (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 29; Молодой большевик. 1941. 20 июня). В связи с началом войны инициатива падмозерских школьников приобрела еще большее значение: призыв — каждый подросток обязан работать для Родины, для народа — был особенно актуален. Проблема снабжения армии и населения республики продуктами питания в военных условиях стала чрезвычайно трудной и острой: в эвакуацию на восток были перебазированы не только промышленные предприятия, но и имущество колхозов и совхозов районов, оказавшихся под угрозой оккупации противником. Финские войска оккупировали южные районы республики с наиболее развитым сельским хозяйством. Поэтому инициатива школьной молодежи по оказанию помощи в сельскохозяйственных работах была важна и необходима. На призыв учащихся Падмозерской школы откликнулись учащиеся всей республики. Тысячи школьников работали в колхозах на посевных работах, уборке урожая, они выработали десятки трудодней на каждого, многие школьники выработали по 100 и более трудодней (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 29).

История патриотических дел школьников республики знает много примеров, раскрывающих стремление молодых патриотов помочь Родине в один из труднейших периодов жизни страны. Ценные начинания выдвинули учащиеся

Кондопожской школы № 3, призывавшие работать на колхозных полях, заменить отцов и братьев, ушедших на фронт, учащиеся Юргельской школы обратились ко всем учащимся Ведлозерского района с призывом принять активное участие в полевых работах (Ленинское знамя. 1941. 26 июня, 1 июля). Самостоятельный почин школьников был важен прежде всего потому, что сила примера оказывала свое массовое действие.

В Пудожском районе ежедневно на поля выходило свыше 1500 ребят, в Медвежьегорском — более 2 тысяч, Шелтозерском — более 300 (Ленинское знамя. 1941. 19 июля, 2 августа). Причем в первые месяцы войны отчетливо прослеживалась тенденция быстрых темпов роста этого движения. Например, в Заонежском районе в начале августа 1941 г. на поля вышли 1600 учащихся района, а в середине августа трудились уже 2360 учащихся школ. Если в Медвежьегорском районе на 20 июля в полях ежедневно работали 1130 учащихся, то к началу августа на этих же полях работало 1970 школьников, а к середине августа — свыше 2 тысяч (Ленинское знамя. 1941. 20 июля, 2, 12 августа). Это стало характерным явлением для всех районов Карелии. Школьники показывали примеры ударного труда. Так, в Ведлозерском районе только за 11 дней они выработали 870 трудодней. Ученик пятого класса Коля Мамлюга отработал 43 трудодня, Паша Семкин, Коля Харин — по 27 трудодней (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 4. Л. 45).

Закономерно было и перевыполнение намеченных заданий: учащийся Каршевской школы Смирнов выполнял две взрослые нормы на сенокосе. Ученик девятого класса Коля Житков из Пряжинского района и 14-летний Петя Климов из Медвежьегорского района заменили бригадиров, ушедших на фронт (Ленинское знамя. 1941. 2 августа; Молодой большевик. 1941. 3, 29 августа). Такую самоотверженность в труде юных патриотов можно объяснить проявлением их любви к Родине. Об этом же говорит обращение ученика Шуйской

школы Л. Дианова к школьникам: «Разве может школьник гулять, когда все вокруг работают?» Он отмечал, что в колхозе много работы, которую могут выполнять ребята, поэтому они должны помочь своему колхозу (Ленинское знамя. 1941. 1 июля). «Никто не сидит без дела» — так охарактеризовал поведение школьников республики Ю. В. Андропов в докладной записке первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлову 18 августа 1941 г. «О перестройке работы комсомольских организаций республики на военный лад» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 4. Л. 45).

Поддерживая начавшееся массовое патриотическое движение, нарком земледелия Карелии И. А. Миронов призвал школьников помочь сельскому хозяйству (Ленинское знамя. 1941. 1 июля). Труд школьников во время летних каникул приобрел военно-хозяйственное значение. ЦК ВКП (б) и СНК СССР 17 сентября 1941 г. приняли постановление об обучении сельскохозяйственным работам учащихся старших классов.

В процессе сознательного, творческого подхода школьников к сельскохозяйственному труду уже в начале войны были найдены передовые методы работы. В колхозе им. Калинина Шелтозерского района школьники создали звенья — наиболее удобную и рациональную форму организации сельскохозяйственных работ (Ленинское знамя. 1941. 19 июля, 22 августа). Интересно здесь то, что организация в звенья на сельхозработах получила широкое применение позже — летом 1942 г.

О другом проявлении творческого подхода школьников к труду свидетельствует тот факт, что между Андреевской и Янишпольской школами (Кондопожский район) уже летом 1941 г. был заключен договор о соревновании, в котором ученики обязались самоотверженно трудиться на уборке сена, прополке овощей и посевах. Соревнование проходило и между Нюхотской и Сальноволокской школами Беломорского района (Ленинское знамя. 1941. 20 июля). Подобная же инициатива — организовать

соревнование среди участников сельскохозяйственных работ — была выдвинута весной 1942 г. учителями и учащимися Ирбитского района Свердловской области и г. Вологды (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 2/21. Л. 114). К тому времени в Карелии уже имелся опыт организации соревнования на сельхозработах.

Начавшееся в 1941 г. в отдельных школах Карелии соревнование школ на сельскохозяйственных работах приняло массовый характер в 1942 и 1943 гг. Откликнувшись на почин учителей и учащихся Ирбита и Вологды, учителя и учащиеся школ Беломорского района приняли свои обязательства по оказанию помощи колхозам и совхозам в весенне-летних сельхозработах 1942 г. Положение на фронтах в этот период оставалось напряженным. Потерпев поражение под Москвой, враг рвался к Волге, стремясь перерезать эту важную магистраль. Проблема снабжения Красной армии и населения продуктами питания оставалась сложной. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин отмечал, что обстановка такова, что успех сельского хозяйства — это выигрыш значительного сражения в великой войне, поэтому полевые работы рассматривались как первоочередные: «С ними может быть сопоставлено только производство боеприпасов, вооружения, — подчеркивал «всесоюзный староста», — прорыв в сельскохозяйственных работах имел бы не менее вредные последствия, чем неудача на том или ином участке военного фронта» (Калинин, 1967: 549). В листовке ЦК ВЛКСМ комсомольским организациям средних школ, учащимся в марте 1942 г. прозвучала калининская фраза: с сельхозработами «сопоставимо лишь производство боеприпасов, вооружения». Рекомендовалось организовать изучение сельхозмашин и агротехники, создать бригады и звенья на полевых работах (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 152. Л. 1).

В этих трудных условиях помощь школьников в полевых работах была необходима: в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 апреля 1942 г. о мобилизации населения на сельскохозяйственные работы говорилось, что от самоотверженного труда учащихся школ во многом зависит успешное решение задачи снабжения страны и фронта продуктами сельского хозяйства во все возрастающих размерах (Правда. 1942. 27 мая).

Задачи школьников Карелии в важном государственном деле были определены в Постановлении СНК и ЦК КП(б) республики от 21 апреля 1942 г. «О мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы, МТС трудоспособного населения городов и сельскохозяйственных местностей». В этом постановлении говорилось о необходимости провести мобилизацию на период сельскохозяйственных работ трудоспособного населения мужского и женского пола в возрасте от 14 лет, т. е. учащихся 6–10-х классов. Рекомендовалось организовать учащихся в группы во главе с учителями школ. Рабочий день для школьников устанавливался от шести до восьми часов в зависимости от возраста школьников и характера труда. Они должны были отработать один месяц (с 20 июня по 25 июля) во время летних каникул (Ленинское знамя. 1942. 21 апреля).

Таким образом, с 1942 г. участие школьников в сельхозработах во время летних каникул стало обязательным. Однако это не относилось к учащимся младших классов (по 5-й класс включительно), составлявших большинство школьников республики (средних школ было сравнительно немного). Кроме того, большинство школьников работали в сельском хозяйстве в течение всего периода летних каникул, при этом многие из них значительно перевыполняли установленные нормы.

Секретариат ЦК ВЛКСМ 17 июля 1942 г. утвердил текст письма к комсомольским организациям «О руководстве работой учащихся на уборке урожая». В этом письме отмечалось, что массовое участие подростков на полевых работах является «делом новым и трудным». Уборка урожая объявлялась фронтом, потому что «без хлеба, мяса и других сельскохозяйственных продуктов вести войну нельзя» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 404. Л. 152). В письме подчеркивалось, что в обеспечении снабжения страны и Красной армии продовольствием труд подростков на всех сельскохозяйственных работах и особенно уборке приобрел исключительное значение: «Подростки — большая сила в колхозах. Во многих случаях они решают успех сельскохозяйственных работ» (там же). Чтобы успешно выполнить «крупнейшее дело, имеющее большое государственное значение», требовалось обеспечить питание, проживание, организацию труда учащихся (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 404. Л. 153).

Можно назвать много случаев, когда школьники добивались поистине замечательных результатов. В частности, летом 1942 г. учащиеся Кемской средней школы, по заявлению администрации совхоза, работали лучше, чем кадровые рабочие. Ученица Кемской школы Богданова Лариса ежедневно выполняла задание на 170%, учащиеся этой же школы Ручьевских Володя и Подкользин Саша — более чем в два раза (211%). Рекордных норм выработки добивались Голубев Петр (Семеновская школа Пудожского района), выработавший за лето 1942 г. 214 трудодней, Мокачев Юрий — 220 трудодней, Мокачева Тоня — 160. Морянкина Валя из Пудожской школы отработала 197 трудодней (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/145. Л. 15; Д. 2/21. Л. 107).

В сентябре 1942 г. ЦК ВЛКСМ направил на места письмо «О работе комсомольских организаций по уборке урожая и заготовке сельскохозяйственных продуктов в 1942 году». В этом письме подчеркивалось, что самоотверженный труд является

реальной помощью фронту: «Важнее задачи нет — убрать военный урожай» (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 558. Л. 1). Осенью 1942 г. были подведены итоги соревнования школ Карелии по оказанию помощи колхозам и совхозам. Подведение итогов проходило в соответствии с Условиями Всесоюзного соревнования школ на лучшее участие в полевых работах, одобренными ЦК ВЛКСМ, Наркомпросом РСФСР, Наркомземом СССР и Наркомсовхозов СССР. Основными показателями работы являлись: наибольшее количество трудодней в колхозе на каждого школьника, наибольшая выработка норм, отличное качество работ, массово-политическая работа. Особое внимание обращалось на правильную и умелую организацию труда учащихся на сельхозработах как условие эффективности работы (Правда. 1942. 27 мая).

По итогам соревнования школьников в 1942 г. первое место занял Пудожский район — самый многочисленный по количеству учащихся в республике. Школьники района выработали в среднем рекордное количество трудодней в расчете на одного школьника — по 75 трудодней (всего же — 53 847 трудодней). Вторым стал Тунгудский район, хотя по общему количеству трудодней (2524) район значительно уступал Кемскому (8227) вследствие малочисленности учащихся в районе, однако превосходил по выработке на одного школьника. Следует отметить, что в соревновании школ лучшие школы расположились в таком же порядке, что и районы: 1-е место — Каршевская школа (Пудожский район), учащиеся которой выработали 3 тыс. трудодней, 2-е место — Никоньинская школа (Тунгудский район), 3-е место — Кемская средняя школа. Это говорит о том, что организация соревнования в республике зависела не только от уровня развития соревнования в целом в районах, но и в каждой отдельной школе (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 2/21. Л. 107; Д. 15/154. Л. 4; Д. 18/177. Л. 20–21).

Каршевская школа за лучшие показатели в сельскохозяйственных работах получила переходящее Красное знамя Наркомпроса и ЦК ЛКСМ Карелии и I премию в размере 5 тыс. руб. Президиум Верховного Совета республики наградила Почетными грамотами и вынес благодарности наиболее отличившимся учащимся. В их числе: Лариса Богданова, Александр Гуров, Петр Инкуев, Владимир Ручьевских, Николай Силкин. 28 учеников были награждены денежной премией от 50 до 200 руб. (Ленинское знамя. 1942. 3 октября, 3 ноября, 5 декабря).

Опыт соревнования школьников в 1942 г. показал, что успеха можно добиться лишь благодаря умелой организации труда учащихся. Именно высоким уровнем организации объяснялись успехи Пудожского района. В районе заранее были подготовлены 27 ученических бригад под руководством учителей. В Каршевской школе школьники были разбиты на звенья — отдельно мальчики и девочки. Правление колхоза заранее установило, на каких работах будут заняты школьники. В районе регулярно проводилась агроучеба учителей, обучение школьников основам сельского хозяйства, введенное в республике со второго полугодия 1941/1942 учебного года. В Пудожском районе эффективно использовались возможности соревнования на различных уровнях: между учащимися в звеньях, между звеньями, между бригадами, между школами. Показателем действенности соревнования может служить соревнование между Пудожской и Шальской средними школами.

Во втором по численности учащихся районе республики — Беломорском, выступившем инициатором соревнования в Карелии, договоры заключили между собой Шиженская и Сальнаволоцкая школы, Выгостровская и Сосновецкая, Сумпосадская, Колежемская, Нюхотская и др. Районная газета «Беломорская трибуна» отмечала, что район уступил в 1942 г.

в соревновании вследствие недостаточной организации. Поэтому была поставлена задача усилить руководство соревнованием в школах (Беломорская трибуна. 1942. 12 июня, 11 июля, 7, 12 августа).

Дальнейшее развитие соревнования на сельхозработах выявило позитивные тенденции. Сравнительный анализ показателей за 1942 и 1943 гг. позволяет сделать вывод, что основные количественные показатели по республике в целом значительно выросли в 1943 г. по сравнению с 1942 г. (соответственно 107 058 и 74 585 трудодней). Следует отметить, что в 1943 г. выросли и нормы выработки трудодней в расчете на одного школьника. Учащиеся Пудожской средней школы обратились к учащимся района с призывом выработать за лето в 5–6-х классах не менее 75 трудодней на человека, в 7–10-х классах — по 130 трудодней. Насколько выросли нормы выработки, говорит тот факт, что перед войной, летом 1940 г., Падмозерская школа взяла обязательство выработать за лето по 25 трудодней на человека, в 1942 г. по решению СНК СССР и ЦК ВКП(б) школьники должны были выработать не менее 50 трудодней каждый (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/152. Л. 32; Ф. 1842. Оп. 2. Д. 1/8. Л. 12; Андропов, 1943b: 9).

В 1943 г. ЦК ВЛКСМ объявил Всесоюзное соревнование средних и неполных средних школ на сельскохозяйственных работах. ЦК ВЛКСМ обратился к молодежи с призывом принять участие в весенней посевной кампании 1943 г. Особая роль придавалась учащейся молодежи: «Пионеры и школьники! Помогайте своему колхозу, совхозу образцово провести весенний сев!» (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 595. Л. 1). Уже с начала года началась подготовка к весенним и летним сельхозработам. Особое внимание требовалось уделить подготовке старшеклассников к работам в летний период на колхозных и совхозных полях — закрепить практические навыки, которые школьники приобрели в предыдущие годы. При подготовке

к весенне-летним сельскохозяйственным работам предлагалось обратить внимание на организацию звеньев не более 12–15 человек (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 2/23. Л. 7; Д. 2/25. Л. 59).

Организованно проходила подготовка к сельхозработам 1943 г. в Медвежьегорском районе. Районный отдел народного образования заранее закрепил за школами земельные участки, вопросы подготовки учащихся к летним сельхозработам обсуждались на педсоветах, пионерских сборах, на ученических и родительских собраниях.

Особенно успешно проходила подготовка школьников Пудожского района. В специальном решении Пудожского исполкома райсовета депутатов трудящихся от 2 марта 1943 г. ставилась задача смелее и шире прививать у учащихся трудовые навыки, подготовить учащихся 5–9-х классов к сельскохозяйственным работам летом на колхозных и совхозных полях (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/146. Л. 40). Таким образом, уже в подготовительный период к сельхозработам 1943 г. были заложены необходимые предпосылки для успешного их проведения.

Важно отметить, что в 1943 г. уже четко оформилось разделение труда школьников на сельхозработах: отдельно для мальчиков и девочек, для старших школьников и учащихся младших классов. Младшие школьники занимались прополкой, боронованием, сбором колосьев, старшие же пахали, косили, жали, работали на машинах. В 1943 г. лучших результатов добились учащийся Каршевской школы Голованов — 200 трудодней, ученица Кривецкой школы Карелина — 175 трудодней.

Новые формы получило соревнование школ. Если раньше соревнование проходило в основном между школами одного района, то теперь школы разных районов заключали между собой договоры, причем появилась такая форма, как вызов

на соревнование. Подужемская школа (Кемский район) летом 1943 г. обратилась к Ухтинской (Калевальский район) с вызовом на соревнование. В договоре эти школы обязались совместно бороться за высокий военный урожай, чтобы внести свой вклад в помощь фронту (Ленинское знамя. 1943. 26 мая). Появление новых форм соревнования говорило о том, что оно поднялось на более высокий качественный уровень.

Умелая организация соревнования в Пудожском районе, в котором участвовали все школы, позволила значительно превысить показатели 1942 г. (65 358 трудодней в 1943 г. против 53 847 в 1942 г.). Причем победитель среди школ республики в 1943 г. — Пудожская средняя школа — более чем в три раза превысила показатель Каршевской школы в 1942 г. (10 415 трудодней против 3000) (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/154. Л. 4). Подводя итоги сельскохозяйственных работ летом 1943 г., Наркомпрос Карелии отмечал, что Пудожский район добился больших успехов в соревновании вследствие правильной его организации. Умело организованное соревнование в районе являлось стимулом борьбы за более высокие показатели (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 2/21. Л. 114).

Следует обратить внимание на то, что в 1943 г. в северном Кемском районе число выработанных трудодней сократилось по сравнению с 1942 г. (с 8227 до 6577). Это же характерно и для других северных районов — Беломорского, Тунгудского (в Тунгудском — с 2524 до 511). Данный факт вполне объясним и ни в коей мере не говорит о снижении патриотического порыва школьников этих районов. Дело в том, что с осени 1942 г. с целью более эффективного использования трудовой энергии школьников была определена установка на специализацию северных и южных районов республики. В южных районах (Пудожском, Медвежьегорском) рекомендовалось использовать помощь школьников в сельском хозяйстве, в северных же (Беломорском, Лоухском, Кем-

ском), малопригодных климатически для развития сельского хозяйства, необходимо было развивать рыболовное дело и в школах учить рыболовству ребят. Соответственно снижались нормы на сельхозработах в этих северных районах (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/145. Л. 18).

Осуществляя помощь сельскому хозяйству на протяжении всей войны, юные патриоты за четыре военных лета выработали на полях республики более 300 тысяч трудодней. Только школьники Пудожского района за военный период выработали 185 тысяч трудодней. Победителями среди школьников были признаны Юрий Мокачев (Семеновская школа) — 220 трудодней в среднем за лето и Потехин Алексей — 213. Они были награждены ценными подарками ЦК ВЛКСМ (Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1975: 193).

Существенный вклад в создание продуктовой базы был внесен в результате развития подсобных хозяйств в школах. Наряду с участием в сельскохозяйственных работах школьники устраивали огороды на пришкольных участках, выращивали на них картофель, морковь, редиску и другие овощи для раненых из военных госпиталей, эвакуированных детей. Развитие подсобных хозяйств в военное время являлось важным дополнительным источником решения продовольственной проблемы, поэтому оно стало важным общегосударственным делом: «По тому, как люди занимаются подсобным хозяйством, как они изыскивают дополнительные источники продовольственных ресурсов, проверяется их забота об улучшении снабжения Красной Армии, об укреплении тыла и фронта» (Ленинское знамя. 1943. 24 марта). Подчеркивалось, что развитие подсобных хозяйств — важнейшее государственное мероприятие, успешное проведение которого улучшило снабжение населения республики, дало возможность сэкономить продовольствие из государственных фондов, столь необходимых для снабжения Красной армии.

Каждая школа в республике организовала свое собственное подсобное хозяйство. В 1943 г. общая площадь подсобных хозяйств в школах Карелии составляла 58,8 га (в 1942 г. — 31,9 га). Валовой сбор картофеля в 1943 г. составил 437 тонн (в 1942 г. — лишь 27,8 тонны), сбор овощей — 96 тонн (в 1942 г. — 14,1 тонны) (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 3/34. Л. 20; Д. 18/174. Л. 64).

Патриотическое движение сельских школьников с первых дней войны поддерживали учащиеся школ городов Карелии — Петрозаводска, Беломорска, Кеми и др. В начале войны среди новых рабочих на Онежском заводе было много учащихся старших классов: по примеру студентов университета на завод пришли ученики средней школы № 18 В. Рахманова и М. Логунов, ученик 9-го класса средней школы № 4 А. Мокеев освоил профессию токаря. В первые же дни войны учащиеся 6-го класса средней школы № 20 г. Петрозаводска Пашеев и Порфоев обратились к учащимся школ города — заменить на производстве отцов и братьев, ушедших на фронт. Сами ребята пришли на Лососинский лесопункт и своим личным примером увлекли за собой учащихся школы (Ленинское знамя. 1941. 2, 5 июля, 6 августа).

В ответ на призыв школьников школы № 20 многие учащиеся пришли помочь производству на Деревянский лесопункт. Творчество школьников в труде проявилось в том, что они организовали пионерские бригады (в отличие от сельского хозяйства, где были созданы звенья). Школьники во главе с Людой Кириковой, Зиной Титовой, Любой Копытовой работали на очистке биржи. Интересно отметить, что по примеру школьников на Деревянский лесопункт пришли на работу домохозяйки (Ленинское знамя. 1941. 24 июля).

Учащиеся Беломорской средней школы, узнав о нехватке рабочих рук, решили на время отложить свои учебники и тетради и выразили желание работать на лесозаводе. Их просьба ввиду острого дефицита рабочей силы и необходимости

усилить производство оборонной продукции была удовлетворена. Миша Литвинов, Саша Костин работали рядом со своими отцами. Смена А. М. Костина почти полностью состояла из подростков, а в цехе № 5 работали в основном подростки 13–15 лет. М. Литвинов выполнял свое ежедневное задание на 250%, 14-летний С. Костин перевыполнял норму в 1,5–2 раза. Ваня Суханов, Володя Князев, Коля Григорьев изготавливали корпуса противопехотных мин. За свой труд ребята были награждены Почетными грамотами Верховного Совета Карелии (Ленинское знамя. 1941. 16 ноября; Беломорская трибуна. 1942. 19 января; Куприянов, 1944: 36–37).

Инициатором движения двухсотников среди карельской молодежи стал Владимир Князев, выполнявший свою личную норму на 200–350%. Великое чувство любви, беззаветной преданности Родине руководили всеми действиями и мыслями ребят — молодых патриотов нашей страны. «Вот кончится война, — говорил Саша Костин, — пойду снова в школу. А сейчас буду работать и изо всех сил буду помогать Красной Армии бить фашистов» (Беломорская трибуна. 1942. 18 января). Володя Князев решил: «Сейчас буду работать, не жалея сил, хочу работой помочь своим братьям биться с кровожадным врагом. После войны буду снова учиться» (Ленинское знамя. 1941. 20 ноября).

Старшеклассники устраивались на работу, чтобы помочь матерям прокормить семью в трудное военное время: как правило, отцы ушли на фронт. Приходя на производство, школьники стремились помочь стране, фронтовикам своим трудом (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/145. Л. 3). Мастер цеха Кемского лесозавода А. В. Порохова писала в своих воспоминаниях, что, проходя по одному из цехов, переведенному на производство мин для фронта, почти на каждом рабочем месте можно было увидеть чурбаки — своеобразные подставки. Иначе у 14–15-летних мальчишек, что заняли место

ушедших на фронт отцов и старших братьев, не доставали до станков руки (Архив Карельского центра РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 240. Л. 10; Незабываемое, 1974: 313). Один из этих мальчишек — пионер Павлик Иванов был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Именно этих подростков имел в виду Ю. В. Андропов, когда требовал от комсомольских организаций учитывать особенности подросткового возраста, внимательно и уважительно относиться к запросам и интересам подростков на производстве. Десятки этих подростков — передовиков военного времени приезжали на свою рабочую смену на самодельных самокатах — «ногомобилях».

Проявляя заботу о школьниках, СНК Карелии 28 июля 1943 г. принял постановление «Об обучении подростков, работающих на предприятиях». В соответствии с этим документом в Беломорской, Кемской, Пудожской, Сегежской школах было организовано вечернее обучение подростков в свободное от работы время. С другой стороны, осуществляя подготовку трудовых резервов, Правительство республики в постановлении от 8 января 1944 г. и Наркомат просвещения в приказе от 15 января 1944 г. обязали исполкомы районных Советов организовать без отрыва от учебы производственное обучение школьников старшего возраста (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 3/34. Л. 19; Д. 3/33. Л. 4).

Патриотическое движение учащихся школ республики находило выражение в самых различных формах. Одной из них являлось соревнование на лучшую школу по подготовке к новому учебному году своими силами. Инициаторами соревнования выступили поддужемские школьники. Их инициатива нашла широкое распространение: к 1942/1943 учебному году школьники республики своими силами отремонтировали 85 школ (из 97 по республике), что дало государству 105 тыс. руб. экономии (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/152. Л. 14; Д. 15/153. Л. 5).

Школьные комсомольские организации явились инициаторами сбора лекарственных трав, грибов, ягод. Это движение в Карелии началось с первых же дней войны. В начале августа 1941 г. зам. наркома здравоохранения СССР А. Г. Терентьев обратился к школьникам страны с призывом собирать лекарственные растения, ягоды, грибы (Молодой большевик. 1941. 3 августа). Особую активность в сборе дикорастущих даров природы школьники республики проявили во время комсомольско-молодежных воскресников. Во время воскресника 17 августа 1941 г. они занимались сбором лекарственного сырья и ягод. Учащиеся школ г. Медвежьегорска собрали и сдали государству в этот день 200 кг черники (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 29).

Начинание школьников имело двойное значение: во-первых, оказывало неоценимую помощь органам здравоохранения для производства лекарств, в которых нуждались фронт и военные госпитали; во-вторых, являлось дополнительным источником решения продовольственной проблемы. Вот почему вопросы заготовки продовольствия из местных ресурсов (ягод, грибов) рассматривались на VII пленуме ЦК КП(б) республики в июле 1942 г. как одна из важных государственных задач, решение которой имело «поистине огромное, первостепенное значение» (Ленинское знамя. 1942. 5 августа).

В одном только 1942 г. школьники Карелии собрали 3 тонны лекарственного сырья, 21 тонну грибов (всего же население республики собрало 32 тонны), 15 тонн ягод (из 26 тонн общих заготовок) (Куприянов, 1943: 37; НА РК. Ф. Р-192. Оп. 2. Д. 2/21. Л. 107).

Своеобразной формой патриотического движения школьников северных районов Карелии (Беломорского, Кемского, Лоухского) являлось создание рыболовецких бригад. Уже в первый военный год рыболовецкие бригады были

созданы при Шуерецкой, Колежемской, Карбозерской школах. За 1941/1942 год бригада Шуерецкой школы выловила 448 кг рыбы (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/145. Л. 17).

Взятая в 1942 г. установка на специализацию районов (южных — в сельском хозяйстве, северных — в рыболовном деле) полностью себя оправдала. В 1943 г. школьные рыболовецкие бригады одного только Лоухского района выловили и сдали рыболовецким колхозам 3358 кг рыбы, 800 кг водорослей ламинарий и анфельсий — ценного лекарственного и продовольственного продукта (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 3/26. Л. 5). Ю. В. Андропов называл работу рыбака «подлинно героической»: нередко рыбакам приходилось работать в море под обстрелом вражеской авиации, артиллерии (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 9. Л. 50).

Для того чтобы в совершенстве овладеть мастерством рыбака, «зуйки» (юнги на рыбацких судах) должны были, по словам Андропова, «готовиться долго и упорно, хорошо узнать море, его капризы, привыкнуть к работе в холод, в снег, в проливной дождь... закалиться в борьбе с суровой северной стихией и стать мастерами дела, требующего не только знаний, но и физической закалки, твердого характера, смелости, негибаемой воли» (Андропов, 1943а: 8). Андропов хорошо знал и квалифицированно разбирался в рыбном промысле. Помогли знания и навыки, полученные в довоенные годы во время учебы в Рыбинском техникуме водного транспорта в 1932–1936 гг.: на отделении судовождения он получил квалификацию штурмана и техника эксплуатации судов; в 1936–1937 гг. работал на Рыбинской судовой верфи им. Володарского

По инициативе Ю. В. Андропова VII пленум ЦК ЛКСМ Карелии, поддержав инициативу школьников, постановил создать в школах бригады «зуйков» из детей рыбаков для отправки их на работу в море с 1 июня до 1 сентября 1944 г., а для их обучения рыболовному делу организовать кружки

юных рыбаков (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 17/164. Л. 176). В соответствии с решением пленума бюро ЦК ЛКСМ 14 апреля 1944 г. приняло постановление «О направлении учащихся из школ рыболовецких колхозов для работы в море в летние каникулы 1943/44 учебного года». В нем говорилось, что для экспедиционного лова в Баренцевом море необходимо подготовить и обучить 200 «зуйков»: 13–16-летних помощников рыбаков и по сбору водорослей — 400 человек (норма сбора — по 3 центнера на человека). Беломорский район должен был подготовить 110 «зуйков», Кемский — 80, Лоухский — 10. Летом 1944 г. в Баренцевом море вместе с опытными рыбаками ловили рыбу 320 молодых патриотов, на сборе морских водорослей работали 360 школьников (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 17/164. Л. 176, 188, 189).

Одной из наиболее массовых форм помощи фронту стало движение по сбору средств на строительство боевой техники для Красной армии. По призыву ЦК ВЛКСМ учащиеся школ Карелии, как и вся молодежь республики, принимали активное участие в этом всенародном патриотическом деле. Деньги, заработанные на многочисленных субботниках и воскресниках, школьники передавали в фонд обороны. Маленькая патриотка, ученица 5-го класса Кедрозерской школы Валя Шеина пришла работать на лесопункт и свой первый заработок — 12 рублей — передала в фонд обороны (Ленинское знамя. 1941. 7 августа).

В республике активно проходил сбор средств на постройку танковой колонны «Карельский колхозник», авиаэскадрильи «Комсомолец Карелии», танковых колонн «Таня», «Народный учитель», имени ВЛКСМ. С особым воодушевлением школьники Карелии восприняли призыв учащихся Соловецкой школы (Беломорский район) 7 июня 1942 г. о сборе средств на постройку самолета «Карельский пионер». В 1942 г. учащиеся Беломорского района внесли в фонд обороны 7549 руб.,

облигаций на 2420 руб., приобрели билетов денежно-вещевой лотереи на 5960 руб., сдали 3601 руб. на строительство танковой колонны «Народный учитель», 400 руб. на самолет «Карельский пионер» (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 3809. Л. 19; Ленинское знамя. 1942. 7 июня; Беломорская трибуна. 1942. 4 октября).

Свой вклад в фонд обороны вносили и учащиеся младших классов, работавшие на воскресниках в фонд обороны вместе со старшеклассниками. В апреле 1943 г. учащиеся 3-го класса Кемской средней школы получили телеграмму от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина с благодарностью за сбор средств на строительство танков и самолетов с пожеланием новых успехов в этой работе (Ленинское знамя. 1943. 15 мая). Трудно сегодня представить, с каким волнением и трепетом третьеклассники трогали детскими руками телеграмму с подписью «Сталин», адресованную «юному товарищу» с благодарностью ученикам, пионерам «за заботу о Красной Армии». Сверху на бланке телеграммы значилось: «Высшая правительственная» (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 3558. Л. 1).

В 1942/1943 учебном году школьники республики сдали в фонд обороны 178 496 руб. наличными и на 28 560 руб. облигаций, т. е. всего 207 057 руб., а в 1943/1944 учебном году — 120 тыс. наличными и на 23 тыс. облигаций. Только на танковую колонну «Карельский колхозник», авиаэскадрилью «Комсомолец Карелии» и самолет «Карельский пионер» за годы войны школьники внесли 105 тыс. руб. наличными и 22 400 руб. облигациями (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/151. Л. 270; Д. 15/152. Л. 25; Д. 15/153. Л. 14; Д. 15/154. Л. 4). Это был большой вклад в общее дело пополнения фонда обороны. Построенные на собранные средства боевые самолеты «Карельский пионер», «Комсомолец Карелии», а также танковая колонна «Карельский колхозник» сражались с захватчиками в воздухе и на земле.

Особой формой помощи фронту являлась работа школьников в свободное от учебы время в военных госпиталях. С начала войны в стране началось формирование и обучение специальных школьных санитарных дружин из девушек — учащихся 9–10-х классов средних школ. Была организована санитарная дружина и при Петрозаводском дворце пионеров, во главе которой была Лида Самарина.

В числе первых пришли в военный госпиталь пионерки Зоя Преображенская, Катя Никифорова, Клава Иванова (Ленинское знамя. 1941. 20 июля, 22 августа). В соответствии с Постановлением ЦК ВЛКСМ от 1 августа 1941 г. «Об обслуживании раненых бойцов в тыловых госпиталях» в конце августа 1941 г. Пряжинский райком комсомола направил для работы в полевых госпиталях несколько учащихся Пряжинской средней школы, в их числе — ученицу 8-го класса Марию Мелентьеву. Именно тогда Ю. В. Андропов обратил внимание на будущую карельскую героиню. О ней он написал в своей брошюре «Карело-финские комсомольцы в Отечественной войне»¹ (Андропов, 1943b: 15).

Поддерживая и развивая патриотический порыв школьников, руководство страны обратилась к ним с призывом: «Школьники! Вы многое делаете для раненых бойцов, но можно сделать еще больше. Речь идет не только об эпизодических посещениях госпиталей, а о постоянном шефстве, о постоянной будничной помощи им. Забота о раненом бойце — большое государственное дело» (Правда. 1942. 10 февраля). В ответ на этот призыв многие школы Карелии взяли шефство над госпиталями. Первыми в шефское движение включились Пудожская, Кемская, Беломорская средние школы. Руководство школ направляло и руководило

¹ В брошюре Ю. Андропова названы одноклассники Марии Мелентьевой по Пряжинской средней школе — Кирсти Эло (участница карельского комсомольского подполья), партизан-орденоносец Сергей Жиганов, снайпер-разведчица Карельского фронта Дора Копра и др.

повседневной практической работой школьников: в частности, Лоухская школа умело организовала работу по обслуживанию подшефного госпиталя (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/146. Л. 3).

В военные годы в Карелии было широко известно имя 11-летней беломорской школьницы Лины Орловой, награжденной Военным советом Карельского фронта медалью «За боевые заслуги» по ходатайству раненых и всего медперсонала госпиталя № 1438 в Беломорске. Так высоко оценили самоотверженный труд школьницы в военном госпитале. Один из раненых — батальонный комиссар Н. Коцеруб с благодарностью отзывался о девочке: «Лина Орлова почти ежедневно приходит к бойцам. В госпитале ее полюбили все. Эта маленькая девочка обладает большим сердцем истинного патриота своей Родины. Одно присутствие Лины в палате вливает бодрость в сердца раненых. Они видят, с какой серьезностью Лина приносит раненому обед, помогает ему получше сесть, поправляет подушки, одеяла и спешит ко второму, третьему. Иногда Лина поет песни бойцам, декламирует стихи» (Ленинское знамя. 1942. 1 марта).

Невольно возникают ассоциации со строками стихотворения Е. А. Евтушенко «Спешите, если есть куда спешить» о военном детстве поэта:

В палате выключили радио,
и кто-то гладил мне вихор...
В зиминском госпитале раненым
давал концерт наш детский хор.
Уже начать нам знаки делали.
Двумя рядами у стены
стояли мальчики и девочки
перед героями войны.
Они,
родные,
некрасивые,
с большими впадинами глаз,

и сами жалкие,
несильные,
смотрели с жалостью на нас.
В тылу измученные битвами,
худы,
заморены,
бледны,
в своих пальтишках драных
были мы
для них героями войны.
...Солдаты пели, словно школьники,
и, как солдаты, пели мы...

(Евтушенко, 1969: 28).

Особую активность в шефстве над госпиталями проявили тимуровцы — молодые патриоты, стремившиеся быть полезными в общей напряженной работе. Тимуровское движение, зародившееся еще в 1930-е годы, получило широкое развитие в период Великой Отечественной войны. Тимуровцы считали, что в военное время нет малых дел. Любое дело, пусть то будет поделка колец для лыжных палок, сбор металлолома, заготовка веников — все это дело большое, важное. Шефство над семьями фронтовиков, дежурство и уход за ранеными в госпиталях, работа на полях, в огородах, заготовка дров, покос и уборка сена, сбор книг, теплых вещей и подарков для фронтовиков — трудно перечислить те полезные начинания, которые были связаны с деятельностью тимуровцев.

В первые месяцы войны тимуровское движение получило развитие в основном в столице — Петрозаводске: из 32 команд тимуровцев в республике 30 команд работали в Петрозаводске (по 30 человек в каждой). Только в Пудожской и Кемской школах были созданы тимуровские команды (НА РК. Ф. 1842. Оп. 2. Д. 1/5. Л. 19; Молодой большевик. 1941. 18 июля).

Петрозаводский отряд тимуровцев работал на базе Дворца пионеров. Городской штаб распределил обязанности команд: связисты, швейники, сельскохозяйственная команда, художественная, материальная, санитарная, команда по расклейке лозунгов, плакатов и др. 700 школьников Петрозаводска занимались военным делом во Дворце пионеров. Потребовались для земляных работ ломы и лопаты — через час тимуровцы уже доставили в штаб 30 ломов и 300 лопат. Они стали инициаторами проведения декадников по сбору черного и цветного металлического лома, провели первый декадник 24 июля — 2 августа. ЦК ЛКСМ Карелии одобрил инициативу тимуровцев Дворца пионеров и обязал все комсомольские организации возглавить работу пионеров по сбору металлолома. Бюро ЦК комсомола республики постановило провести в республике декадник по сбору цветного лома 27 июля — 7 августа. Значительная заслуга тимуровцев в том, что к концу этого декадника в Карелии было собрано 5 тыс. тонн цветного и 3 тыс. тонн черного лома (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 4. Л. 43, 45; Ленинское знамя. 1941. 25, 27 июля). В первые месяцы войны пионеры Медвежьегорска собрали для Красной армии железных лопат — 176, кирок — 10, ломов — 14, бутылок — 500, черники — 15 ведер (Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 29).

Особое развитие тимуровское движение получило с начала 1942 г. С этого времени началось формирование тимуровских отрядов по всей Карелии. Как правило, в каждой школе создавалось несколько отрядов: в 1942/1943 учебном году в Сумпосадской школе (Беломорский район) работали 12 тимуровских отрядов (231 пионер), в Пудожской школе в 1943/1944 учебном году — 8 отрядов (150 пионеров) (НА РК. Ф. Р-3181. Оп. 1. Д. 2/8. Л. 62; Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 18/174. Л. 62; Ф. Р-1842. Оп. 2. Д. 1/5. Л. 19).

Тимуровские отряды г. Беломорска в январе 1942 г. организовали постоянное дежурство в госпитале. Они приходили в госпиталь рано утром, проверяли санитарное состояние

палат, читали раненым свежие газеты, писали для раненых письма на родину, приносили питье, разносили обеды, кормили бойцов. Тимуровцы собирали для раненых подарки: газеты, книги, журналы, конверты, бумагу, карандаши, носовые платки. Они проводили в госпитале концерты детей — за три месяца дали 12 концертов (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 3809. Л. 10). Тимуровцы Беломорска организовали переписку с фронтовиками. Пионерка Галя Попова получила с фронта письмо от красноармейца Низова Николая. В письме боец поздравлял пионеров с 1 Мая. Он благодарил их за полученный подарок и письмо. В ответном послании Галя Попова написала: «Дорогой товарищ боец! Я никогда не видела Вас, но Вы для меня самый близкий человек, потому что нет для нас ближе тех, кто сражается на фронте...» (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 3809. Л. 14). Пионерка Люда Малахова в своем письме на фронт отправила отчет о своей работе в помощь фронту, а также наказ для бойцов — бить врага. Люде пришел ответ, подписанный красноармейцем Широких, младшим сержантом Демченко и младшим лейтенантом Чепцовым по поручению бойцов и командиров подразделения. Бойцы благодарили пионеров за «посылочку», в которой видели любовь и заботу детей. Одновременно они высказали ответный наказ — отлично учиться, помогать раненым в госпиталях, обещали бить врага на «отлично» (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 3809. Л. 15).

Тимуровцы Беломорского района в 1942 г. собрали 54 тонны металлолома, 5 тыс. жестяных банок для изготовления колец для лыжных палок, по заданию воинских частей собрали и отправили им 400 бутылок, 1,5 тыс. кг хвойных иголок для изготовления лекарственных препаратов¹, 23 кг веточного корма, 100 кг лекарственных растений, 378 кг клюквы (половину передали в госпиталь для раненых), 826 кг колосьев,

¹ Из хвойных иголок и хвойной лапки специализированные предприятия изготавливали витаминный настой для предупреждения заболеваемости цингой.

выработали 5 тысяч трудодней, отправили на фронт свыше 60 посылок (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 3809. Л. 19; Беломорская трибуна. 1942. 4 октября). В Нюхотской школе во время воскресника для семей красноармейцев было заготовлено 25 возов дров. В Сумпосадской школе 23 февраля 1942 г. на утреннике вручили 25 посылок-подарков детям фронтовиков. 231 пионер — тимуровец Сумпосадской школы только за одну треть четверть 1942/1943 учебного года собрали 1580 руб. на танковую колонну (вместе со взносом учителей — 4265 руб. общая сумма средств составила 5845 руб.). В числе наиболее активных были ученики школы: Кайкина — 300 руб., Воробьев — 200 руб., Никулина — 110 руб. 213 учащихся этой школы отправили на фронт 21 подарок, 419 писем (получено 345 писем от фронтовиков). Тимуровцы Сумпосадской школы за учебную четверть дали девять концертов в госпитале и воинской части, организовали один платный концерт в пользу семей фронтовиков, собрали 340 книг для госпиталя, принесли на приемный пункт 380 бутылок, разгрузили 75 тонн рыбы (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 3809. Л. 19; НА РК. Ф. Р-3181. Оп. 1. Д. 2/8. Л. 40).

В рамках проведения Всесоюзного воскресника «Пионеры — фронту» в районах республики 8 ноября 1942 г. прошел воскресник: тимуровцы занимались сбором металлолома, дикорастущих полезных растений, готовили подарки для фронта, работали в госпиталях, оказывали помощь семьям фронтовиков, эвакуированным детям, школе, проводили заготовку топлива (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 411. Л. 123).

В процессе развития движения изменялась организация тимуровцев: вместо команд создавались отряды, которые, в свою очередь, делились на пятерки. Такая структура создавала большие возможности для эффективной работы. Особенно отличились в работе тимуровцы Пудожской школы, обслуживавшие 40 семей фронтовиков: пилили дрова, носили

воду, нянчились с детьми и т. д. Не отставали от них тимуровцы Беломорской школы. Для выполнения одного военного заказа Беломорскому лесозаводу потребовалось большое количество жестяных банок. Их собрали тимуровцы, одна только Тоня Морозова принесла около 100 банок (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 18/174. Л. 62; Ленинское знамя. 1942. 28 мая).

Особо следует отметить тимуровцев Кемской школы (их командиром была Эльза Антикайнен — племянница легендарного Тойво Антикайнена). Очень часто в адрес кемских тимуровцев приходили с фронта письма с благодарностью от воинов Карельского фронта. В частности, фронтовик А. Бельтиков благодарил тимуровцев за заботу, которую они проявляли по отношению к его семье (Советское Беломорье. 1943. 25 ноября). Значение такой помощи фронту в тылу было огромно: положительный эффект сказывался на психологическом настроении красноармейцев.

Кемские тимуровцы стали инициаторами сбора металлического лома. «Ребята, собирайте металлолом!» — призывали тимуровцы Т. Богданова, Д. Пермагорова, З. Семенова, Э. Антикайнен, Т. Крекова. Беломорский тимуровец Боря Флотский сдал 300 кг лома, Ира Воеводова и Юра Шепетов — по 100 кг. Их инициативу поддержали тимуровцы Колежемской школы, выдвинувшие лозунг: каждый школьник должен собрать по 100 кг лома (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 3809. Л. 10; НА РК. Ф. Р-3301. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 30; Советское Беломорье. 1942. 8 апреля). Из такого количества металлического лома можно было изготовить шесть минометов. В 1943 г. аналогичный призыв прозвучал к школьникам страны от имени пионеров Приморья — каждому пионеру собрать не менее 100 кг лома (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 606. Л. 1).

Развернувшееся в Карелии соревнование между тимуровскими отрядами способствовало развитию и расширению движения. Одним из главных показателей тимуровского

соревнования учитывалась успеваемость тимуровцев в учебе. В качестве основных направлений в него входили показатели по сбору металлолома, подарков бойцам Красной армии, оказанию помощи семьям фронтовиков. В итоге за годы войны школьники Карелии собрали 36 тыс. тонн металлического лома. Из этого лома можно было изготовить 900 артиллерийских орудий, 45 тыс. пулеметов, 225 тыс. автоматических ружей, 540 тыс. гранат, 9 тыс. тяжелых авиабомб (Ленинское знамя. 1942. 19 апреля; Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1975: 194).

Большое значение имел организованный тимуровцами сбор бутылок: маленьких — под лекарство, больших — под горючую смесь: эти «пионерские» бутылки, в которые наливалась горючая смесь, успешно использовались на фронте для истребления танков.

Работа школьников в помощь фронту осуществлялась в сложных условиях: Карелия до лета 1944 г. была прифронтной республикой. А поэтому помощь фронту имела свои особенности, специфические черты, характерные для прифронтной зоны. Такой особенностью являлась непосредственная во многих случаях помощь школьников республики Карельскому фронту, непосредственно армейским частям. Об этом говорят следующие примеры. Ученик Подпорожской школы Пудожского района Юра Андреев задержал диверсанта. Такой же отважный поступок совершил ученик Даниловской школы Гладков (НА РК. Ф. Р-1178. Оп. 2. Д. 11/122. Л. 48; Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 18/174. Л. 82; Ф. Р-1174. Оп. 2. Д. 1/5. Л. 18). Учащиеся Вожмосалмской школы (Медвежьегорский район) спасли жизнь раненому советскому летчику, который совершил вынужденную посадку на неокрепший лед озера. Особо отличился в этом случае Витя Валдаев (Беломорская трибуна. 1943. 2 декабря; Беляев, 1948: 19).

Другой случай произошел в том же прифронтовом Медвежьегорском районе. Недалеко от линии фронта совершил вынужденную посадку советский самолет. Посадка прошла благополучно, но для взлета площадка оказалась мала. Рабочей силы для расчистки площадки не было, а самолет должен был взлететь как можно скорее. На помощь пришли школьники: они подготовили площадку за два часа работы (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 16/159. Л. 7). Подобных случаев в прифронтовой полосе было много. Школьники всегда были готовы помочь и помогали фронтовикам. В этом проявлялась главная особенность помощи в прифронтовых условиях.

14-летний Толя Воронов оказался в оккупации в Заонежье. 30 декабря 1942 г. он ночью на лыжах перешел Онежское озеро и пришел в расположение советских войск. Трудно было поверить, что этот шустрый мальчик один, не зная дороги, без компаса и еды смог проникнуть сквозь финские заставы и патрули и преодолеть озеро. Однако он сообщил командованию ценные сведения и даже указал на карте огневые точки противника, назвал численность вражеских гарнизонов, размещенных в деревнях. Подросток стал разведчиком. Во время одной из операций он погиб. Толя Воронов не успел вступить в комсомол — ему только исполнилось 14 лет (Судьба страны. Судьба чекистов, 2013: 97).

Вопросы руководства и развития начинаний школьников нашли отражение и поддержку в соответствующих решениях районных и республиканских органов. В приказе наркома просвещения Карелии от 17 января 1943 г. говорилось о том, чтобы особую заботу и внимание уделить детям фронтовиков, создать для них материальные условия, используя для этого прежде всего инициативу и общественную помощь; установить в каждой школе регулярную письменную связь с фронтовиками — отцами этих детей, использовать эту связь как могучее средство патриотического воспитания

школьников; организовать в каждом классе, каждой школе соревнование в помощь фронту, вызвать на соревнование соседние школы (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 2/23. Л. 6–11).

В постановлении VII пленума ЦК ЛКСМ Карелии предлагалось при каждой школе организовать кружки юных техников, печников, маляров, юных рыбаков (в рыболовецких совхозах), кружки по изучению сельхозмашин и агротехники; поддерживать почин Шиженской школы по сбору лекарственного сырья — собрать 774 кг, грибов и ягод — 80 тонн, больше проводить воскресников по оказанию помощи семьям фронтовиков (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 17/164. Л. 176).

В постановлении Коллегии Наркомпроса 20 апреля 1945 г. говорилось о создании в каждой школе тимуровских отрядов для оказания помощи семьям фронтовиков; об организации сбора дикорастущих растений и лекарственного сырья; организовать в период летних каникул общественный труд учащихся: ремонт школ, помощь в восстановлении, участие в сельскохозяйственных работах в колхозах и в рыболовецких бригадах (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 4/37. Л. 30).

В условиях прифронтовой полосы особое значение имело военное обучение школьников — подготовка боевых резервов из учащихся старших классов. Многие выпускники школ, овладев военным делом в школе, уходили на фронт. Нарком просвещения Карелии И. И. Пятунин подчеркивал, что обстановка на фронте сложная, поэтому школа должна готовить будущие резервы, чтобы они могли, если потребуется, заменить бойцов на фронте (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/145. Л. 27).

В соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны от 17 сентября 1941 г. о всеобщем обязательном военном обучении и решением бюро ЦК КП(б) Карелии от 20 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан республики» в школах Карелии вводилось военное обучение школьников с 16 лет, то есть

практически только выпускников. Военная подготовка школьников до осени 1942 г. ограничивалась лишь физкультурной подготовкой. Во многих школах уроки физкультуры проводились главным образом в классных помещениях. Однако школьники прифронтовой республики проявляли повышенный интерес к изучению военного дела: они организовывали различные оборонные кружки — стрелковые, санитарные, ПВХО.

23 ноября 1942 г. Наркомпрос Карелии издал приказ об обязательной военной и военно-лыжной подготовке учащихся 5–10-х классов (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/143. Л. 1). Целенаправленная военная подготовка учащихся началась со второго полугодия 1942/1943 учебного года. За военное обучение школьников персонально отвечал замнаркома просвещения по военной подготовке учащихся майор Оргин. При штабе Карельского фронта работала Инспекция по военной подготовке учащихся (ВПУ) во главе с полковником Обуховым и подполковником Ларьковым.

В специальном Положении, утвержденном СНК Карелии, ставилась задача по военной подготовке учащихся школ — подготовить дисциплинированных, физически крепких и выносливых юношей, овладевших военным делом в объеме сокращенной программы подготовки одиночного бойца и бойца, способного действовать в составе отделения и взвода (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/151. Л. 104). Таким образом, военное обучение стало задачей большой государственно-политической важности и было теснейшим образом связано со всей учебно-воспитательной работой. Идейной основой ее являлось патристическое воспитание учащихся: школа должна была готовить образованных, политически грамотных, физически и нравственно сильных, волевых людей, преданных Родине. Одним из направлений решения этой задачи являлись укрепление связи школ республики с фронтовыми частями, организация шефства воинских частей над школами.

Массовый характер получила сдача норм на оборонные значки: ВС («Ворошиловский стрелок») и ЮВС («Юный Ворошиловский стрелок»), БГТО («Будь готов к труду и обороне»), ГТО («Готов к труду и обороне»), БГСО («Будь готов к санитарной обороне»), ГСО («Готов к санитарной обороне»), ПВХО («Готов к противовоздушной и химической обороне»). В каждой школе создавались оборонные кружки и секции: автоматчиков, пулеметчиков, гранатометчиков, саперов, минеров, минометчиков, истребителей танков, рукопашного боя, инструкторов-лыжников и др.

Девушки проходили подготовку телеграфисток, телефонисток, радисток. К лету 1943 г. было подготовлено в Пудожской школе — 30 телеграфисток, в Шуерецкой — 39, в Кемской — 39 телефонисток, в Шуерецкой в июле — 28, в Сумпосадской — 18. Подготовленные девушки вполне могли обеспечить работу полевых телефонов в реальных боевых условиях (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/151. Л. 270).

По итогам соревнования школ в оборонно-массовой работе в 1942/1943 учебном году 1-е место заняла Чупинская школа. В этой школе все учащиеся сдали нормы по лыжам, ПВХО, ГСО, многие — по БГТО, ЮВС, ВС, было проведено два лыжных 20-километровых похода. Второй стала Пудожская школа, в которой 300 учащихся сдали нормы ПВХО, 335 — лыжные нормативы. Третье место получила Авдеевская школа, в которой при полной успеваемости по военной подготовке лыжные нормативы сдали 98 человек, ПВХО — 278, БГТО — 139, ГСО — 31 (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/152. Л. 23–24).

Усилению работы по подготовке боевых резервов способствовало постановление СНК РСФСР от 23 июля 1943 г. о введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/1944 учебном году, создание в соответствии с приказом наркома просвещения Карелии от 6 сентября 1943 г. добровольного спортивного общества «Смена», задачей которого

являлось воспитание ребят, готовых встать в ряды защитников Родины (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/146. Л. 104–15; Д. 2/23. Л. 79). Постановлением Президиума Верховного Совета республики 9 ноября 1943 г. вводилось массовое обучение военно-лыжному делу учащихся школ (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/147. Л. 17).

Указанные меры позволили значительно активизировать военную подготовку школьников в 1943/1944 учебном году. Сравнительный анализ приложения 3 и приложения 4 позволяет констатировать, что многие показатели 1943/1944 года значительно превышали показатели заключительного года войны — 1944/1945, хотя общая численность учащихся Карелии в результате освобождения оккупированной территории, создания новых школ к концу Великой Отечественной войны значительно возросла. В частности, уменьшилось количество занимающихся в оборонных кружках (с 4787 до 3855), резко сократилось количество значкистов (с 7393 до 3005), меньше стало значкистов ЮВС и ВС (соответственно 1024 и 633), ПВХО (6370 и 5027), БГСО и ГСО (2170 и 883). Объясняется это тем, что к началу 1944/1945 учебного года Карелия уже не была прифронтовой: территория республики была полностью освобождена (с Финляндией заключено перемирие 19 сентября 1944 г.). Вследствие этих объективных изменений отпала острая необходимость массового привлечения учащихся школ к сдаче норм и их участия в оборонных кружках. Одновременно обозначился уклон в сторону физкультурной подготовки школьников: увеличилось количество значкистов БГТО и ГТО (соответственно 1882 и 2463), число сдавших нормативы по лыжам (с 4817 до 6417).

В феврале 1945 г. на республиканском съезде учителей отмечалось, что практика работы школ по начальной военной подготовке в 5–7-х классах и по допризывной подготовке в 8–10-х классах убедительно подтвердила целесообразность

этого мероприятия. Знания и умения учащихся, полученные в процессе изучения военного дела, пригодились учащимся Кемской, Каршевской, Колежемской, Нюхотской и других школ при налетах вражеской авиации. Учащиеся Авнепорожской школы Кемского района, Каршевской и Кемской школ своими силами построили бомбоубежища, в которых укрывались не только школьники, но и население (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 4/39. Л. 4–5, 60; Д. 15/145. Л. 11; Ф. Р-3301. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 17).

В школах республики воспитывались закаленные юноши и девушки, патриоты своей страны, молодая смена, способная отстаивать честь и славу своей Родины от вражеских нападений. В годы Великой Отечественной войны вопросы военно-патриотического воспитания рассматривались не только в плане формирования военно-прикладных знаний, умений и навыков. Оборонная работа школ не сводилась лишь к военизации: формирование у учащихся стремления и готовности к защите Родины было тесно связано с учебно-воспитательной работой, основой которой являлось патриотическое воспитание, осуществляемое разнообразными формами и средствами, что оказывало благоприятное влияние на военную и моральную подготовку школьной молодежи.

Практика работы школ Карелии в военные годы свидетельствует о том, что патриотическое воспитание являлось идейной основой не только учебно-воспитательной работы школ, но и оборонной работы в первую очередь. Патриотическое воспитание, являясь идейной основой военного обучения школьников, оказывало непосредственное влияние на формирование военно-прикладных знаний, умений и навыков.

Учащиеся школ республики имели регулярную прочную связь с армейскими частями. В установлении этой связи большую инициативу проявили сами учащиеся. Связь школ с фронтом активно использовалась в качестве одного

из средств воспитания советского патриотизма, готовности встать в ряды защитников Родины, для усиления помощи фронту. С другой стороны, в этом был источник силы Красной армии: воины знали дела, думы и чаяния молодого поколения, повседневно чувствовали моральную поддержку народа. Ощущая народную поддержку, вооруженные защитники Родины самоотверженно сражались с врагом.

Укрепление и расширение связи с фронтом для Карелии имело особое значение: в школах прифронтовой республики обучалось много детей фронтовиков. К лету 1943 г. в школах Пудожского района учились 2758 детей фронтовиков (из 4721 учащихся в районе), т. е. более половины всех учащихся. В Тунгудском районе из 554 школьников у 362 отцы воевали на фронте. В целом по республике на январь 1943 г. детей фронтовиков насчитывалось 4681, а к лету 1943 г. в школах Карелии училось 7 тыс. детей фронтовиков (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/147. Л. 39; Д. 18/174. Л. 57; Д. 15/152. Л. 28; Д. 15/154. Л. 4; Д. 18/176. Л. 12; Ф. Р-1842. Оп. 2. Д. 1/8. Л. 2).

В школах республики особенно серьезным и сознательным было отношение учащихся к военному делу: общая успеваемость по военным предметам была значительно выше, чем по другим предметам. В частности, проверка отделом инспектирования Карельского фронта военных знаний школьников, полученных в 1942/1943 учебном году, показала большую заинтересованность учащихся в изучении и овладении военным делом. Успеваемость по военной подготовке составила 99,2% (65,1% отличных и хороших отметок и только 0,8% — неудовлетворительных по всей республике), по спецподготовке девушек успеваемость оказалась стопроцентной (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/151. Л. 269; Д. 15/152. Л. 21).

В условиях прифронтовой полосы формы связи школ с фронтом имели свои особенности: непосредственные беседы бойцов и командиров с учащимися, обмен договорами,

в которых школьники обязались учиться на «отлично», а бойцы — стойко сражаться с врагом. В частности, Авдеевская школа (Пудожский район) установила связь с партизанским отрядом им. Т. Антикайнена. Бойцы этого отряда в ответ на обращение к ним школьников сообщили школе, что уничтожат не менее чем по фашисту на каждого учащегося школы, и после очередного рейда в тыл врага отчитывались, как идет выполнение этого обязательства (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/152. Л. 4).

Тесную связь с фронтом имели Колодозерская, Пудожская школы. В одном из писем с фронта в Пудожскую школу бойцы писали: «Ваше письмо получили в момент боевого задания. Ваши слова внедрились в нас силу и отвагу на выполнение поставленной задачи. И мы ее выполнили в установленный срок» (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/152. Л. 26). Бойцы благодарили учащихся за помощь своим семьям в тылу. Майор Сонин писал в Лоухскую школу: «Тронут вашим вниманием к моему сыну и всем детям фронтовиков. Этим вы еще раз показываете любовь к Родине, вместе с тем вдохновляете нас на еще более ответственные подвиги за нашу Родину, наше счастье, за Вас, за будущее наше и наших детей» (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/152. Л. 26).

Фронтовики стремились воспитать у ребят любовь к военному предмету, интересовались, как школьники помогали фронту. Фронтвик И. М. Кликачев в письме в Колежемскую школу спрашивал, что школьники делают в помощь фронту (Беломорская трибуна. 1943. 22 июня). В ответ школьники отправили коллективные письма-отчеты школ Карельскому фронту, оформляли альбомы с итоговыми данными о помощи фронту.

Учащиеся Чупинской школы, побывавшие в составе делегации школы в гостях у воинов Карельского фронта на 26-ю годовщину Красной армии, отмечали, что бойцы очень интересовались жизнью школы: сколько в школе отличников учебы,

как ребята изучают военное дело, как ходят на лыжах, какие кружки работают в школе (Карельский государственный краеведческий музей. Рукописный фонд. Инв. № 1946. С. 9).

В Пудожском районе все школы имели связь с фронтом. Каждое пионерское звено, каждая дружина вели регулярную переписку. В Беломорском районе Сумпосадская школа только за полугодие 1943/1944 учебного года послала на фронт более 900 писем и получила 300 ответных, Нюхотская школа отправила 783 письма, получила 289 писем от фронтовиков (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/152. Л. 53; Д. 18/176. Л. 13). Воины Карельского фронта писали в Олимпийскую школу (Беломорский район): «Получили письмо от ваших учащихся перед боем. Оно очень помогло нам развернуть агитационно-воспитательную работу, т. к. большинство из наших бойцов и командиров семейные, имеют детей школьного возраста. Ни одно письмо еще не имело такого успеха, не создало такого подъема, как письмо ваших учеников» (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 16/159. Л. 7).

Хорошей традицией стало шефство воинских частей над школами. Шефство воинской части над Чупинской школой помогло школе занять I место по оборонной работе школ в 1942/1943 учебном году. В Тунгудском районе воинские части в 1943/1944 учебном году обеспечили дровами Летнереченскую школу, выделили мастеров-сапожников для починки обуви учащихся. В Кемской школе командиры из военного госпиталя вели кружки по изучению станкового пулемета, ручного пулемета, гимнастический. В Шуерецкой школе хоровой кружок был организован совместно с воинской частью (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 18/176. Л. 13; Ф. Р-3223. Оп. 1. Д. 3/39. Л. 61–63, 94). Традиционными стали обмены делегациями, приглашение представителей воинских частей с фронта на новогодние елки, концерты для фронтовиков.

Широкое распространение получили такие формы переписки, как переписка с фронтовиками, дети которых учатся в школе, и с бывшими учителями — фронтовиками. Так, старший лейтенант Крупский, бывший учитель Кемской школы, прислал письмо учащимся 6-го класса с предложением организовать соревнование с бойцами (НА РК. Ф. Р-3223. Оп. 1. Д. 3/39. Л. 63). Учителя-фронтовики стали инициаторами сбора денег из личных средств фронтовиков для премирования отличников учебы. Бывший директор Сумпосадской школы Х. Т. Балакаев прислал в школу 1000 руб. от фронтовиков для премирования восьми отличников (Ленинское знамя. 1945. 9 февраля). В Кемской школе неуспевающие получали персональные письма от фронтовиков с вызовом на соревнование. В частности, фронтовик Ф. Я. Трифонов, обращаясь к ученикам, взял повышенные боевые обязательства (Красный Пудож. 1942. 11 февраля).

Такие письма с фронта помогали учителям повысить успеваемость учащихся. Авдеевская школа по результатам первой четверти 1942/1943 учебного года находилась на последнем месте по успеваемости в Пудожском районе — 50,7% (118 из 286 учащихся школы не успевало). После того как школа установила связь с партизанским отрядом, руководство школы умело использовало эту связь как средство патриотического воспитания: к концу учебного года показатель успеваемости резко повысился и составил 89,6%, неуспевающих осталось 29 человек, причем по военной подготовке успеваемость достигла 100% (НА РК. Ф. Р-1842. Оп. 2. Д. 1/8. Л. 7). Эффективность помощи школьников фронту возрастала в процессе установления прочных постоянных контактов с фронтом. Укрепление связи с фронтом позволяло решить задачу усиления патриотического воспитания школьников, что позитивно отразилось на показателях успеваемости, помощи фронту, позволило развивать военное обучение школьников.

Постоянный интерес и забота фронтовиков о жизни школ позволяют констатировать, что не только школа помогала Красной армии, но и Красная армия помогала школе. В этом заключался источник эффективности помощи учащихся школ Карелии фронту.

Массовое развитие получила подготовка подарков для бойцов на фронте. Каждая посылка, любовно собранная детскими руками, доставляла огромную радость бойцам. В одном из писем в Сумпосадскую школу фронтовики благодарили за подарки: они писали, что чувствуют родную заботу о фронтовиках. Скромные подарки школьников взволновали их, вызвали чувство еще большей ответственности за Родину, за будущее школьников, за их счастливую жизнь (НА РК. Ф. Р-1842. Оп. 2. Д. 1/8. Л. 7).

Массовое движение по сбору посылок на фронт началось уже в 1941/1942 учебном году. Так, в 15 посылках школьников Пудожского района насчитывалось 34 вида различных вещей, необходимых в повседневном обиходе, в том числе: туалетное мыло — 582 куска, бумага для письма — 915 листов, конверты — 11 795 штук, полотенца — 48, тетради — 98, носовые платки — 185, карандаши — 585, кистеты — 49 (НА РК. Ф. Р-1842. Оп. 2. Д. 1/8. Л. 11–12; Д. 1/5. Л. 17).

Организаторами сбора подарков стали школьные комсомольские организации. ЦК ВЛКСМ придавал большое значение развитию этого патриотического движения. Об этом свидетельствуют его решения: «Об изготовлении кистетов и носовых платков для бойцов и командиров Красной Армии» (25 сентября 1942 г.), «О сборе подарков для Красной Армии» (25 января 1943 г.) (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/152. Л. 26).

Движение по сбору и отправке подарков приобретало особый размах в предпраздничные периоды (предоктябрьский, предмайский, к годовщине Красной армии,

к Новому году и др.). В течение одного 1942/1943 учебного года школьники отправили на фронт 240 коллективных и 353 индивидуальных посылок с различным ассортиментом вещей (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/152. Л. 25; Д. 15/153. Л. 14). Так, учащиеся Пудожского района собрали в течение учебного года для фронта 22 посылки, в которые детские руки положили 1412 изданий художественной литературы, 1524 открытки, 2777 карандашей, 8 настольных игр, 5 музыкальных инструментов, 102 куска мыла, 165 носовых платков, 15 полотенец, 174 кистета, 83 воротничка. В частности, 290 учащихся Шальской средней школы собрали для фронтовиков 120 кистетов, 90 носовых платков, 67 воротничков, 8 полотенец, 4 кг шоколада, 1 кг печенья, 80 книг художественной литературы (НА РК. Ф. Р-1842. Оп. 2. Д. 1/8. Л. 11–12; Д. 1/5. Л. 17).

Школьники Карелии принимали массовое участие в патриотическом движении помощи фронту. Учащиеся Соловецкой школы, инициаторы сбора средств на самолет «Карельский пионер», писали: «Несмотря на военную обстановку, советских ребят окружают вниманием и заботой... В ответ на эту заботу мы, советские ребята, должны сделать все от нас зависящее для помощи родной Красной Армии» (Ленинское знамя. 1942. 7 июня). В период смертельной опасности, нависшей над Родиной, юные граждане республики сделали все, что было в их силах, чтобы помочь фронту. Патриотическое движение школьников отличалось массовостью, множеством начинаний, разнообразием форм. Карельские школьники — юные патриоты своей Родины — помогали сельскому хозяйству производить продовольствие для Красной армии, самоотверженно трудились на промышленных предприятиях, собирали средства на строительство боевой техники, оказывали помощь госпиталям, готовили подарки для фронтовиков, собирали металлолом, лекарственное сырье, ловили рыбу, собирали морские водоросли.

Школьники республики в суровое военное время не знали каникул, они использовали все свободное время для работы в помощь фронту. Самоотверженность, патриотизм школьников были не какими-то стихийными явлениями, а вполне закономерными, как результат воспитания, которое получали школьники в нашей стране. Учащиеся школ Карелии своей активной деятельностью в помощь фронту способствовали разгрому врага. Героический труд юных патриотов в тылу вошел в историю как пример проявления патриотизма, беззаветного служения Родине.

Литература

Андропов Ю. (1943а) *Карело-финские комсомольцы в Отечественной войне*. [Б. м.] : Государственное издательство Карело-Финской ССР. 28 с.

Андропов Ю. (1943б) *Учиться у народа*. [Б. м.] : Государственное издательство Карело-Финской ССР. 16 с.

Беляев И. С. (1948) *Народное просвещение в КФССР за 25 лет*. Петрозаводск : Госиздат КФССР. 51 с.

Власова Н., Пашкова Ю. (2004) *Юрий Андропов: «Учиться у народа мудрости, мужеству, любви к Отечеству»* [Электронный ресурс] // Карелия. 2004. 26 февраля. № 21 (1152). URL: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1152/t/1152_8.html (дата обращения: 02.04.2014).

Евтушенко Е. (1969) *Идут белые снеги...* М. : Художественная литература.

Калинин М. И. (1967) *О коммунистическом воспитании и воинском долге*. М. : Воениздат. 726 с.

Карелия в годы Великой Отечественной войны (1975) Документы и материалы. Петрозаводск : Карелия. 447 с.

Куприянов Г. Н. (1944) *Карело-Финская ССР — фронту*. [Б. м.] : Госиздат КФССР. 33 с.

Куприянов Г. Н. (1943) *Карело-финский народ в борьбе против немецко-фашистских захватчиков*. [Б. м.] : Государственное издательство Карело-Финской ССР. 38 с.

Незабываемое (1974) Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск : Карелия. 383 с.

Судьба страны. Судьба чекистов. Из истории органов безопасности Республики Карелия (2013) Петрозаводск : Острова. 204 с.

Шлейкин Ю. В. (2014) *Андропов. Карелия. 1940–1951...: биографическая хроника*. Петрозаводск : Острова. 288 с.

REFERENCES

Andropov Yu. (1943a) *Karelo-finskie komsomol'tsy v Otechestvennoi voine* [KARELIAN KOMSOMOL IN THE PATRIOTIC WAR]. [B. m.] : State Karelian-Finnish SSR Publ. 28 p. (In Russ.)

Andropov Iu. (1943b) *Uchit'sia u naroda* [Learn from people]. [B. m.] : State Karelian-Finnish SSR Publ. 16 p. (In Russ.)

Beliaev I. S. (1948) *Narodnoe prosveshchenie v KFSSR za 25 let* [Public education in KFSSR during 25 years]. Petrozavodsk : Gosizdat KFSSR. 51 p. (In Russ.)

Vlasova N., Pashkova Yu. (2004) *Iurii Andropov: «Uchit'sia u naroda mudrosti, muzhestvu, liubvi k Otechestvu»* [Yuri Andropov: «Learn from the people of wisdom, courage, love for the Fatherland»]. *Karelia*. 2004. February 26, no. 21 (1152) [online]. Available at: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1152/t/1152_8.html (accessed 02.04.2014). (In Russ.)

Evtushenko E. (1969) *Idut belye snegi...* [Go white snow...]. Moscow : Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)

Kalinin M. I. (1967) *O kommunisticheskom vospitanii i voinskoi dolge* [About the communist upbringing and military duty]. Moscow : Voenizdat Publ. 726 p. (In Russ.)

Kareliia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1975) *Dokumenty i materialy* [Karelia during the Great Patriotic War. Documents and Materials]. Petrozavodsk : Karelia. 447 p. (In Russ.)

Kupriyanov G. N. (1944) *Karelo-Finskaia SSR — frontu* [Karelian-Finnish SSR for the front]. [B. m.] : Gosizdat KFSSR. 33 p. (In Russ.)

Kupriyanov G. N. (1943) *Karelo-finskii narod v bor'be protiv nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov* [Karelian-Finnish people in the struggle against the Nazi invaders]. [B. m.] : State Karelian-Finnish SSR Publ. 38 p. (In Russ.)

Nezabyvaemoe. Vospominaniia o Velikoi Otechestvennoi voine. (1974). [Unforgettable. Memories of the Great Patriotic War]. Petrozavodsk : Karelia. 383 p. (In Russ.)

Sud'ba strany. Sud'ba chekistov. Iz istorii organov bezopasnosti Respubliki Kareliia (2013) [The fate of the country. The fate of the employees of special services. From the history of the security of the Republic of Karelia]. Petrozavodsk : Ostrova Publ. 204 p. (In Russ.)

Shleikin Yu. V. (2014) *Andropov. Kareliia. 1940–1951 ... : biograficheskaia khronika* [Andropov. Karelia. 1940–1951 ... : biographical chronicle]. Petrozavodsk : Ostrova Publ. 288 p. (In Russ.)

Приложение 1

Контингент школьной молодежи Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны

Район	1942/1943 уч. год		1943/1944 уч. год	
	Кол-во школ	Кол-во учащихся	Кол-во школ	Кол-во учащихся
Беломорский	19	1 859	20	2 848
Калевальский	1	77	1	120
Лоухский	10	384	12	819
Медвежьегорский	7	584	12	1 553
Пудожский	40	4 721	42	5 610
Ругозерский	-	-	6	593
Тунгудский	2	112	5	554
Кемский	17	1 437	18	1 738
Итого:	96	9 174	116	13 835

Примечания

1. В начале 1942/1943 учебного года количество учащихся школ составляло 9717 человек.

2. В 1942/1943 учебном году из 96 школ: средних — 5, начальных — 70, семилеток — 21.

Наиболее крупные школы по количеству учащихся: Пудожская СШ — 735 учеников, Нюхотская НСШ — 370, Кемская СШ — 360, Каршевская НСШ — 316, Шуерецкая СШ — 308, Сумпосадская СШ — 300, Шальская СШ — 290, Соловецкая НСШ — 131.

3. В 1943/1944 учебном году из 116 школ: средних — 7, начальных — 77, семилеток — 32.

4. В 1944/1945 учебном году количество школ — 365, количество учащихся — 36 169.

Источник: Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/147. Л. 37, 39; Д. 4/39. Л. 6; Д. 15/146. Л. 39.

Основные инициативы и почины школьной молодежи Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны

К кому обращен почин	Суть инициативы	Инициатор
К школьникам республики, июнь 1941 г.	Оказать помощь взрослым в сельском хозяйстве во время летних каникул	Падмозерская НСШ
К городским школьникам, июнь 1941 г.	Выйти на колхозные поля	Кондопожская НСШ
К школьникам Ведлозерского района, июль 1941 г.	Участвовать в полевых работах	Юргельская школа
К школьникам Шелтозерского района	Участвовать в полевых работах	Шелтозерская школа
К школьникам Петрозаводска, август 1941 г.	Заменить на производстве отцов и братьев, ушедших на фронт	6-й класс средней школы № 20 г. Петрозаводска
К школьникам республики, октябрь 1941 г.	Сбор теплой одежды и белья для фронтовиков	Нюхотская школа
К школам Пудожского района, февраль 1942 г.	Организовать соревнование по оказанию помощи фронту	Колодозерская школа
К школьникам Беломорского района, май 1942 г.	Собрать по 1 кг клюквы на каждого школьника	Колежемская школа
К школьникам республики, июнь 1942 г.	Сбор средств на самолет «Карельский пионер»	Соловецкая школа
К школьникам республики, июнь 1942 г.	Участие во Всесоюзном соревновании школ на сельхозработках	Школьники Беломорского района

**Участие школьников Карело-Финской ССР
в сдаче норм на оборонные значки
в 1943/1944 учебном году**

К школьникам республики, июнь 1942 г.	Отремонтировать школу своими силами	Подужемская школа
К школьникам республики, август 1942 г.	Сбор металлолома	Кемская СШ
К школьникам республики, сентябрь 1942 г.	Сбор колосьев	Маслозерская школа
К школьникам Медвежьегорского района, март 1943 г.	Помощь колхозам в период весеннего сева	Вожмосалмская школа
К школьникам Пудожского района, 1943 г.	Выработать на колхозных полях в течение лета по 75 трудодней на каждого ученика 5–6-х классов, по 130 трудодней на каждого ученика 7–10-х классов	Пудожская школа
К школьникам республики, октябрь 1943 г.	Сбор обуви и теплых вещей для детей фронтовиков	Кемская СШ
К школьникам республики, 1944 г.	Сбор лекарственного сырья	Шиженская школа
К школьникам республики, май 1944 г.	Помощь школьникам освобожденных районов	Сумпосадская СШ
К школьникам Ведлозерского района, сентябрь 1944 г.	Собрать по 1 кг сушеной черники на каждого школьника	Куккозерская школа

Источники: НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/152. Л. 32; Молодой большевик. 1941. 19, 29 июня; 11 июля; Ленинское знамя. 1941. 24, 25, 26 июня; 1, 4, 11 июля; 6 августа; 1942. 2, 7, 15 июня; 1943. 11, 13 октября; 1944. 5 сентября; Беломорская трибуна. 1941. 31 октября; 1942. 8 мая; 1943. 16 марта; 1944. 18 мая; Советское Беломорье. 1942. 8 августа, 11 сентября; Красный Пудож. 1942. 18 февраля; Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1975: 19.

Район	Занимались в оборонных кружках	Получили значки	БГТО и ГТО I ступени	ЮВС и ВС	ПВХО	БГСО и ГСО I ступени	Сдали нормативы по лыжам
Кемский	420	1 078	95	400	1 200	300	1 000
Медвежьегорский	215	-	83	-	469	151	244
Ругозерский	397	571	211	7	398	47	168
Беломорский	1 630	2 692	431	-	1 539	562	1 125
Тунгудский	453	191	364	34	487	391	293
Пудожский	1 690	2 861	525	424	1 950	464	1 058
Калевальский	-	-	76	-	103	84	113
Лоухский	-	-	30	79	132	-	423
г. Беломорск	-	-	-	80	92	170	120
г. Сегежа	-	-	-	-	-	-	273
Всего:	4 787	7 393	1 882	1 024	6 370	2 170	4 817

Источник: НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 18/174. Л. 56-57.
Прочерк означает отсутствие сведений.

**Участие школьников Карело-Финской ССР
в сдаче норм на оборонные значки
в 1944/1945 учебном году**

	Сдали нормативы по лыжам	БГТО и ГТО I ступени	ЮВС и ВС	ПВХО	БГСО и ГСО	В оборонных кружках	Значкистов
Всего	6 417	2 463	633	5 027	883	3 855	3 005

Источник: НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 19/183. Л. 105.

**«ДАТЬ СТРАНЕ ЧЕЛОВЕКА,
КОТОРЫЙ БЫ ВСЕ УМЕЛ — И ДЕЛАТЬ, И ДУМАТЬ»**

Начало работы Ю. В. Андропова в качестве первого секретаря ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР летом 1940 г. проходило одновременно с созданием в Петрозаводске Карело-Финского государственного университета. Университет формировался на базе бывшего Карельского педагогического института. В отдельную структуру выделился учительский институт в Петрозаводске. 2 сентября 1940 г. в университете начались занятия. На торжественном собрании присутствовал руководитель комсомола республики Юрий Андропов.

В связи с началом Великой Отечественной войны 23 июня 1941 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О мероприятиях по военной работе в комсомоле». В нем указывалось, что в связи с вероломным нападением германских фашистов на нашу страну ЦК ВЛКСМ требует от всех комсомольских организаций сплоченности, дисциплины, организованности, чтобы каждый комсомолец проникся ответственностью за порученное дело, помогал обеспечивать Красную армию всем необходимым для победы над врагом (см.: Товарищ комсомол, 1969: 3–5).

В республиканской газете «Ленинское знамя» было опубликовано обращение группы студентов Карело-Финского университета ко всем студентам с призывом идти добровольцами на фронт. Инициаторами этого почина стали студенты А. Поттоева, С. Фишман, Е. Власова, З. Ковыршина, Т. Ананина. Одновременно с подобной же инициативой к студентам и учащимся старших классов обратились учащиеся Петрозаводского педучилища (Ленинское знамя. 1941. 24, 25 июня).

Судьба многих студентов университета оказалась тесно связана с Ю.В. Андроповым — он занимался организацией подпольной работы на оккупированной территории. Годы войны нередко делали судьбы людей одновременно

и героическими, и трагическими. Одна из них — Татьяна Ананина. Девушка закончила финскую школу, хорошо знала язык. Она рано потеряла родителей, воспитывалась в интернате. Сначала училась в пединституте, затем поступила на второй курс историко-филологического факультета университета. В зачетной книжке филолога Ананиной — только отличные оценки. Она сотрудничала с редакциями республиканских газет, была членом комитета комсомола университета, в первые дни войны стала секретарем Октябрьского райкома комсомола Петрозаводска. 22 июля 1941 г. Татьяна Ананина выступила на собрании городского комсомольского актива. На собрании выступали также секретарь комитета комсомола Онегзавода будущий партизан Михаил Захаров и комсомольский руководитель республики Ю. Андропов.

В октябре 1941 г. Татьяна Ананина была направлена на разведывательную работу. После прохождения спецподготовки в ночь на 20 июня 1942 г. Татьяна Ананина в составе группы разведчиков была заброшена в тыл врага в Ведлозерский район. Почти два месяца звучали в эфире ее позывные с важными сведениями. Но в августа в бою с оккупантами погибли члены разведгруппы, а через несколько дней враги схватили и Татьяну. Начались допросы, страшные пытки. Ее морили голодом, запирали для устрашения в покойницкой. Но ничто не сломало ее волю, она даже не назвала своей настоящей фамилии. Ничего не добившись от девушки, оккупанты расстреляли ее 1 сентября 1942 г. Лишь через два десятилетия после окончания войны удалось установить подлинное имя подпольщицы. Подвиг Татьяны Ананиной служит примером мужества и любви к Родине. В дни празднования 20-летия великой Победы отважная разведчица была посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени (Считать выбывшими в РККА ... : Электронный ресурс. URL: <http://www.petrso.ru/60/history/ananina.htm>).

Другая судьба — Анна Кужиева. Ане к началу войны исполнилось двадцать лет. Закончив педагогическое училище, она поступила в пединститут, а затем на биологический факультет университета, в котором закончила два курса. Была направлена работать учителем в Каршевскую семилетнюю школу Пудожского района, но вскоре добровольно вступила в истребительный отряд, а затем стала медсестрой партизанского отряда «Боевой клич». Вместе с партизанами она стойко переносила все тяготы и испытания походной жизни и боевых операций партизан в тылу врага. В 1942 г. партизаны возвращались к линии фронта из трудного и далекого рейда, несли с собой раненых, отражая атаки преследовавшего их противника. В одном из таких боев 20 августа медсестра Анна Кужиева была смертельно ранена (Считать выбывшими в РККА ... : Электронный ресурс. URL: <http://www.petrso.ru/60/history/kugieva.htm>).

Непростой была военная судьба Елизаветы Сокка, студентки финно-угорского отделения историко-филологического факультета. В 1941 г. ее подготовили к работе в качестве военного переводчика. В начале 1943 г., когда Е. Сокка училась в университете, она получила вызов ЦК комсомола Карелии и направление в спецшколу. После войны Е. Сокка работала переводчиком финского языка в государственных учреждениях Москвы и Ленинграда (Считать выбывшими в РККА ... : Электронный ресурс. URL: <http://www.petrso.ru/60/history/girls.htm>).

С первых дней войны комсомольские организации республики выполнили большую организационную работу по привлечению студенческой молодежи на производство, в промышленность. Необходимо было решить проблему пополнения народного хозяйства квалифицированными кадрами в короткий срок. На плечи учащейся молодежи легла основная тяжесть работы на многих решающих участках, одним

из которых был Онежский машиностроительный завод. ЦК комсомола республики направил в промышленность 1930 человек из состава молодежи — студентов, учащихся техникумов. В результате проведенной организационной работы 40–50% занятых в промышленности республики составляла молодежь (Карельский государственный краеведческий музей. Рукописный фонд. Инв. № 416. С. 5; инв. № 53. С. 14).

В Карелии работа по оказанию помощи фронту осуществлялась в сложных прифронтовых условиях. На долю неоккупированных районов перед войной приходилось лишь 17% всей промышленной продукции, производимой в республике. Значительно сократилась численность населения Карелии — до 75 тыс. к началу 1942 г., т. е. ко времени стабилизации Карельского фронта (Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1975: 6, 8).

Участие студенческой молодежи в оказании помощи фронту имело большое военно-хозяйственное и общественно-политическое значение. В университете в июне 1941 г. заканчивался первый учебный год, обучалось 711 студентов. По социальному составу 81% первокурсников составляли рабочие и крестьяне. Почти 80% юношей первого курса, студентов старших курсов, перешедших в университет из института, имели рабочий стаж. Показательно, что почти треть студентов — историков и филологов третьего и четвертого курсов до поступления в университет работали сельскими учителями, избачами, библиотекарями, занимались общественной работой (Петрозаводский университет. 1981. 8 мая).

В первые же дни войны на состоявшемся в университете митинге студенты приняли резолюцию, в которой заявили, что готовы отдать все свои силы на защиту Родины, заменить на производстве ушедших на фронт. Выступившая на митинге студентка третьего курса Дебора Сапожникова объявила о готовности выполнить любое задание, честно и добросовестно,

с утроенной энергией работать на своем посту. Слова студента университета Семена Криворучко — «Мы будем работать так, как этого требует страна» — стали руководством к действию (Ленинское знамя. 1941. 5 июля).

В первый же день ушли в Красную армию 35 студентов-добровольцев (Петрозаводский университет. 1981. 8 мая). Те, кому было отказано в заявлении об отправке на фронт, пришли в комитет комсомола с просьбой направить их на работу на Онежский машиностроительный завод. Они понимали, что в связи с мобилизацией квалифицированных рабочих на фронт на производстве остается много свободных рабочих мест, которые необходимо заполнить. Девушки осваивали профессии и специальности, которые до войны считались чисто мужскими. Инициатором почина по овладению мужскими специальностями (токаря, фрезеровщика, слесаря) в Карелии выступила молодой токарь Онежского завода А. Бошакова (Ленинское знамя. 1941. 26 июня).

Как следует из докладной записки Ю. Андропова первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову «О перестройке работы комсомольских организаций республики на военный лад» (18 августа 1941 г.), в начале войны Петрозаводский горком комсомола направил на Онегзавод 66 студентов, в основном на завод пришли девушки (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 4. Л. 45). В числе первых включившихся в соревнование по овладению производственными профессиями были студентка третьего курса отделения финно-угорских языков Вера Олыкайнен, филолог Унельма Конкка, Нина Мельникова, Мария Семенова (Ленинское знамя. 1941. 1, 11, 17 июля).

Называя Онежский завод «второй линией фронта», студентки поклялись работать за двоих и слово свое сдержали. Овладев сложными профессиями токаря и фрезеровщика, через короткое время они не только выполняли, но и перевыполняли утвержденные нормы. Токари Н. Мельникова

и К. Иудина, фрезеровщик У. Конкка уже в середине июля 1941 г. выполняли задания на 110–120%. Вера Олыкайнен всего за десять дней освоила профессиональное мастерство на токарном станке под руководством опытного наставника — мастера сборочного цеха Л. Горлова. 9 июля девушка выполнила двойную норму, 200% выработки стали для нее ежедневной нормой (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 4. Л. 45; Онежец. 1941. 2 июля; Ленинское знамя. 1941. 1, 16, 17 июля).

Стремление молодых патриотов помочь фронту, стране в трудное военное время повысило ответственность, дисциплинированность и организованность студентов. Участие студентов в оказании помощи фронту являлось для молодежи хорошей школой воспитания гражданственности и патриотизма. Выполняя дневную норму, студенты проявляли заинтересованность в результатах общего труда коллектива цеха и завода. «У нас нет еще опыта в работе, — отмечали Н. Мельникова и М. Семенова, — но есть главное — желание работать» (Ленинское знамя. 1941. 17 июля). Свою главную задачу студентки видели в том, чтобы постоянно совершенствовать процесс работы, чтобы повысить производительность труда, улучшить качество продукции. Студент В. Зотиков, работая на Онегзаводе, особо подчеркивал, что каждый день учится и совершенствуется в своей новой профессии (Ленинское знамя. 1941. 15 августа).

Высокое чувство патриотизма и ответственности студентов университета, пришедших на производство, проявилось в том, что они обратились через республиканскую газету «Ленинское знамя» к учащейся молодежи Карелии — студентам, учащимся техникумов, школьникам старших классов — с призывом идти на трудовой фронт — в колхозы, на заводы и фабрики, чтобы овладеть производственной профессией, заменить ушедших на фронт, своим трудом в тылу помочь армии. С этой инициативой выступили студентки В. Олыкайнен

и У. Конкка. Студентка первого курса университета В. Подхомотова призвала последовать примеру студенток университета и обратилась к комсомолкам республики с призывом «Комсомолки — на производство!» (Молодой большевик. 1941. 29 июня, 11 июля).

Важно отметить, что подобные инициативы и почины молодежи в военное время имели неоценимое значение. Они давали, как правило, начало массовому движению молодежи, вызывали у молодежи потребность помочь фронту на любом участке тыла. Так, в ответ на призыв студенток университета на Онежский завод пришли учащиеся педагогического училища Кирилов, Власова, Визюркина, учащиеся кооперативного техникума Попов, Деев, Филиппов, Харьбин. В это тяжелое время везде требовались рабочие руки. Учащийся кооперативного техникума Г. Елин работал на заводе техникум-связистом, группа учащихся этого же техникума — в охране завода (Ленинское знамя. 1941. 2, 5 июля).

Особенно сложные задачи приходилось решать в области сельского хозяйства. После эвакуации большинства колхозов и совхозов на восток, оккупации наиболее развитых в сельском хозяйстве южных районов Карелии к началу 1942 г. из 1100 колхозов, работавших в республике в довоенные годы, осталось лишь 174, от 12 совхозов — всего 6. В колхозах насчитывалось немногим более трех тысяч трудоспособных работников, около 80% из них составляли женщины (Шпак, 1975: 219).

Учитывая острый недостаток рабочей силы в колхозах и совхозах республики, часть студентов пошла работать в сельское хозяйство. Выпускники учительского института Л. Бабкина, И. Спиридонов, Я. Солодий после сдачи выпускных государственных экзаменов сразу же прибыли в сельскую местность по распределению, чтобы лето отработать на полях колхоза. В родной колхоз вернулись учащиеся кооперативного

техникума Карцев и Орефьев. Студентка университета Виено Ахокас, отправляясь в колхоз, заявила: «Буду работать в поле так же отлично, как и училась в университете» (Ленинское знамя. 1941. 2 июля, 22 августа; Молодой большевик. 1941. 12 июля).

Патриотами своей страны, инициаторами движения за овладение военно-санитарным делом выступили студентки учительского института. 72 студентки института и университета записались на курсы медсестер, чтобы освоить эту специальность и работать на одном из важных участков тыла — в военных госпиталях. Среди них: Ж. Чикалева, В. Иванюженко, К. Фомина, С. Онякова, О. Сквородникова, А. Лепилова, П. Балагурова, Н. Артеменкова и др. (Ленинское знамя. 1941. 22 августа; Молодой большевик. 1941. 12 июля).

Студентки записывались в народное ополчение, чтобы освоить военную специальность. К. Иудина, М. Семенова, Н. Мельникова стали командирами отделений. Свою задачу они видели в том, чтобы ополченцы успешно освоили военное дело и при необходимости с оружием в руках встали в ряды защитников Родины (Ленинское знамя. 1941. 17 июля).

Одной из эффективных форм патриотических починов молодежи в помощь фронту стали комсомольско-молодежные воскресники. Активное участие студенты приняли в первом Всесоюзном комсомольско-молодежном воскреснике 17 августа 1941 г. Студенты успешно справились с поставленной задачей на одном из самых сложных участков — на выгрузке древесины из воды и из барж, выкатке ее на берег, укладке дров в штабеля. Бригада университета, возглавляемая ректором Константином Дмитриевичем Митропольским, добилась лучших показателей труда, выполнив задание на 150% (Страницы истории комсомола Карелии, 1978; Карельский государственный краеведческий музей. Рукописный фонд. Инв. № 416. С. 7).

Таким образом, первые же месяцы Великой Отечественной войны были отмечены массовым движением студенческой молодежи в помощь фронту. Вынужденная эвакуация университета не остановила начавшуюся в первые дни войны перестройку работы вуза в соответствии с новыми военными условиями.

В связи с начавшейся эвакуацией резко сократилась численность студентов и учащихся техникумов. Общий контингент учащейся молодежи составлял до войны более 100 тысяч — около 1/6 всего населения Карелии (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 4/39. Л. 1; Д. 4/40. Л. 14). В довоенный год работали два высших учебных заведения, 14 техникумов. После начала военных действий были временно закрыты Петрозаводский учительский институт (в июле 1941 г.), все техникумы, за исключением лесотехнического, который эвакуировался в г. Тотьму Вологодской области (НА РК. Ф. Р-1174. Оп. 1. Историческая справка; Ф. Р-2995. Оп. 1. Историческая справка; Ф. Р-2967. Историческая справка; Ф. Р-393. Оп. 3. Историческая справка).

Крупнейшее учебное учреждение Карелии — государственный университет — в конце августа — начале сентября 1941 г. был перебазирован в г. Сыктывкар Коми АССР. Студенты и преподаватели университета поддерживали прочную связь с Карелией. Первоначально с университетом эвакуировались только студенты выпускного курса, все остальные остались на оборонных работах. Эвакуация в Сыктывкар продолжалась с 28 августа по 10 октября 1941 г., т. е. полтора месяца (на обратный путь в 1944 г. понадобилась всего неделя — с 30 июля по 7 августа) (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 3/36. Л. 5–6).

Трудности, связанные с эвакуацией и работой на новом месте, осложнялись целым рядом факторов: во-первых, резким сокращением численности студентов: новый учебный год в Сыктывкаре 1 ноября 1941 г. начинали 56 студентов (Петрозаводский университет. 1965. 7 мая). Вследствие этого

университету пришлось производить набор студентов в Коми АССР, Вологодской и Архангельской областях. Во-вторых, значительная часть преподавателей и студентов университета ушли в Красную армию, в том числе руководители университета: ректор Т. И. Лехен, декан историко-филологического факультета М. Г. Никулин, председатель профкома Иван Жилин и др. (Петрозаводский университет. 1981. 8 мая).

Численность комсомольской организации университета значительно сократилась: к концу 1941 г. в организации насчитывалось около 50 членов. Из состава студентов на фронт ушли 47% процентов физиков и математиков, больше половины историков и филологов (из 336 студентов самого большого факультета), половина студентов биофака, более 85% геологов — в целом более 2/3 всех студентов университета (Петрозаводский университет. 1965. 7 мая; 1981. 24 апреля, 8 мая). Вследствие сокращения комсомольской организации университета она работала в этот период в составе объединенной организации с Коми педагогическим институтом. Планомерная, кропотливая деятельность по мобилизации комсомольцев университета на выполнение задач военного времени осуществлялась под руководством вновь избранного бюро ВЛКСМ (секретарь Н. Силкина).

Постоянно поддерживались отношения университета с Карелией. Инспекторская проверка работы университета регулярно осуществлялась специальной комиссией Наркомпроса Карелии. Особое внимание обращалось на необходимость улучшения идейно-политического воспитания студентов. В этой связи была поставлена задача: в процессе преподавания учебных дисциплин использовать материалы о войне. Преподаватели стремились насыщать лекции примерами из жизни фронта и тыла, чтобы учебные занятия волновали студентов, вызывали потребность помочь фронту. Росту инициативы и активности студентов университета способствовало соревнование с Коми пединститутом,

начавшееся в 1942 г. (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/150. Л. 30). Усиление идейно-политической работы создавало целенаправленность в занятиях студентов и их помощи фронту.

В 1942 г. произошли заметные изменения в студенческой среде. Возвращались в университет после лечения в госпиталях студенты-фронтовики. Они рассказывали о суровых буднях войны, о героизме бойцов и командиров на передовой, о сложной обстановке на фронте. Их принципиальность и чувство гражданского долга являлись замечательным примером для всех студентов, побуждали каждого внести свой вклад в разгром врага, почувствовать сопричастность к общему делу и стать участником Великой Отечественной войны (НА РК. Ф. Р-1178. Оп. 2. Д. 4/42. Л. 12; Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 16/160. Л. 45). Стремление помочь фронту воплотилось в ударном труде на сплаве в июле — августе 1942 г., на уборке картофеля и капусты, на подвозке дров.

За два военных года студенты университета научились совмещать успешную учебу с самоотверженной работой по оказанию помощи фронту. Значительно улучшилось качество учебной и воспитательной работы. Итоги первого семестра 1942/1943 учебного года в университете были следующие: 58,4% отличных оценок, 25,3% — хороших и лишь 2,7% — неудовлетворительных (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/150. Л. 60). В студенческой среде нашел отклик студенческий антифашистский митинг в Москве, проведенный в ноябре 1942 г. Участники этого митинга обратились к студенчеству страны с призывом настойчиво овладевать знаниями — Родине требовались сотни тысяч квалифицированных специалистов во всех отраслях науки, техники, культуры.

Ю. В. Андропов получал информацию из Сыктывкара из писем своей коллеги по работе в Ярославском обкоме комсомола Анны Рыбаковой. С 1942 г. она работала секретарем по пропаганде Коми обкома комсомола. А. Рыбакова информировала Андропова о делах эвакуированной молодежи из Карелии: в эвакуации в Сыктывкаре находились не только студенты, но и карельские школьники.

В 1943 г. активная подготовка к летним работам в отличие от предыдущего года началась заранее: в январе 1943 г. в учебный план были введены новые предметы — «Сплавное дело» (50 часов) и «Сельскохозяйственное производство», открылись автокурсы. В результате проведенной в течение второго семестра 1942/1943 учебного года подготовки работа студентов и преподавателей университета на сплаве в 1943 г. была организована более эффективно. Студенты работали в Трехозерной запани и водном цеху Сыктывкарского лесозавода № 1. С 16 июня по 24 сентября университет полностью отвечал за выполнение производственной программы завода — выкатку из воды 8 тыс. бревен в сутки (т. е. 3 тыс. кубометров древесины). В течение летнего периода 1943 г. студенты выработали 3916 норм при 3165 трудоднях (т. е. обеспечили 107% ежедневной выработки) (НА РК. Ф. Р-1178. Оп. 2. Д. 4/42. Л. 9; Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 16/160. Л. 45, 61).

Студенты стойко переносили бытовые лишения. Многие были физически истощены из-за постоянного недоедания и недосыпания, не имели помощи из дома и жили на стипендию и студенческий паек (400 граммов хлеба). До войны женский труд не применялся на лесозаводе вообще, сейчас же девушки-студентки составляли главную рабочую силу, причем студентки М. Русанова, И. Мякеля, П. Якконен, И. Ренквист выработали по 71 трудодню при норме 50 трудодней (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 16/160. Л. 61). Работали в две смены — дневную и ночную, по 12 часов каждая — и в дождь, и в холод, в сентябре даже в снег. Несмотря на эти трудности, недостаточное питание, студенты не уходили с рабочего места, показывая высокую производительность труда, а после смены интересовались итогами рабочего дня или ночи. Некоторые бригады выполняли нормы выработки по 120% и более. «Программа напряженная, — отмечал ректор университета К. Д. Митропольский, — и это чувствуют товарищи и теперь

крепко взялись за работу. *Без труда не вырастить честных людей, не дать стране человека, который бы все умел — и делать, и думать* (курсив наш. — Ю. В.)» (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/150. Л. 99). В этой замечательной фразе руководитель университета, педагог по специальности (он являлся также зав. кафедрой педагогики) выразил важнейшую государственную установку, связанную с обучением и воспитанием студенчества — будущего потенциала страны.

Выполнение важной государственной задачи потребовало от студентов исполнительности и дисциплины, закалило их волю, настойчивость, инициативу и умение трудиться. По отзыву руководства завода, коллектив студентов и преподавателей университета «как бы врос в поточную систему завода, стал понимать и обсуждать завод в целом, по-государственному» (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 16/160. Л. 61).

Реализации напряженной программы способствовало соревнование. Соревнование студентов проходило на нескольких уровнях: внутри бригады между ее членами, между бригадами, между сменами. Такая организация позволяла улучшить показатели, перенимать передовой опыт лучших бригад, стимулировать студентов на достижение более высоких рубежей. После трудового дня передовые бригады получали поощрение в виде традиционного пирога. Сам директор завода подносил его на широком блюде, на полотенце и в присутствии всех рабочих вручал пирог отличившейся бригаде. Студенты, перевыполнившие нормы, получали право на дополнительный «стахановский» обед.

На торжественном заседании в Доме народного творчества, посвященном окончанию сплавных работ, в выступлениях руководителей Коми АССР подчеркивалось, что студенты университета блестяще выполнили государственное задание. Студенты П. Якконен, И. Мякеля, М. Миронова, И. Ренквист, М. Русанова, В. Серикова и В. Суханова были награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Республики Коми.

Но не только на сплавных работах отличились студенты университета летом 1943 г. Патриотическое движение в помощь фронту находило выражение в самых различных формах. Важное оборонное значение имела работа студентов геологического факультета в экспедициях на Северном Урале по изысканию полезных ископаемых — железа, полиметаллов, нефти и газа. Геологические работы требовали тяжелого физического труда. В летний период 1943 г. часть студентов работала в сельском хозяйстве: полевую практику биологов заменили сельскохозяйственными работами. Все студенты подписались на военный заем и денежно-вещевую лотерею. Активная помощь оказывалась семьям фронтовиков в перевозке топлива, по-ударному трудились студенты на уборке овощей, разгрузке барж, корчевании леса, мотыжении полей, прокладке шоссейных дорог. Немало труда студенты вложили в разработку подсобного хозяйства университета площадью более 20 гектаров.

Большое влияние на повышение студенческой активности оказало изменение стратегической обстановки на фронте: победа в Сталинградской битве положила начало коренному перелому в Великой Отечественной войне. Героизм, самоотверженность, чувство долга перед Родиной братьев, отцов, бывших однокурсников, сражавшихся на фронте, придавали силы и укрепляли трудовой энтузиазм студентов. Студенчество университета считало своим патриотическим долгом ответить на исторические победы в Сталинградской битве, на Курской дуге новым подъемом движения по оказанию помощи фронту.

Ответственность студентов повысило введение книжек «Личный счет студента в помощь фронту», в которые вносились показатели вклада каждого студента в общее патриотическое дело. Ударный труд студентов в летний период 1943 г. способствовал развитию общественной активности студентов.

В Договоре о соревновании университета и Коми педагогического института на 1943/1944 учебной год, принятом 1 октября 1943 г., студенты выразили готовность заниматься любой работой, необходимой для помощи фронту (НА РК. Ф. Р-1178. Оп. 2. Д. 4/42. Л. 13).

Главным критерием общественной активности комсомольцев стал труд на сплаве. Поэтому на выборах комитета комсомола университета комсомольцы избрали в его состав лучших студентов из своего рабочего коллектива. Секретарем комсомольского комитета стала председатель рабочкома на сплаве стахановка Валентина Суханова. Повышению активности студентов в оказании помощи фронту способствовало выделение комсомольской организации университета в самостоятельную организацию в октябре 1943 г. (до этого существовала объединенная организация с Коми пединститутом). Выделение самостоятельных организаций создавало благоприятные условия и возможности для развития соревнования с пединститутом. В родной университет возвращались студенты-фронтовики. Одним из них был В. Блинов. После ранения и лечения в госпитале он прибыл в университет, стал председателем профкома и членом комитета комсомола. Возвращение фронтовиков способствовало укреплению комсомольской организации.

Формой помощи фронту являлась подготовка боевых резервов из числа студентов. Военное обучение рассматривалось в качестве одной из важных задач, поставленных руководством страны перед студенчеством: освоение военной специальности вменялось в обязанность каждому студенту во время обучения в высшем учебном заведении (Правда. 1942. 13 сентября). Такая задача ставилась для того, чтобы студент, подготовленный в военном деле, при необходимости в любую минуту мог взять в руки винтовку, автомат, пулемет, стать боевым командиром.

Студенты проходили военную подготовку на военной кафедре университета. Во всеобщем обучении студентов произошли существенные изменения: еще год назад вообще не было никаких кружков всеобщего обучения. В соответствии с планами всеобщего обучения к осени 1943 г. все студенты сдали нормы ПВХО («Противовоздушная и химическая оборона») и ГСО («Готов к санитарной обороне»), многие также сдали нормативы ВС («Ворошиловский стрелок») и ГТО («Готов к труду и обороне»). В университете работали кружки пулеметчиков и автоматчиков, стрелков, лыжников и др. (НА РК. Ф. Р-1178. Оп. 2. Д. 4/44. Л. 51; Д. 3/35. Л. 30; Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/150. Л. 61).

Студенты, уходившие на фронт в 1942/1943 учебном году, были обучены военному делу. В 1942 г. на фронт ушли около 30 студентов и преподавателей университета, в 1943 г. — еще 10 человек, среди них были и те, кто добился отправки на фронт, несмотря на отсрочку по ранению (Петрозаводский университет. 1981. 8 мая). Стойко сражались с врагом на Сталинградском фронте пулеметчики К. Скворцов и В. Полукеев, павшие смертью храбрых в 1943 г. Пулеметным взводом командовал И. Безруков — он геройски погиб под Воронежем. Пулеметчиками ушли на фронт студенты Т. Ахава и В. Блинов. В 1943 г. из 16 студентов-мужчин в университете 15 являлись инвалидами войны (НА РК. Ф. Р-1178. Оп. 2. Д. 4/44. Л. 53). Поэтому в этот период особое внимание уделялось военной подготовке девушек: студентки обучались на военной кафедре по специальностям сандружинниц, телеграфисток, телефонисток, радисток. Университет готовил в тылу боевой резерв.

Следует отметить важное обстоятельство: с начала 1944 г. призыв студентов и преподавателей в армию прекратился: необходимо было сохранить интеллектуальный и научный потенциал для будущего развития страны (Правда. 1944. 9 марта, 19 мая).

Около трех лет работал университет в Сыктывкаре, только в июле 1944 г. началось возвращение в освобожденный Петрозаводск. Оккупанты разрушили город, в том числе здание университета, которое представляло собой груды развалин. Поэтому первоочередной задачей являлось восстановление столицы Карелии. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) о неотложных мерах по восстановлению хозяйства в освобожденных районах студенты также привлекались к восстановительным работам.

Материальные условия в вузе в этот период продолжали оставаться тяжелыми: занимались в две смены, не хватало топлива, электроэнергии, с перебоями работал водопровод, отсутствовали необходимые материалы и оборудование. Нередко из-за холода студенты сидели на лекциях в пальто. Учебу приходилось совмещать с разгрузкой барж с дровами (История Карело-Финского (Петрозаводского) государственного университета ... : Электронный ресурс. URL: <http://www.petrso.ru/General/History/war.html> (дата обращения: 30.05.2014).

Продолжая свои трудовые традиции, студенчество университета обратилось к молодежи родного города с призывом в короткий срок восстановить здание университета. При обязательной норме на восстановительных работах — 10 часов в месяц — каждый комсомолец взял на себя личное обязательство отработать не менее 20 часов в месяц в свободное от учебы время (Летопись комсомола Карелии, 1980: 53). Многие студенты имели личные книжки восстановителей города. Такие книжки получали особо отличившиеся на восстановительных работах. В их числе — Дина Мальцева, Роза Осипова, Диана Клячина. Кроме участия в восстановительных работах все студенты университета отработали также по 10–12 трудовых дней в подсобном хозяйстве. В восстановлении разрушенных городских объектов, в работе на полях подсобного хозяйства, заготовке дров отличились студенты

историко-филологического факультета, особенно группа филологов второго курса, которая была отмечена в приказе ректора и награждена подарками.

Важным фактором трудового энтузиазма студенческой молодежи Карелии по оказанию помощи фронту на протяжении всего военного периода являлись внимание и забота государственных и общественных организаций (Наркомпроса, ЦК ЛКСМ КФССР), руководства университета. Высшее учебное заведение имело возможность из года в год пополнять состав студентов. Динамика количественного состава свидетельствует о постоянном увеличении контингента: к концу 1942/1943 учебного года в университете училось 136 студентов (в том числе 126 женщин), в начале следующего 1943/1944 учебного года набор составил 201 студент (из них 181 женщина), а в начале 1944/1945 учебного года был принят 271 студент, 142 человека являлись комсомольцами. Состав студентов был интернациональным: 207 русских, 12 финнов, 9 карел, 27 коми, 6 украинцев, 1 немец, 4 еврея, 2 белоруса, по одному — эстонец, татарка, мордовка. Положительная динамика роста численности студентов проявлялась ежегодно по каждому из четырех факультетов: историко-филологического, биологического, физико-математического, геологического (см.: приложение 5).

Несмотря на сложные военные условия, успешная учеба рассматривалась главной задачей студента. Нелегко было учиться, но успеваемость студентов в военные годы составила 92%, процент хороших и отличных оценок — 84%. Это был тоже труд во имя будущего. За годы войны университет подготовил 75 квалифицированных специалистов (в том числе в 1942 г. — 22 человека, в 1943 г. — 14, в 1944 г. — 33 выпускника (НА РК. Ф. Р-1178. Оп. 2. Д. 4/44. Л. 2; Д. 4/55. Л. 2; Д. 6/73. Л. 3; Петрозаводский университет. 1981. 8 мая).

В годы Великой Отечественной войны студенты не могли остаться в стороне от всенародного движения в помощь фронту. В суровое военное время студенчество Карело-Финского государственного университета по собственной инициативе отказалось от летних каникул, чтобы это время использовать для ударного и самоотверженного труда в народном хозяйстве, помочь стране и фронту. Студентов воодушевлял личный пример их преподавателей и ректора университета К. Д. Митропольского, работавших на сплаве вместе со студентами. «Сам же я тоже хожу с мозолями, багор часто бывает в моих руках. Более того, я научился им владеть, и неплохо», — писал К. Д. Митропольский из Сыктывкара в Карелию (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 15/150. Л. 99).

Патриотическое движение студентов университета было поддержано учащимися педагогического училища, которое вновь открылось в г. Пудожье в 1942 г. Учащиеся педучилища отличились в заготовке дров, организовали рыболовную бригаду, участвовали в воскресниках, заработанные на них деньги передавали на строительство танковой колонны, санитарного самолета. В 1942/1943 учебном году патриотические дела 125 учащихся педучилища в Пудожье выразились в следующих показателях: собрано 1200 кг ягод, 450 кг грибов, в фонд обороны сдано к 25-й годовщине Октябрьской революции 4077 руб., к 25-й годовщине Красной армии на танковую колонну — 2072 руб., на санитарный самолет — 750 руб., на авиаэскадрилью «Комсомолец Карелии» — 700 руб. Учащиеся училища участвовали в сдаче норм на оборонные значки: нормы ПВХО успешно сдали 121 человек, ГТО — 52, ВС — 47, с лыжными нормативами справились 98 человек. В училище подготовили 18 автоматчиков, четверо из которых ушли в Красную армию. Весной и летом шесть бригад учащихся своими силами заготовили дрова для отопления училища: из реки было поднято и сложено в штабеля 1020 кубометров дров (НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 16/161. Л. 59–60, 83, 202).

После восстановления и открытия в ноябре 1943 г. в Кеми учительского института студенты всех трех факультетов (92 студента) сразу же включились в патриотическое движение. После возвращения института в освобожденную столицу республики они проявили себя на восстановительных работах (осенью 1944 г. в институте обучалось 128 студентов, из них 125 женщин). На городских объектах студенты и сотрудники учительского института выработали 6 тыс. часов. 90 человек получили книжки восстановителей города (НА РК. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 9; Д. 1/4. Л. 18).

В освобожденный Петрозаводск возвратились из Пудожа педагогическое училище и сельскохозяйственный техникум, из вологодской Тотьмы — лесотехнический техникум. Вновь возобновили работу кооперативный и педагогический техникумы, открылся новый архитектурно-строительный техникум.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин отмечал, что «напряженный труд советской молодежи, наблюдавшийся повсюду и ежедневно, говорит о том, что наше молодое поколение в суровое время войны очень выросло в политико-моральном отношении» (Калинин, 1956: 347). Эти слова в полной мере относятся к студенческой и учащейся молодежи Карелии. Привлекает внимание тот факт, что Ю. В. Андропов неоднократно обращался в своих брошюрах и статьях к идеям, высказанным М. И. Калининным в отношении патриотизма и воспитания молодого поколения.

Особый вклад в общее дело внесли студенты Карело-Финского государственного университета. Патриотическое движение студентов находило выражение в различных формах: в первые месяцы войны — ударный труд на Онежском заводе, в сельском хозяйстве, в военных госпиталях, на воскресниках в фонд обороны, на оборонных работах; в эвакуации в Сыктывкаре — на тяжелых сплавных работах, в сельском хозяйстве, на промышленных предприятиях, в госпиталях;

в заключительный период войны в освобожденном Петрозаводске — на восстановительных работах. Вся деятельность университета была подчинена требованиям военного времени. В тылу студенты изучали военное дело, готовясь встать в ряды защитников Родины. Осуществляя постоянную помощь фронту, университет успешно выполнял свою главную задачу — подготовку специалистов.

В годы войны университет, учительский институт, техникумы пополнялись выпускниками школ Карелии. С другой стороны, многие выпускники высших и средних специальных учебных заведений направлялись в систему просвещения, работали учителями, воспитывали подрастающее поколение. В этом проявлялась преемственность традиций обучения и воспитания советской молодежи.

Юрий Владимирович Андропов обучался в Карело-Финском университете заочно на историческом отделении историко-филологического факультета в 1947–1951 гг. (Известные люди, обучавшиеся в Петрозаводском университете ... : Электронный ресурс. URL: <http://www.petrtsu.ru/70/exhibition.html> (дата обращения: 30.05.2014). В эти годы он работал вторым секретарем ЦК КП(б) КФССР. Но Карело-Финский университет окончить не успел: на четвертом году учебы был переведен в Москву. В выданной ему справке 10 июля 1951 г. перечислены 24 сданных экзамена (все отлично) и 5 зачетов (Шлейкин, 2014: 258).

Литература

Известные люди, обучавшиеся в Петрозаводском университете. 70 лет ПетрГУ: Юбилейная выставка [Электронный ресурс] // Официальный сайт Петрозаводского государственного университета. URL: <http://www.petrso.ru/70/exhibition.html> (дата обращения: 30.05.2014).

История Карело-Финского (Петрозаводского) государственного университета в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Официальный сайт Петрозаводского государственного университета. URL: <http://www.petrso.ru/General/History/war.html> (дата обращения: 30.05.2014).

Калинин М. И. (1956) *О коммунистическом воспитании*. М. : Молодая гвардия. 382 с.

Карелия в годы Великой Отечественной войны. (1975) Документы и материалы. Петрозаводск : Карелия. 447 с.

Летопись комсомола Карелии. (1980) 1920–1980. Петрозаводск : Карелия. 149 с.

Страницы истории комсомола Карелии. (1978) Документы и материалы. Петрозаводск.

Считать выбывшими в РККА. История Карело-Финского (Петрозаводского) государственного университета в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Официальный сайт Петрозаводского государственного университета. Книга Памяти. URL: <http://www.petrso.ru/60/history/girls.htm> (дата обращения: 30.05.2014).

Товарищ комсомол. (1969) Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. М. : Молодая гвардия. Т. 2. (1941–1968). 496 с.

Шлейкин Ю. В. (2014) *Андропов. Карелия. 1940–1951...: биографическая хроника*. Петрозаводск : Острова. 288 с.

Шпак А. А. (1975) *Подвиг юности: Комсомол Карелии в Великой Отечественной войне*. Петрозаводск : Карелия. 248 с.

REFERENCES

Izvestnye liudi, obuchavshiesia v Petrozavodskom universitete. 70 let PetrGU: Iubileinaia vystavka [Famous people who have trained in Petrozavodsk State University / 70 years of the University : Anniversary Exhibition. Online]. *Ofitsial'nyi sait Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [The official website of the Petrozavodsk State University]. Available at: <http://www.petrso.ru/70/exhibition.html> (accessed 30.05.2014). (In Russ.)

Istoriia Karelo-Finskogo (Petrozavodskogo) gosudarstvennogo universiteta v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [History of the Karelian-Finnish (Petrozavodsk) State University in the Great Patriotic War. Online]. *Ofitsial'nyi sait Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [The official website of the Petrozavodsk State University]. Available at: <http://www.petrso.ru/General/History/war.html> (accessed 30.05.2014). (In Russ.)

Kalinin M. I. (1956) *O kommunisticheskom vospitanii* [About the communist upbringing]. Moscow : Molodaya gvardia Publ. 382 p.

Kareliia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. (1975) Dokumenty i materialy [Karelia during the Great Patriotic War. Documents and Materials]. Petrozavodsk : Karelia. 447 p. (In Russ.)

Letopis' komsomola Karelii. (1980) [Annals of Komsomol Karelia]. 1920–1980. Petrozavodsk : Karelia. 149 p.

Schitat' vybyvshimi v RKKa. Istoriia Karelo-Finskogo (Petrozavodskogo) gosudarstvennogo universiteta v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Consider the departed to the Red Army. History of Karelian (Petrozavodsk) State University during the Great Patriotic War. Official site of Petrozavodsk State University. Memorial Book] [online]. Available at: <http://www.petrso.ru/60/history/girls.htm> (accessed 30.05.2014).

Tovarishch komsomol. (1969) Dokumenty s'ezdov, konferentsii i TsK VLKSM. T. 2. [Comrade Komsomol. Documents Congresses, Conferences and Central Committee of the Komsomol. Vol. 2] (1941–1968). Moscow : Molodaya gvardia Publ. 496 p.

Shleikin Yu. V. (2014) *Andropov. Kareliia. 1940–1951 ... : biograficheskaia khronika* [Andropov. Karelia. 1940–1951 ... : biographical chronicle]. Petrozavodsk : Ostrova Publ. 288 p. (In Russ.)

Shpak A. A. (1975) *Podvig iunosti: Komsomol Karelii v Velikoi Otechest-vennoi voine* [Feat youth: Komsomol of Karelia in the Great Patriotic War]. Petrozavodsk : Karelia. 248 p.

**Контингент студентов
Карело-Финского государственного университета
в годы Великой Отечественной войны**

Факультет	Конец 1942/1943 уч. года	Начало 1943/1944 уч. года	Начало 1944/1945 уч. года
Историко-филологический	54	74	115
Биологический	33	41	67
Физико-математический	14	20	26
Геологический	35	66	63
Итого	136	201	271

Источники: НА РК. Ф. Р-1178. Оп. 2. Д. 2/23. Л. 3; Д. 4/54. Л. 33; Д. 4/44. Л. 2; Д. 4/55. Л. 6; Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 16/160. Л. 4, 6, 96; Д. 15/151. Л. 12.

Заключение

Последней аналитической информацией, отправленной Ю. В. Андроповым в адрес руководства ЦК ВЛКСМ в августе 1944 г., после освобождения Карелии, являлся отчет «О работе комсомола Карело-Финской ССР в дни Отечественной войны». В этом объемном докладе (35 страниц машинописного текста, которые до сих пор находятся в режиме секретного хранения) нет разделов о подпольной работе и партизанской деятельности на оккупированной территории. Вероятно, для этого были весомые основания — еще не пришло время раскрыть неизвестные страницы деятельности комсомола Карелии и его руководителя, с Финляндией готовилось подписание перемирия, которое было заключено в Москве 19 сентября 1944 г. Война с Финляндией закончилась, но до победы над гитлеровской Германией и ее союзниками было еще далеко.

Последнее обстоятельство сегодня получило продолжение в мифотворчестве с финской стороны, которое связано не столько с историей, сколько с политикой. Именно в таком контексте обсуждаются так называемые спорные вопросы, особенно истории Великой Отечественной войны. Недавно известный финский историк член-корреспондент Финляндской академии наук и искусств, профессор Университета Хельсинки Тимо Вихавайнен заявил, что «Финская доктрина» в годы Второй мировой войны сводилась к формуле: страна ведет войну вместе с Германией, но не в союзе с Германией. Оказывается, что переговоры между Финляндией и Германией осенью 1941 г. проводились по поводу сотрудничества, но не о военном союзе. Понималось это так, что Финляндия и Германия ведут «общую войну против СССР на севере, но не имеют при этом общих целей». Логика рассуждения весьма странная. При этом утверждается: сегодня «большая часть финнов

полагает, что это была самостоятельная война, война между СССР и Финляндией, а Гитлер воевал отдельно» («Германия и СССР воспринимались в Финляндии одинаково» ... : Электронный ресурс). В русле подобных утверждений даже в нейтральной Финляндии переворачивается интерпретация вопроса об оккупационном режиме на территории Советской Карелии (в Восточной Карелии, по финскому определению).

Последний отчет Ю. В. Андропова свидетельствует о том, насколько обширна была его деятельность как руководителя молодежной организации союзной республики СССР в годы войны. По мобилизации комсомола на предприятия пришли более 5 тыс. молодых рабочих. 1500 девушек освоили мужские профессии. Более 5 тыс. комсомольцев республики получили ордена и медали (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 259. Л. 2, 3, 6). Комсомол занимался вопросами лесной промышленности, сельского хозяйства, рыбного промысла, охраны населенных пунктов и тыловых объектов оборонного значения (совместно с НКВД республики), военно-учебными пунктами, всеобучем, массово-политической работой, школами и другими учебными заведениями, а также многими другими направлениями. ВЛКСМ стал единственной общественной организацией в СССР, награжденной орденом Ленина в годы Великой Отечественной войны.

В этой многогранной работе комсомола Карелии было немало достойных страниц. Выделим одну из них. 25 апреля 1943 г. на имя первого секретаря ЦК ЛКСМ Ю. В. Андропова пришла телеграмма Председателя ГКО И. В. Сталина с выражением благодарности молодежи КФСР за работу по сбору средств в помощь Красной армии. В телеграмме говорилось: «Передайте комсомольцам и молодежи Карело-Финской ССР, собравшим 1 191 000 рублей на строительство вооружения для Красной Армии, мой горячий привет и благодарность Красной Армии» (цит. по: Шлейкин, 2014: 99).

Ко времени освобождения Карелии от финских оккупантов заметно помолодевший карельский комсомол увеличился вдвое в сравнении с началом 1942 г. В январе 1944 г. молодежная организация в республике насчитывала 4590 комсомольцев, в апреле 1944 г. — 5900 членов (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 188. Л. 76; Д. 259. Л. 4).

11 октября 1944 г. Ю. В. Андропов приступил к работе в должности второго секретаря Петрозаводского горкома КП(б) КФССР (фактически руководителя городской организации, поскольку должность первого секретаря горкома совмещал в одном лице первый секретарь ЦК партии Куприянов). Ему довелось руководить возрождением столицы республики, основательно разрушенной в период оккупации. В 1947 г. Андропов стал вторым секретарем ЦК КП(б) КФССР. У партийного руководителя республики Г. Н. Куприянова в те годы возражений не было никаких.

Для Андропова как руководителя организации были неприемлемы шаблон, стереотип и формальное отношение к делу. В его работе преобладал напряженный интеллектуальный труд, требующий постоянного поиска новых форм и методов работы с учетом конкретной обстановки и условий. Следует отметить, что после ухода Андропова в руководстве карельского комсомола возникли серьезные кадровые проблемы. Об этом свидетельствовало Постановление бюро ЦК ВЛКСМ от 25 августа 1945 г. «О работе ЦК комсомола КФССР». Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов в ходе обсуждения вопроса на бюро говорил о необходимости «укрепить ЦК ЛКСМ кадрами» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 219. Л. 59).

Ю. В. Андропова отличало не только редкое умение подбирать комсомольские кадры. Он не забывал о них и в последующие годы. Андропов определил судьбы многих своих товарищей, с которыми приходилось работать в годы Великой Отечественной войны. После освобождения Карелии в 1944 г.

многие бывшие партизаны и подпольщики по инициативе Андропова были отозваны на комсомольскую и партийную работу и укрепили актив республики. По рекомендации Андропова Сергей Жиганов, знаменитый партизан-пулеметчик, награжденный орденом Ленина, был назначен заведующим военным отделом Зарецкого райкома партии г. Петрозаводска. Бывший помощник комиссара по комсомолу партизанского отряда «Комсомолец Карелии» Вера Сулова получила рекомендацию на работу в ЦК ЛКСМ. Бывший комиссар этого отряда, созданного по инициативе Андропова, Иван Инниев в 1948 г. стал секретарем Калевальского райкома партии, бывший помощник комиссара по комсомолу, комиссар отряда «Вперед» Дмитрий Александров работал секретарем Кестеньгского райкома партии. В январе Ю. В. Андропов участвовал в работе III съезда ЛКСМ КФССР. На этом съезде секретарями ЦК комсомола республики избрали Николая Тихонова, Сергея Татаурщикова, Павел Удальцов стал заведующим отделом ЦК ЛКСМ. Бывший помощник комиссара по комсомолу партизанского отряда «Красный онежец» Михаил Захаров работал первым секретарем Петрозаводского горкома комсомола.

Ю. В. Андропов оказал поддержку многим людям. Так, бывший помощник комиссара по комсомолу партизанского отряда «Железняк» С. П. Татаурщиков был избран секретарем Заонежского райкома комсомола, затем по рекомендации Андропова — первым секретарем Петрозаводского горкома. В 1946 г. он был направлен на учебу в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ и обучался в ЦКШ в 1946–1948 гг. В конце 1948 г. Татаурщикова избрали освобожденным секретарем партийного бюро школы. Однако оставаться в Москве он не захотел — ходил на приемы к секретарям ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову и А. Н. Шелепину. Андропов, являясь в то время вторым секретарем ЦК КП(б) КФССР, помог и настоял на возвращении — Татаурщиков стал секретарем

ЦК ЛКСМ по кадрам, затем — первым секретарем ЦК комсомола Карелии, в последующем многие годы работал на ответственной работе в партийных и государственных органах республики.

Изучение локальной истории, связанной с биографией Юрия Владимировича Андропова периода Великой Отечественной войны, позволило сделать несколько обобщающих выводов.

1. О цене Великой Победы. Патриотическое движение детей и подростков в помощь фронту, изложенное на материалах Карелии, имело типологический характер для всей страны. Природа и характер этого движения имели тождественные черты и тенденции. Великая Отечественная война явила миру огромное число юных героев, которые в мирное дни учились в школе, отдыхали, играли во время каникул. Какой ценой можно измерить вклад в Победу детей и подростков — советских школьников? Пожалуй, невозможно выразить участие детей войны в разгроме врага только в каких-то материальных показателях (количестве выработанных трудодней, собранном металлоломе, заработанных и сданных средствах в фонд обороны и пр). Сами по себе цифры показательны. Так, например, подсчитано, что в 1942–1944 гг. школьники страны выработали 588 600 трудодней, за три года войны собрали 240 784 тонны дикорастущих растений (Война глазами детей, 2011: 11).

Важнее другое. Самопожертвование, душевный порыв и стремление любой ценой защитить Отечество и свой народ, патриотизм и вера в идеалы советского общества стали характерными чертами поведения молодого поколения. Никакой статистикой это не показать, не выразить цифровыми исчислениями. В этом смысле Великая Победа воспринимается как *Недооцененная Победа*. «Пионерская правда» в годы войны напечатала анкету с рядом вопросов, в том числе «Чем ты помог Красной Армии?» В многочисленных

ответах, присланных в редакцию газеты, выражалась безграничная любовь к Родине, к Красной армии, желание учиться и трудиться в помощь фронту, во славу своей Родины.

Примеров личного самопожертвования юных героев Советской страны по всей стране было огромное множество. Вот, например, письмо, адресованное «Москва. Дедушке Сталину», аккуратно написанное ученической ручкой: «Дорогой дедушка Сталин! Мне 9 лет. Я учусь в 3 классе Больше-Валяевской школы Терновского района Пензенской области. Мой папа на фронте. Он бьет фашистов. Я хочу помочь ему и вношу 1000 руб. на строительство самолетов. Шлю вам горячий пионерский привет. Крепко обнимаю. Нина Гришаева. 12 января 1943 г.» (РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 262. Л. 1). Заработанные ребенком деньги были отправлены в фонд обороны.

Какой ценой измерить самоотверженный труд подростка Олега Ломова, оказавшегося после эвакуации из блокадного Ленинграда в таежном селе в далекой Сибири? (см.: Ильинский, 2014: 98, 126, 161). Некому было работать на тракторе в местном колхозе: все мужчины ушли на фронт. В 16 лет Олег стал трактористом на колесном тракторе ЧТЗ — от работы его трактора зависели все полевые работы и уборка урожая. На неокрепшие юношеские плечи легла невероятная нагрузка: приходилось трудиться от зари до глубокой ночи — пахать, боронить, культивировать, таскать комбайн, сеялки, веялки, переходить с одного поля на другое. Предельно изношенный трактор требовал постоянного ремонта — фактически Олег его неоднократно перебирал узел за узлом. Занимаясь ремонтом под трактором в мастерской, Олег не обращал внимания ни на холод, ни на простуды — он застудился и смертельно заболел. Вероятно, это была своя передовая линия фронта для мальчишки военных лет, пожертвовавшего собственной жизнью ради народа и своей семьи, где он был опорой для матери и малолетних детей. Передовая линия — не иначе!

В памяти автора данной книги не просто сохранились — впечатались куда-то глубоко в душу рассказы отца, Альберта Степановича Васильева, 1932 г. рождения. С начала войны архангельские мужики — таежные охотники ушли на фронт (в их числе мой дед, заменивший охотничье ружье на снайперскую винтовку). Оказалось, что некому доставлять документы (областные, районные) для местных органов власти (сельсоветов) и почту (в том числе письма с фронта, деньги). 10-летний архангельский мальчишка взялся за ответственную и тяжелую работу — он развозил корреспонденцию по глухим таежным поселкам, преодолевая зимой на лыжах, летом на весельной лодке по реке Илексе и многочисленным озерам десятки верст (сегодня это район первозданного природного комплекса — Национального Водлозерского парка). Время было голодное — работать приходилось на пределе сил. Выполнение поручений было не только ответственным (с учетом секретности документов военного времени), но и опасным: приходилось остерегаться не только диких таежных обитателей (медведей, волков, рысей и пр.), но и лихих людей — «услонцев» (так называло местное население беглых заключенных из лагерей, по названию Управления СЛОНа — Соловецкого лагеря особого назначения), а также так называемых дальних разведчиков (диверсионных групп) со стороны Финляндии, добравшихся до районов Архангельской и Вологодской областей. Старенькое *ружьишко* (особенность северного говора — использование ласкательно-уменьшительных слов и выражений. — Ю. В.) служило больше для успокоения, чем для устрашения: патронов не было. Порученное дело Алик Васильев выполнил достойно: позднее он был рекомендован в пограничные войска, входившие в систему госбезопасности, служил в Брестском погранотряде на погранзаставе имени лейтенанта А. М. Кижеватова, принимал участие в 1950-е годы в лесных операциях против бандеровцев в западных погранич-

ных районах СССР. В 1970-е годы за самоотверженный труд в годы войны он получил звание «Труженик тыла» и удостоверение ветерана Великой Отечественной войны.

2. О сохранении человеческого потенциала для будущего (демографического, социального, трудового, интеллектуального и др.). Советская система, сосредоточившая воедино все ресурсы страны для их мобилизации на обеспечение фронта, сыграла положительную роль в военный период. Мобилизационная модель советского общества в период Великой Отечественной войны стала одним из решающих факторов победы советского народа. Однако именно в чрезвычайных условиях войны проявилась забота со стороны Советского государства о сохранении и сбережении молодого потенциала для будущего, воплощенного в молодом поколении.

В тяжелейших условиях войны для обучения подрастающего поколения работали школы и высшие учебные заведения, из года в год их количество увеличивалось, значительные государственные затраты вкладывались в народное образование. С начала 1944 г. призыв студентов и преподавателей в армию прекратился: необходимо было сохранить интеллектуальный и научный потенциал для будущего развития страны.

В Карело-Финской ССР детям и подросткам дали возможность учиться даже в чрезвычайных условиях прифронтовой республики: уже в первые месяцы войны финским войскам, а также немецким (на севере Карело-Финской ССР) удалось оккупировать две трети территории Советской Карелии, наиболее развитой в экономическом отношении, включая столицу г. Петрозаводск. С конца декабря 1941 г. линия советско-финляндско-германского фронта стабилизировалась и оставалась практически неизменной до июня 1944 г. В условиях длительного времени позиционной войны территория советского тыла находилась

в непосредственной близости к фронту. В этих условиях существовала постоянная угроза вражеских бомбежек, нападений диверсионных отрядов противника, что создавало опасность для жизни населения в тылу.

Забота о школьниках и студентах стала важным условием патриотического движения учащейся молодежи в помощь фронту. Советский народ в лице молодого поколения в годы Великой Отечественной войны стал субъектом исторического процесса, чего не было в довоенный период советской истории. Патриотическое движение в помощь фронту следует определить как социальный феномен, разновидность социального движения. Под этим понятием подразумевается движение большой социальной группы (молодежи), обусловленное общностью интересов и задач, общей целью, направленной на помощь фронту. Социальное движение молодежи зависело от социальных факторов, которые его породили, оно выразилось в стремлении молодежи вместе со всем народом разрешить насущные вопросы, связанные с защитой Отечества, своей Родины. Патриотическое движение молодежи включало массовые коллективные действия в советском тылу по реализации интересов молодого поколения как социальной группы. Оказание помощи фронту как социальное движение оформилось в качестве совокупности продолжительных массовых коллективных действий большой социальной группы, связанных с удовлетворением и обеспечением групповых и общественных интересов и потребностей, целью которых являлось осуществление социальных изменений на основе общих интересов.

Изложенные обстоятельства исключают миф о якобы тоталитарном советском обществе в период военного лихолетья.

3. О роли идеологии в годы Великой Отечественной войны. Идеи советского общества, заложенные в молодом поколении в советской школе и семье в довоенные годы, основывались на вере в счастливое будущее, в социалистическую идею (*социальное равенство, справедливость*). Идеи

советского общества оказались созвучны идеалам и ожиданиям молодого поколения, выросшего в условиях нового общества. Подобные созвучия проявились в синтетическом феномене *советского коммунизма* как идеологии коммунистической модернизации. Установки о построении новой общественной организации, основанной на социальном равенстве, устройстве справедливого и гуманного общества, соответствовали пониманию *правды* и *свободы* в ментальности советской молодежи. Советский коммунизм, целью которого являлось достижение идеальной высшей формы человеческого общества, создал духовную основу модернизации в России. Этот комплекс идей советского общества выдержал проверку на прочность в условиях тяжелейшей войны.

Осознание учащейся (школьной, студенческой) молодежью справедливых целей Великой Отечественной войны советского народа против захватчиков явилось источником небывалой энергии и трудового энтузиазма. Патриотическое движение учащейся молодежи в помощь фронту имело огромное идеологическое значение, так как являлось школой воспитания гражданственности и патриотизма. Советский патриотизм, выразившийся в мужестве, самоотверженности, идейной убежденности молодого поколения, защищавшего свое Отечество, оказался более могучим оружием, чем вся военная машина финско-германского противника.

В идеологической победе над врагом сказалась сила советского воспитания и обучения. Финские войска, пришедшие вроде как с освободительной миссией в отношении «родственного» населения Восточной Карелии ради создания «Великой Финляндии», получили мощное сопротивление со стороны населения Советской Карелии.

Литература

Война глазами детей. Свидетельства очевидцев (2011) М. : Вече. 384 с.

Германия и СССР воспринимались в Финляндии одинаково. «31 спорный вопрос» русской истории: СССР как агрессор [Электронный ресурс] // Лента. Ру. 2014. 24 февраля. URL: <http://lenta.ru/articles/2014/02/24/winterwar/> (дата обращения: 01.03.2014).

Ильинский И. М. (2014) *Живу и помню: документальная повесть*. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. 232 с.

Шлейкин Ю. В. (2014). *Андропов. Карелия. 1940–1951...: биографическая хроника*. Петрозаводск : Острова. 288 с.

REFERENCES

Voina glazami detei. Svidetel'stva ochevidtsev (2011) [War through the eyes of children. Eyewitness]. Moscow : Veche Publ. 384 p.

«Germaniia i SSSR vosprinimalis' v Finliandii odinakovo». «31 sporny vopros» russkoi istorii: SSSR kak aggressor [«Germany and the USSR were seen equally in Finland»: «31 controversial issue» in Russian history: the Soviet Union as an aggressor]. *Lenta. Ru*. 2014. February 24 [online]. Available at: <http://lenta.ru/articles/2014/02/24/winterwar/> (accessed 01.03.2014).

Ilinskiy I. M. (2014) *Zhivu i pomniu: Dokumental'naia povest'* [Live and remember: Documentary story]. Moscow : Moscow University for the Humanities Publ. 232 p.

Shleikin Yu. V. (2014) *Andropov. Kareliia. 1940–1951...: biograficheskaya khronika* [Andropov. Karelia. 1940–1951 ... : biographical chronicle]. Petrozavodsk : Ostrova Publ. 288 p. (In Russ.)

Список источников

Архивные документы и материалы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. М-1. Оп. 53. Документы и материалы спецотдела ЦК ВЛКСМ.

Ф. М-1. Оп. 3. Документы и материалы Бюро ЦК ВЛКСМ.

Ф. М-1. Оп. 4. Документы и материалы Секретариата ЦК ВЛКСМ.

Ф. М-1. Оп. 6. Документы и материалы Отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ.

Ф. М-1. Оп. 47. Документы и материалы Военного отдела ЦК ВЛКСМ.

Ф. М-7. Оп. 1. Коллекция документов и материалов Всесоюзной выставки «Комсомол и молодежь в Отечественной войне».

Ф. М-33. Оп. 1. Письма на фронт и с фронта.

Национальный архив Республики Карелия

Ф. Р-1192. Народный комиссариат просвещения Карело-Финской ССР.

Ф. Р-591. Отдел народного образования Петрозаводского горисполкома.

Ф. Р-1591. Отдел народного образования Ведлозерского райисполкома.

Ф. Р-1615. Отдел народного образования Лоухского райисполкома.

Ф. Р-1787. Отдел народного образования Прионежского райисполкома.

Ф. Р-1813. Отдел народного образования Пряжинского исполкома райсовета.

Ф. Р-1842. Отдел народного образования Пудожского райисполкома.

Ф. Р-2646. Отдел народного образования исполкома Калевальского райсовета.

Ф. Р-3188. Отдел народного образования исполкома Беломорского райсовета.

Ф. Р-3223. Отдел народного образования Кемского исполкома райсовета.

Ф. Р-1178. Карело-финский государственный университет.

Ф. Р-1174. Карело-финский государственный учительский институт.

Ф. Р-393. Петрозаводский педагогический техникум.

Ф. Р-1557. Петрозаводское дошкольное физкультурно-педагогическое училище.

Ф. Р-2967. Петрозаводский кооперативный техникум.

Ф. Р-2967. Петрозаводский архитектурно-строительный техникум.

Ф. Р-2995. Петрозаводский лесотехникум.

Ф. Р-3104. Пудожская средняя школа.

Ф. Р-3301. Кемская средняя школа.

Карельский государственный краеведческий музей

Библиотека

Рукописный фонд

Инв. № 416, 1946.

Архив Карельского научного центра РАН

Ф. 1. Оп. 20.

Периодическая печать

Правда (1941–1945) — орган Центрального комитета и МК ВКП(б).

Комсомольская правда (1941–1945) — орган Центрального и Московского комитетов ВЛКСМ.

Ленинское знамя (1941–1945) — орган ЦК и Петрозаводского горкома Компартии КФССР и Верховного Совета КФССР.

Молодой большевик (1941, 1945) — орган ЦК и Петрозаводского горкома ЛКСМ КФССР.

Беломорская трибуна (1941–1945) — орган Беломорского РК КП(б) КФССР и исполкома районного Совета.

Красная Пряжа (1945) — орган Пряжинского РК КП(б) и райсовета депутатов трудящихся КФССР.

Красный Пудож (1941–1942, 1945) — орган Пудожского РК КП(б) КФССР и райсовета депутатов трудящихся.

Медвежьегорский большевик (1943–1945) — орган РК КП(б) КФССР и исполкома районного Совета.

Советское Беломорье (1941–1945) — орган Кемского райкома КП(б) КФССР и райсовета депутатов трудящихся.

В бой за Родину (1942–1944) — ежедневная красноармейская газета Карельского фронта.

Онежец (1941) — орган партбюро КП(б) и завкома Онежского машиностроительного и металлургического завода.

Петрозаводский университет — орган ректората ПетрГУ.

Научное издание

Васильев Юрий Альбертович

Тайны «Могикана»
(К 100-летию со дня рождения Ю. В. Андропова)

Монография

Корректоры Т. Л. Ожиганова, Н. М. Шешеня
Верстка Г. Г. Кротовой
Художник Галина Кротова

Подписано в печать 09.07.2014. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 12,5. Тираж 600 экз. Изд. № 377. Заказ № 136

Издательство Московского гуманитарного университета
111395, Москва, ул. Юности, 5